

Олег Викторов

Пришельцы

Сборник повестей и рассказов

Москва 2019

Олег Викторов

Пришельцы

«Издательство «Перо»

2019

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Викторов О.

Пришельцы / О. Викторов — «Издательство «Перо», 2019

ISBN 978-5-00150-071-1

В сборник вошли произведения самых различных жанров: полная драматизма история любви и предательства («Точка невозврата»); трагическая, с оттенком мистики повесть о жизни офицера спецслужб, оказавшегося на скамье подсудимых («Подсудимый»); загадочная, шекочущая нервы своей недосказанностью история инопланетного преступника, осуждённого на вечные скитания в космосе («Единственный шанс»); весёлая фантасмагория на тему пришельцев из параллельных миров («Соседи») и другие, не менее захватывающие, вызывающие сопереживание рассказы, каждый из которых отличают яркие сюжетные линии и вечные темы добра и зла, патриотизма и лицемерия, прощения и жажды мести, крепкой мужской дружбы и женского непостоянства...

УДК 821.161.1

ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-00150-071-1

© Викторов О., 2019

© «Издательство «Перо», 2019

Содержание

Точка невозврата	6
Единственный шанс	38
Знакомство	49
Подсудимый	71
Конец ознакомительного фрагмента.	72

Олег Виктор

Пришельцы

© Виктор О., 2019

Точка невозврата

«Держи удар, Смолин! Сгруппируйся! Нырок и в ответку, справа! Удар держи, бандерлог!»

Слова тренера он слышал и сейчас, сквозь годы. Он всегда слышал их в те моменты, когда жизнь мутузила его джебами и апперкотами и увернуться от них не представлялось возможным. Слова как-то сами всплывали в памяти, как подсказка, как поддержка, как команда собраться. И вот теперь, как и тогда, в его первом самостоятельном бою, перед глазами колыхалась полупрозрачная муть, ноги не хотели держать своего хозяина и окружающая действительность плыла мимо, словно прощаясь с ним. Его соперник, уже опытный боец, нанёс прямой в челюсть, он пропустил. Но это случилось давно, сейчас же удар пришёлся прямо в душу, а потому к нестерпимой боли добавилась обжигающая обида, имеющая более разрушительную силу, чем хук супертяжа.

Он раз за разом просматривал видеоролик, пришедший по WhatsApp, и отказывался верить глазам. «Это невозможно! Так не бывает! – хотелось заорать во всё горло. – Кто-то жестоко пошутил!» И не кричал он только потому, что разум, подлый холодный разум, давно приученный мыслить логически, шептал ему жёстко, безапелляционно: «Пытаться уйти от очевидности – трусость! Ты ведь и сам знаешь, что это – ПРАВДА! Держи удар, как учили!»

Но смысла держать удар он больше не видел.

...Учась в пятом классе, как-то в начале мая он возвращался после продлёнки домой. И, проходя через задний двор школы, где располагалось футбольное поле и спортивные площадки в обрамлении густых кустов, вдруг услышал истошные вопли, иногда переходившие в отчаянное шипение. Душераздирающие звуки издавал явно не человек, и мальчик догадывался, кому они могут принадлежать: не раз приходилось слышать, какие концерты закатывают озабоченные продолжением рода коты. Но нутром почувствовал: в данном случае кошачья свадьба ни при чём, животное определённо угодило в беду. В благородном порыве помочь страдающему существу он кинулся к ближайшим зарослям.

Когда он портфелем раздвинул ветви кустарника, ему предстала страшная картина. На корточках сидели три пацана, на два класса его старше, слывшие на всю школу отпетыми мерзавцами, с ними и учителя предпочитали не связываться. Двое из них прижали к земле серого облезлого кота, слабо дёргающего вывернутыми из суставов лапами, а третий норовил «розочкой» от пивной бутылки угодить пытавшемуся сопротивляться животному в глаз. На месте другого глаза несчастной твари уже зияла дыра, полная тёмной крови.

– Вы ч-чего т-творите?! – он заикался от негодования.

– Да вот, – сказал один из тех, что держали кота, криво улыбнувшись толстыми губами; его пороссячи глазки горели садистским удовольствием, а толстая веснушчатая физиономия лоснилась от предвкушения, – скотину блохастую поймали. Сейчас ей zenки подрихтуем, бензинчиком sprysнем – чирк! – будет ползать и верещать. Хохма!

– Смеху будет – уссыся! – гаденько хихикнул другой, шмыгнув вечно сопливым носом-крючком. От его длинных, всегда сальных волос постоянно пахло какой-то дрянью. Быть может, народными методами он пытался избавиться от обильной перхоти. Родители пили безбжно и предпочитали купить лишнюю чекушку, чем тратить деньги на хороший шампунь для своего оболтуса.

– А ты чо, посмотреть хочешь? – третий на секунду прервал своё занятие и повернулся к некстати появившемуся свидетелю. Он был блондином с правильными, даже приятными чертами лица, но взгляд его бесцветных глаз всегда оставался пустым и холодным, словно у мертвеца. – Вали лучше отсюда!

Он бы и свалил: связываться с таким хулиганьём – себе дороже. Да и шансов одолеть их – ноль целых, ноль десятых. Вот только душа у пацанёнка вскипела вдруг, воспротивилась жестокости необоснованной и мукам существа беспомощного и безвинного. Саданул он со всего маху портфелем по голове длинноволосого и ногой, всей подошвой, по губам мордатуму врезал. Кота они отпустили, да только куда он мог убежать, бедолага, на искалеченных лапах...

Били заступника недолго, со вкусом, стараясь угодить в самые болезненные места, а потом... Потом осуществили задуманное, заставив его просмотреть всё до конца.

Вернулся он домой побитый, в изодранной одежде и со жгучей обидой в бешено бьющемся сердце. Обидой на своё бессилие, на несправедливость и невозможность отмотать всё назад, оживить кота, принявшего жуткую смерть ради дикой потехи малолетних подонков.

– Господи, Димка, что с тобой? – всплеснула руками мать, полная, большегрудая женщина, никогда ни на кого голос не повышавшая. Она с малых лет учила сына добру. Ветку у дерева, мол, просто так ломать нельзя – больно ему.

Он ничего не ответил, лишь прошмыгнул мимо матери в ванную, бросив портфель в коридоре, и долго-долго умывался, будто вода могла смыть раны с тела и души, и рыдал. Рыдал тихо, закусив губу и сильнее пустив струю из крана.

Когда поздно вечером вернулся отец, начавший шоферить с младых ногтей и продолжавший это занятие и сейчас, на рубеже своего пятидесятилетия, мать что-то пошептала ему на кухне и только потом он вошёл в комнату сына, сидевшего за уроками. Постоял несколько минут молча, большой и крепкий, занимавший чуть ли не весь дверной проём, и низким, как труба, голосом спросил:

– Сколько их было?

– Трое, папа, – буркнул он, не отрываясь от тетрадки.

Отец прошёл в комнату, сел на диван, стоявший рядом с письменным столом, и положил руку на плечо сыну. Сила и тепло от его большой руки передались ему, и напряжение, не отпускавшее последние несколько часов, схлынуло, послушно уступив место спокойствию. Он встал из-за стола, сел рядом с отцом и крепко-крепко обнял его за шею.

– Себя защищал или кого-то? – пробасил отец, тоже обнимая сына.

– Кота хотел спасти.

– Кота-а?..

– Да! Они его изувечили, а потом... – он сглотнул комок, подкативший к горлу. – Потом облили бензином и подожгли... Живого ещё.

– Понятно. Вот что, Дмитрий, – отец говорил душевно, но серьёзно. – Время такое сейчас наступило, что кулаками махать уметь необходимо. Хотя это умение не лишним всегда было. У меня послезавтра выходной наклеивается. Я тебя после уроков заберу и пойдём.

– Куда?

– Увидишь.

Отец привёл его в секцию бокса, располагавшуюся в двухэтажном кирпичном здании, в самой низине стадиона «Торпедо». Тренер, лысый дядька с квадратной фигурой, колючим взглядом оглядел худенького невысокого паренька, потрогал твёрдыми, как палки, пальцами его незаметные бицепсы и вынес вердикт:

– Попробуем! Чтобы на улице тебе больше синяков не ставили. Тебе их здесь с лихвой хватит. Собирайте медицинские справки, занятия в сентябре начнём.

Летние каникулы пролетели быстро, наполнив впечатлениями, и он как-то подзабыл, что вместе с началом занятий в школе у него начнутся тренировки в боксёрской секции – вещь для него новая, интересная и немного пугающая. Вспомнил только, когда отец повёл его в ближайший спортивный магазин, где они купили перчатки, капу и прочую необходимую экипировку. На дворе стояла первая половина девяностых. Магазины, и спортивные в том числе, стали наполняться товарами, о которых раньше и помыслить не могли, вопрос заключался только

в цене. Отец не поспешил и приобрёл для сына всё добротное, фирменное. Только потом он узнал, что отец потратил деньги, которые несколько лет копил себе на зубы. Дмитрий был поздним, долго выпрашиваемым у судьбы ребёнком, и его старались не ущемлять в желаниях. Не баловали, но всем необходимым обеспечивали.

– Ну что, бандерлоги, – говорил тренер чуть хрипловатым голосом, встав перед шеренгой пацанят, широко расставив ноги и заложив руки за спину. – Летний балдёж закончился, начались трудовые будни. Зовут меня Никита Никитович. Все мои указания выполнять беспрекословно! Будет трудно, а часто и больно. Слабаков и хлюпиков не потерплю. Кто выдержит, человеком станет. Обещаю! А пока вы – бандерлоги.

И начались тренировки. Тяжёлые, изматывающие, но и интересные одновременно. Мальчишка менялся на глазах: вытянулся, оброс мускулами, посерьёзnel. Красавчиком, чтобы девчонки на шею вешались, не был, но мужской привлекательностью уже обладал. И учился при этом неплохо. Отец предупредил сразу: начнёт хромать учёба, о боксе придётся забыть.

Как-то раз, возвращаясь с тренировки, в пустом сквере Дмитрий встретил одного из своих обидчиков. Того самого блондина, подростка теперь, ставшего привлекательным; вокруг него частенько стайкой вились девчонки. Сейчас он шёл один, чуть покачиваясь, и прицепился первым.

– А-а, кошачий защитник, – сказал он слегка заплетающимся языком. – Куда шкандыбаешь? А мы вчера с одного кота шкуру содрали. Прямо с живого. Поплачь о нём. Ну?! А то в репу съезжу...

Нос блондина хрустнул под кулаком юного боксёра неожиданно громко, словно ветка в лесу под ногой грибника. Он почувствовал боль в костяшках пальцев, и она лишь раззадорила его. Он ударил ещё, потом ещё и ещё, и бил, пока светловолосый негодяй не рухнул в грязный весенний снег, что-то нечленораздельное пища о пощаде. Зло сплюнув, он просто развернулся и ушёл.

– Кому морду бил? – спросил тренер, глядя на его сбитые костяшки.

– Да так... – пожал он плечами, – сволочь одну встретил.

– Закурить спросили или деньги отнять пытались?

– Нет. О прошлом поговорили.

– Понятно. За честность хвалю. Но помни: будешь по подворотням кулаками махать, удадь свою показывать, выгоню к чёртовой матери! Я вас, бандерлогов, не для уличного махача учу! Бить первым человека, заведомо слабее тебя, – подлость. Какой бы скотиной он ни был. Заруби на носу!

Свой первый официальный бой он проиграл вчистую. Соперник попался старше его на год, опытнее и чуть-чуть потяжелее, правда, в рамках весовой категории. Он обаятельно улыбался и казался расслабленным, словно и не на ринг вышел, а так – на прогулку. Но как только ударил гонг, Дмитрия буквально пронзил колючий и внимательный взгляд чёрных, прищуренных глаз. Половину первого раунда он выстоял, не только оказывая достойное сопротивление, но и огрызаясь редкими выпадами. Серьёзно ужалить визави своего не удавалось, но уверенность в своих силах и возможностях появилась. Он пошёл в серьёзную атаку, напролом, не особо прислушиваясь к словам тренера, доносившимся из-за канатов. И тут же напоролся на прямой удар в солнечное сплетение. Острейшая боль разлилась по всей груди, перекрыв дыхание и плеснув темноту в глаза. Руки непроизвольно опустились, и мгновенно хук справа опрокинул его на помост. Судейский счёт до десяти и поднятая после рука победителя промелькнули как чей-то силуэт в тумане и почти не зафиксировались ушибленным сознанием. В себя он пришёл только в раздевалке, лёжа на массажной кушетке, и тренерские слова запомнил навсегда.

– Почему руки опустил? – Никита Никитович возвышался над ним, раскачиваясь с носков на пятки, и говорил не строго, но с лицом непроницаемым.

– Очень больно было, – он почувствовал, как на глаза наворачиваются совершенно неуместные сейчас слёзы.

– Бо-ольно было, – передразнил тренер. – Ньюни не распускай, бандерлог. Запомни: боли для боксёра не существует! Она для тебя как злость, раздражитель. Почувствовал боль – волю в кулак и вперёд, отплатить обидчику. Пусть он корчится от удара в печень. И так всегда! Даже когда свет перед глазами меркнет, ноги подкашиваются и кажется, что точка невозврата уже пройдена. Терпеть, держать удар! За волосы себя вытаскивать! Понял?

– А что это за точка такая?

– Не слышал никогда? Эх, молодёжь... Одни бандерлоги! Во время войны, когда лётчик на задание отправлялся и связь с ним терялась по каким-то причинам, время считали, до которого у него горючки хватит, чтобы на родной аэропорт вернуться. И он сам знал: вот с этого момента – всё, обратно не долетит. Так вот, даже в такой ситуации отчаиваться нельзя! Тянуть и тянуть до последнего.

– И что, возвращались?

– Бывало, – суровость лица наставника растопила добрая улыбка.

Через три года Смолин стал чемпионом округа...

Он положил телефон на стол и медленно опустился на стул. Сейчас он находился в комнате отдыха, пришло его время сна. Но спать он не собирался. Стояла глубокая ночь, и, если не случится ничего экстраординарного, до семи утра его никто не потревожит, не помешает, он полностью предоставлен своим мыслям. Сердце билось совершенно спокойно и ровно, несмотря на то, что жизнь кончилась. С детства слышал басни о том, что за несколько мгновений до смерти перед мысленным взором человека пролетает вся его прежняя жизнь, какой бы длинной или короткой она ни была. Словно кино кто-то прокручивает в ускоренном режиме в обратном направлении. Ничего подобного с ним сейчас не происходило. Быть может, потому, что разум не осознал ещё решения, принятого душой. Будь живы мать и отец, он, вполне возможно, зацепился бы за дальнейшее существование. Именно существование. Жизнью с сегодняшнего дня он это уже не считал. А так... Можно сделать шаг к встрече с самыми близкими ему людьми.

«Держать удар... – усмехнулся он про себя. – А зачем? Дальше-то что?! Мостил-мостил дорожку к счастью, годами выкладывал, а рухнуло всё быстро и до основания. Не восстановит уже. Третьей попытки не будет...»

Вспомнилась первая любовь, поразившая ментально и вдруг, как бросок змеи из высокой травы. Казалось, она пришла навсегда, а кончилась... «Плохо она кончилась, некрасиво», – подумал, горько поморщившись.

...В самом начале учебного года к ним, в десятый класс, пришла новенькая: светло-волосая девчонка с задорной чёлкой, спадающей чуть ниже лба, с радостными миндалевидными глазами василькового цвета. Росточка невысокого, даже каблучки-шпильки не спасали, но фигурка – подиумные красавицы позавидуют. Тёмные брючки сидели на ней как влитые, а белоснежная блузка едва не разрывалась на не по-девичьи тугой груди; того гляди, пуговицы «выстрелят», дав возможность увидеть хоть краешек её нежных соковок. Как только новенькая вошла в класс, мальчишку словно паралич разбил. Уже учительница представила её, уже все уселись за парты, а он продолжал стоять как вкопанный. И смотрел, смотрел на неё во все глаза, будто увидел нечто невозможное, сказочное. Она же лишь бросила на него беглый взгляд, сдунув вверх непослушную чёлку, и прошла на указанное место, почти у самой доски, на несколько парт впереди него. Тогда ему это ничтожное расстояние показалось длинным, как дорога в другой город.

– Садись, Смолин, – учительница подняла взгляд вверх очков, носимых всегда чуть ли не на кончике носа. На добродушном лице педагога, отдавшего школе тридцать с лишком лет, заиграла понимающая улыбка. Понял и класс, притихший вдруг и не позволивший себе ни

единой шутки. Ругаемое на все лады «поколение пепси» тоже умело чувствовать, кто бы что ни говорил.

Он зарделся и не сразу уселся на стул.

– В нокауте, чемпион? – шепнула соседка по парте, «серая мышка», давно строившая ему глазки.

Дмитрий смутился ещё больше, сначала кивнул, потом резко мотнул головой в знак отрицания, а после и вовсе склонился над нераскрытым учебником по химии, словно хотел нырнуть в него с головой и стать одним из элементов таблицы Менделеева.

На перемене девчонки, да и парни тоже, стайкой налетели на новенькую, засыпали её вопросами, так и не дав ему к ней приблизиться. А он радовался этому! Появилось время прийти в себя, собраться с духом. В сущности, опыт общения с противоположным полом, в плане интима, у него отсутствовал. Когда друзья делились успехами на эротическом фронте, зачастую надуманными и преувеличенными, он скромно молчал. Ему претило слушать эти рассказы, сам бы он никогда не стал делиться впечатлениями подобного рода – низко и не по мужски. Да и объект для любви и обожания ему не повстречался. До этого самого дня.

После уроков, уже на улице, он подбежал к ней, улучив момент, когда она оказалась в одиночестве, и разом выдохнул:

– Можно я провожу? Как тебя зовут?

Она секунду рассматривала его оценивающим взглядом, улыбнулась лишь уголками губ и ответила не без снисхождения:

– Проводи, раз делать нечего. А ты плохо слышишь?

– Почему?

– Вообще-то, меня учительница представляла всему классу.

– Я... правда не слышал, – он виновато опустил глаза. – Отвлёкся, наверное.

– На что? – лукавый выстрел красивых глаз.

Он не знал, что ответить.

– Ладно, – она задорно засмеялась, – не падай в обморок. Меня зовут Людмила. А тебя?

– Дмитрий.

– Ну, пошли, Дмитрий.

– Давай рюкзак понесу.

– Не парься! Я не маленькая.

Она небрежно закинула выдавший виды рюкзачок на плечико и посеменила вперёд.

– А ты где живёшь? – спросил он.

– Недалеко, на Дубровке.

– Действительно рядом... – он не сумел скрыть разочарования.

– Не поняла, – она поправила непослушную чёлку. – Район не нравится?

– Просто... Дойдём быстро.

– А-а-а... Так мы не будем торопиться! – хохотнула задорно, хитро подмигнув.

У перехода через оживлённый Симоновский вал он непроизвольно взял её ладошку в свою руку. Она не сопротивлялась. Наоборот, он почувствовал, как её пальчики откликнулись. Так упоительно, так сладко было их касание, что по всему его телу пробежала горячая дрожь, и казалось, будто через пульсацию под шёлковой кожей он слышит биение сердца девушки и стучит оно в унисон его собственному.

К её дому, старенькой кирпичной пятиэтажке, они подошли уже поздним вечером, когда сырой и холодный, по-настоящему осенний, ветер раскачивал негорящие фонари. Дмитрий отдал девушке свою куртку, но холода не чувствовал. Несколько часов блужданий по округе показались ему мигом кратким, который нестерпимо хотелось продлить. Сколько раз он проходил мимо этого дома, расположившегося над оврагом, на склоне которого ласточкиными гнёздами примостились гаражи, а внизу пролегла одноколейная железная дорога, заброшенная с

советских времён, и думать не думал, что здесь поселится его счастье. Место это славу имело нехорошую. «Железка» давным-давно поросла густым кустарником, и алкаши, да и любители более «тяжёлых» удовольствий, облюбовали её прочно. Драки и поножовщина случались здесь регулярно, изнасилования редкостью не слыли, да и до убийств дело доходило.

– Подальше от оврага держись, – предупредил Дмитрий, когда они остановились у подъезда. – Тут швали всякой предостаточно. А лучше – я тебя и провожать, и встречать буду!

Сегодня он впервые прогулял тренировку и вообще забыл, что есть ещё что-то на свете, кроме чёлки цвета спелой пшеницы и её обладательницы.

– Мне телохранители не нужны, – произнесла она совершенно серьёзно и не без обиды. – Мне и в лесу ночевать приходилось. Так что за себя постоять сумею.

Намерение своё он выполнил, и на следующее утро, в восемь часов, как часовой на посту, стоял у её подъезда. Моросил нудный и тоскливый дождик, и, как только она выбежала из подъезда, он раскрыл над ней зонтик. От неожиданности она вздрогнула и резко развернулась. Острый, как бритва, взгляд прищуренных глаз полоснул его так, что он отпрянул. А увидев нож в её руке, и вовсе на мгновение дара речи лишился. Реакцией он обладал отменной, но даже не успел заметить, как и откуда она его достала.

– Т-ты чего? – промямлил он.

Увидев своего вчерашнего провожатого, она тут же расслабилась, моментально спрятала нож в карман куртки и неожиданно весело произнесла:

– Дурак! Не шути со мной так больше.

– Ты всё время с собой его носишь?

– А по-другому в наше время нельзя! Ладно, пошли, горе-охранник, – она взяла его под руку и чуть ли не потянула за собой.

Потом он проводил её после школы и сразу понёсся на тренировку.

– Где был вчера? – спросил Никита Никитович строго, окинув его взглядом с головы до ног.

– Я... Мне... – он давно уяснил, что тренеру лучше не врать. – С девушкой одной познакомился. Проводить её нужно было.

Суровое лицо наставника неожиданно потеплело, озарилось широкой улыбкой, и он похлопал его по плечу.

– Боец становится мужчиной? – одобрительно произнёс он. – Это нормально. Но учти – поблажек не будет. Крутись-вертись как хочешь, совмещай приятное с полезным, но тренировок не пропускай! Всё! Иди переодевайся.

Они стали с Людмилой неразлучной парой, даже на уроках садились за одну парту. Разумеется, охотников подкатить к симпатичной девчонке оказалось предостаточно, но иметь дело с кулаками Дмитрия желающих не нашлось, и соискатели любовных приключений разлетелись, как испуганные воробьи. Да, собственно, в любом случае шансов они не имели. Две юные души оказались созвучны друг другу, сердца их бились в такт, дышать в одиночку им казалось неуютно. Сначала она игнорировала его вопросы о своём прошлом: где училась раньше, почему сюда переехала? Он не настаивал, видя, что её это напрягает. Она тут же уходила в себя и становилась раздражительной. Но как-то раз, уже ближе к зиме, когда первый выпавший снег превратился в грязную кашу под ногами, они прогуливались по набережной Москвы-реки, неподалёку от Новоспасского моста. Здесь было темно, безлюдно и лишь проносящиеся мимо машины выхватывали фарами из мглы две одинокие фигуры, выбравшие для прогулки явно не лучшую погоду. Но что им было до погоды?! Если бы река вдруг вышла из берегов и хлынула мутными водами по ближайшим улицам, они бы не заметили.

Зайдя под арку моста, они нос к носу столкнулись с тремя мужичками бомжеватого вида. Один из них наливал в гранёный стакан водку, а двое других зацепенели в ожидании. Стакан в руке разливающего дёргался, но он умудрялся не промахнуться. Даже на расстоянии чувство-

вался противный сивушный запах: водку, определённо, сделали не на заводе. Алкаши не обращали на парня с девушкой никакого внимания, и те преспокойно могли пройти мимо. Но вдруг случилось то, чего Дмитрий от своей возлюбленной никак не ожидал. Ни слова не говоря, она коршуном кинулась вперёд и махом вырвала вожаденную бутылку у ничего не подозревавшего мужика. стакан выпал из его руки и с прощальным звоном разбился о грязный асфальт. Людмила пробежала несколько шагов вперёд, размахнулась и со злостью запустила отнятое пойло в плещущиеся о гранит набережной тёмные речные воды.

– Ты чо, – раззявил беззубый рот оставшийся без «лекарства» выпивоха, – ох–а совсем?!

С грозным видом он двинулся на девчонку. Двое его корешей в себя ещё не пришли и продолжали стоять столбами. Дмитрий схватил за шиворот разгневанного опойку и легко отшвырнул в сторону. Тот на ногах не устоял и плюхнулся в лужу.

– Не надо!!! – истошно закричала Людмила. – Не трожь их!!! Бежим отсюда!

Она, пользуясь затишьем на дороге, метнулась на другую сторону улицы. Он не понимал, с чего бы это вдруг ему нужно убежать (да и не привык к бегству!), но и не послушаться не мог.

Когда они оказались в свете ближайшего фонаря, он заметил в глазах её слёзы.

– Подожди! – он поймал её за руку. – Никто за нами не гонится! Да что с тобой?..

Она посмотрела на него таким взглядом... В душе у него всё перевернулось от этого взгляда! В нём чёрным огнём горела боль, злость и ещё нечто такое, что и понять-то было страшно.

– Сегодня ровно год... – прошептала она, а слёзы двумя ручейками неостановимо текли по её щекам.

– Какой год?! Может, расскажешь?..

Она рассказала.

...Людмила жила с родителями и младшим братом в маленькой двухкомнатной квартире в Копотне, рядом с кольцевой дорогой. Сколько себя помнила, отец пил безбожно, а потом и мать к пьянству пристрастилась. Дома вечно не хватало денег, в том числе и на еду, и нередко ошивался всякий сброд. А девчонка росла, хорошела... Однажды родители в очередной раз упали в беспамятстве, а их случайный собутыльник начал приставать к девчонке, когда та заглянула на кухню – хоть чайку глотнуть, ведь живот крутило от голодухи. Она и лица-то его толком не помнила. В память врезались лишь липкие лапищи, тяжкий перегарный запах и верблюжьи губы. Он облизывался и вытягивал их, норовя поцеловать. Она пыталась вырваться, но бесполезно. Алкаш грабастал и грабастал её своими ручищами. Ей даже казалось, что рук у него не меньше, чем лап у паука, и они такие же страшные и лохматые. Она не кричала, не звала на помощь, боясь разбудить спящего братика, чтобы тот не увидел всей этой мерзости.

– Сучка! – прошипел пьяный развратник, когда она, в отчаянье, укусила его за руку, чуть повыше кисти. – Я тебя научу, как нужно вести себя со старшими!

Он схватил её за волосы, оттянул голову назад и заставил встать на колени. Затем расстегнул штаны и вытащил свои причиндалы. В нос ей ударил запах мочи и давнишней немывтости.

Она дёргалась, пыталась вернуться, а он тыкал и тыкал ей в губы вонючей головкой, продолжая держать за волосы. Чтобы хоть как-то увильнуть, она опустила ещё ниже, практически села на пол, не обращая внимания на резкую боль в затылке от готовых вырваться с корнем волос. Руки лихорадочно зашарили по холодному кафельному полу, и правая наткнулась на что-то ещё более холодное, металлическое. Ножик! Обычный ножик, которым колбасу или хлеб режут, не точеный к тому же уже давным-давно. Она схватила его и ударила прямо в волосатое, дурно пахнущее непотребство. Мужик дико заорал, отпрянул от неё, а она полоснула ещё раз, наотмашь, и кинулась прочь из кухни, а потом и из квартиры. Сколько бежала в темноте, не разбирая дороги, не помнит. Очнулась в лесополосе, сидя на сырой и студёной земле, прислонившись спиной к дереву. Рука по-прежнему сжимала спасительный нож. С омерзением отбросила его в сторону и сжалась в комочек: на улице был конец августа,

ночи стояли холодные, а она выскочила в одной ночнушке и тапочках. Потом отыскала нож, отмыла и с тех пор не расставалась с ним.

Вернулась она домой, когда рассвело, вся зарёванная и дрожащая от холода.

– Где носило всю ночь?! – прорычала мать, опухшая и злая со страшного похмелья. Она возила тряпкой по полу на кухне, замывая кровавые разводы.

Отец с отрешённым видом курил «Беломор», а пепел с папиросы падал вниз, как раз на те места, где только что мать прошлась тряпкой.

Людмила поведала всё без утайки и потянулась к матери, ища сочувствия и успокоения. Но та села на табуретку, широко расставив толстые, в венозных узлах ноги, едва прикрытые до колен старым, исцветшим халатом, хлопнула зло по коленке и пропитым голосом исторгла из себя:

– А я-то думаю: откуда здесь кровяшка?.. Ну и что, стерва, от тебя убыло бы, что ли?! А ежели ты его покалечила и сюда сейчас ментов куча навалит? Что тогда?

Дочь обомлела. Слезы потекли сами, и она стояла, не шевелясь, не зная, что дальше делать.

– Я эту гниду убью! – пришёл в себя отец. Худой, всклокоченный, в семейных трусах и заношенной майке, он сейчас походил на классического пропойцу, какими их изображали в советских карикатурах. – Найду и убью!

Он швырнул окурок в раковину, прошлёпал босыми ногами по линолеуму и заперся в туалете.

– Вот там и сиди! Убьёт он... Да где ты его найдёшь? Кто это был, вообще? А убьёшь, что тогда?! Посадят мудака, и всё! А я одна оглоедов этих поднимать буду?!

После этого случая Людмила отдалилась от матери, а когда в доме собирался шалман, запиралась с братом у себя в комнате и сидела там, пока все не утомонятся. Силёнок едва хватало, чтобы старенький комод к двери придвинуть. И ставила ведро в уголок, чтобы в туалет не бегать.

А год назад, пасмурным осенним днём, она впервые в жизни пошла в театр. Когда учительница предложила билеты в «Ленком», весь класс поднял руки, кроме неё. Подружки стали уговаривать, а она отнекивалась, хотя и очень хотелось. И тут один из одноклассников, дышащий к ней неровно и не раз отвергнутый, бросил, словно невзначай, через губу:

– Да у неё денег нет! Родители всё на свете пропили. Она вообще, наверное, скоро голой в школу ходить начнёт.

Учительница шикнула на него, а он заржал, и хохот его обидный подхватили ещё несколько парней и девчонок. Она зарделась вся, стиснула зубы, но достала из кармана необходимые деньги. Их ей дала мать, чтобы она по дороге из школы зашла за продуктами. Редко, но у мамы случались моменты протрезвления, и тогда она посылала дочь в магазин, боясь, что сама ничего, кроме водки, купить не сможет. К удивлению Людмилы, мать на рассказ дочери о том, что деньги потеряны, отреагировала спокойно, без крика.

– Хрен с ними, – лишь махнула рукой. – Сегодня отец должен чего-то получить...

Несмотря на свои запои, отец был сантехником от бога и в дни редкой «завязки» копейку в дом приносил.

Пока Людмила смотрела во все глаза «Юнону и Авось», в дом к ней пришла беда. Страшная, валящая с ног, непереносимая. Отец действительно получил какие-то деньги в тот день. И сразу же купил ящик водки и нехитрой закуски. Где разливали ту дрянь неизвестно, но по психике запойного мужика она ударила катастрофически. Дочь так и не узнала, что произошло между родителями. Отец схватил топор в руки и несколькими ударами изуродовал лицо жене почти до неузнаваемости. Как минимум три удара оказались смертельными. Затем он ворвался в детскую комнату и одним махом снёс голову сыну, сидевшему за уроками. Потом, по словам

оперативников, расследовавших это дело, вернулся на кухню, выпил ещё стакан пойла, ткнулся лицом в стол и больше не проснулся.

Девчонку на воспитание взяла двоюродная тётя. Именно поэтому Людмила оказалась в новом районе и в новой школе.

– Они никогда не ссорились так, чтобы до мордобоя. Никогда! Понимаешь? – закончила она свой рассказ. – Отец и на нас с братишкой руку не поднимал. Это всё отравка эта, людей в нелюдей превращающая. А они её глушат и глушат...

– Ты что, на всех алкашей так бросаешься?

– Нет, – она опустила глаза. – Просто... Просто годовщина сегодня. Накатило, видимо...

– А чего бежали-то? – он сейчас ненавидел всех выпивох на свете. – Накостылять им, и все дела.

– За что? – искренне удивилась она. – Если мордовать больного человека, он выздоровеет, что ли? Тебя этому в боксе учат?

Он ничего не ответил, лишь отвёл глаза от её лица, казавшегося ему ещё красивее после тяжёлого рассказа, после пролитых слёз.

– Я тебе, Димка, это затем рассказала, чтобы ты относительно меня никаких иллюзий не испытывал. Девочка я без приданого и с туманным будущим. Школу закончу, конечно, а вот дальше... На институт денег мне тётка точно не наскребёт. Мы ту квартиру сдаём, чтобы жить нормально. Если только сама поступлю...

– А при чём здесь это? – он обиделся. – Я люблю тебя! Понимаешь? Люблю! И какое мне дело до твоего прошлого?! А будущее... Мы его вместе построим!

Она промолчала, только посмотрела на него как-то странно: и влюблённо вроде, и доверительно, и в то же время не без сомнения...

«Зачем?! Зачем память подбрасывает мне это именно сейчас? – подумал он, с ненавистью глядя на телефон, лежащий на столе. – Быть может, потому, что Людмила тогда тоже стояла у точки невозврата, а ведь выкарабкалась, человеком стала. Но у неё ситуация другая была, я же... Не хочу больше жить. Не хочу!»

Теперь к нему в мысли явился Никита Никитович, с его неподражаемой харизмой, с его вечными, гранитными словами о необходимости держать любой удар, о точке невозврата, и перейдя которую – нужно продолжать биться.

...Придя на первую тренировку после летних каникул, в свой последний школьный год, Дмитрий увидел в тренере перемены, бросающиеся в глаза. Сильный пятидесятилетний человек, казавшийся незыблемым, как утёс, вдруг ссутулился, спал с лица, под покрасневшими глазами появились мешки. Что произошло с ним всего-то за три месяца?

– Побежали, бандерлоги, – приказал он потухшим голосом. – Размять вас нужно после лета. Зажирели, поди...

Занятия между тем прошли в обычном режиме: напряжённо, интенсивно, до седьмого пота.

– Смолин, – сказал тренер, дав команду окончить тренировку, – помоешься, переоденешься и зайди ко мне.

В маленькой тренерской каморке всегда было уютно и царил идеальный порядок. На столе – ни пылинки, а стены аккуратно увешены грамотами и дипломами, завоёванными когда-то самим Никитой Никитовичем и его воспитанниками. Кубки на одной-единственной полке стояли в стройном ряду, выстроившись по ранжиру. Сейчас же Дмитрий замер на пороге, не веря своим глазам. На стенах остались лишь обои, местами ободранные, а из мебели – одинокий колченогий стул, на котором сидел Никита Никитович, уронив лицо в широкие ладони. Дмитрий почувствовал запах водки, а под стулом, у самой стены, углядел почти пустую бутылку, сиротливо валявшуюся на полу.

– Вот так вот, парень... – тяжело вздохнул тренер, не поднимая головы. – Секцию закрывают.

– Как закрывают?! – Смолин не верил своим ушам.

– А вот так! – тренер поднял голову и посмотрел на одного из лучших своих учеников. Глаза его нехорошо блестели. – У завода, нас раньше содержавшего, денег едва-едва на собственное существование хватает. Вот и сдали помещение в аренду... Здесь теперь сауна будет с девками. Я боролся всё лето, но... – он безнадежно махнул рукой. – Сейчас вот жалобу в мэрию накатал. Последний шанс, так сказать...

– А как же мы?

– Я обещал сделать из вас людей? По-моему, у меня это получилось. Ты – лучший в группе. Пытался я тебя по своим каналам в солидные школы пропихнуть. Бесполезно... Даже посмотреть на тебя не захотели. Подумаешь, мол, чемпион округа! У нас таких чемпионов... Деньги, деньги, деньги... Вот что сейчас всех интересует. Будь ты хоть Майк Тайсон, нет денег – пошёл вон. Короче, у тебя есть десять тысяч долларов?

– Нет, – он испуганно мотнул головой.

– Значит, о дальнейшем продвижении в этом деле забудь, – горько ухмыльнулся тренер. Он помолчал немного, пошарил ногой под стулом, нащупал бутылку и сказал:

– Ладно. Заниматься будем, пока не выгонят, а потом... Учитесь, определяйтесь по жизни. А крепкие кулаки всегда пригодятся.

Когда Дмитрий выходил из неприметного здания, ставшего за годы занятий привычным, родным, рядом со входом плавно затормозил чёрный внедорожник, размером с малогабаритную квартиру. Из него вальяжно вылезли трое плечистых молодых людей в одинаковых чёрных костюмах и солнцезащитных очках и прошли рядом с юным боксёром, словно мимо пустого места.

Больше ни одной тренировки не состоялось. Сначала говорили что-то о болезни тренера, потом о том, что он куда-то запропастился, а потом...

К территории стадиона, со стороны Москвы-реки, примыкала нефтебаза, а перед ней – зона отчуждения, пустырь, плотно заросший кустарником, облюбованный бомжами и потихоньку превращающийся в свалку. Местность – находка для режиссёра, желающего снять фильм о конце цивилизации. Нормальный человек сюда в одиночку не сунется. Там и нашли Никиту Никитовича, лежащего ничком с торчащей из шеи арматурой, проткнувшей её насквозь. Алкоголя в крови оказалось выше крыши. Несчастный случай – отдушина для следствия: напился человек, забрёл куда не следует, споткнулся о строительный хлам, и вот результат.

У Дмитрия, разумеется, никаких доказательств причастности людей в чёрных костюмах к смерти тренера не было. Но поверить в столь нелепую кончину наставника он не мог.

«Эх, Никита Никитович, – подумалось сейчас ему, – есть на свете удары, держать которые невозможно. Не способна душа их выдержать! Вы об этом знали, да и я теперь в курсе. И вернуться из-за черты нельзя. Байки всё это!..»

...Прощание с боксом прошло вполне безболезненно. Во-первых, выпускной класс и лишнее время, уделённое учёбе, не помешает. А во-вторых... Нет, это всё-таки во-первых, в сердце его жила любовь, вытеснившая всё остальное на второй, а то и на десятый план. Два часа, раньше отводившиеся на тренировку, теперь полностью принадлежали ей. Соприкосновение, а потом и слияние двух душ, произошло практически с первой их встречи, а вот с телесным сближением оказалось сложнее. Он жаждал близости, как изголодавшийся ловец, хотя представление об этой тонкой науке имел только теоретическое. Ведь должна любовь достигнуть совершенства, когда тела и души запоют в унисон, и наслаждение физическое даст возможность духовно войти туда, куда доступ есть лишь посвящённым. Целовались они чуть ли не до потери пульса, а вот дальше... Она останавливала его страстные, сильные, но воз-

душно-нежные руки на своей груди, не давая нырнуть под одежду. Он понимал, не настаивал, не торопил. А хотелось, до смерти хотелось покрыть её тело поцелуями! Всю-всю зацеловать, не оставив нетронутым ни кусочка сладкой кожи.

Однажды, в конце лета, когда родители в кои-то веки вырвались «дикарями» в Крым, он привёл её к себе домой. Поболтали ни о чём под лёгкую музыку. Губы их слились страстно, рука его наполнилась, нежнейше сдавила скрываемую лёгкой кофточкой да бюстгалтером прелесть и привычно замерла. И вдруг она сама расстегнула одну пуговку, другую и направила его ладонь туда, куда он попадал лишь в мечтах и снах. Он одурел от счастья, не мог поверить в происходящее, и всё получилось нервно, скомкано и без ожидаемого блаженства. Он не расстроился, вспомнив рассказы «бывалых» приятелей о первом разе, редко оставляющим восторженные воспоминания.

– Ты простынку не забудь застирать, – шепнула она ему на ушко, когда поздно вечером они расставались у её подъезда.

– Зачем? – не сразу понял он.

Она не удостоила ответом, снисходительно улыбнулась, мимолётно чмокнула в щёку и упорхнула домой...

«Людмила, Людмила... – горько вздохнул он, мотнув головой. Гнал нещадно от себя воспоминания, а они, хуже мух навозных, тут же слетались обратно. – Быть может, именно с тобой я был бы счастлив всю жизнь? Почему же несправедливо всё так, глупо сложилось?!»

Он достал пистолет из кобуры и внимательно осмотрел его со всех сторон, словно впервые увидел. Рукоятка удобно лежала в ладони, ствол смотрел на него чёрной, непроницаемой дырой, прячущей в себе крохотный стальной, чуть заострённый шарик, запросто прошивающий обе стенки лёгкого бронежилета. Дмитрий стрелял всегда отлично, но по людям не приходилось никогда.

«Интересно, – пришла ему в голову дурная мысль, – а в себя выстрелить легче, чем в другого человека?» Он отодвинул полу пиджака и приставил пистолет к груди туда, где должно было ровно биться ничего не подозревающее сердце. А может, и догадывалось оно о жуткой затее своего хозяина, только отказывалось верить? Лёгким, привычным движением большой палец сдвинул предохранитель в сторону, а указательный медленно-медленно потянул спусковой крючок. Но воспоминания, рвущиеся из глубин памяти, будто птицы на волю после долгого заточения, мешали, откладывали непоправимое.

Он положил пистолет на стол, рядом с телефоном. Ему захотелось взять этот проклятый телефон, бросить на пол и растоптать каблуком в мелкие осколки. Но разве это что-то изменит?..

...Школу они закончили в нулевом году только что наступившего века. У Людмилы в аттестате имелась всего-то пара четвёрок, выглядевших случайными на фоне пятёрочного великолепия. У Дмитрия тоже обошлось без «троек», но с одной лишь «пятёркой». Разумеется, по физкультуре. Людмила давно определилась с профессией и поступать хотела только в медицинский, он же определённости не имел чуть ли не до последнего момента. Отец, всю жизнь за «баранкой» проводший, подталкивал его на нечто инженерно-изобретательное.

– Ты посмотри, – говорил он, – на чём нам ездить приходится! Импорт хорош, спору нет, но своё достойное иметь необходимо. Танки делаем классные, корабли строим, ракеты в космос запускаем, а нормальный автомобиль сделать не можем. Чтобы сел за руль, семью в салон погрузил, шмотки всякие и покатыл куда угодно, в полной уверенности, что он не развалится и не заглохнет на первом же перекрёстке.

– Брось ты! – гнула мать свою линию. – Сейчас все заводы стоят, никто ни черта делать не хочет. На юриста пусть идёт. Адвокаты всегда хорошо жили.

Он подумал-подумал и принял сторону матери. В основном потому, что к техническим наукам не был склонен вовсе. В общем, замахнулся на юрфак МГУ, но конкурс оказался не по зубам. А она поступила легко, без видимого напряжения, куда и планировала – в медицинский.

– Ничего страшного! – отец пожал широкими плечами, когда они собрались на семейном обеде. – Отслужишь в армии, уму там поднаберёшься и можно снова попробовать. Вроде как срочникам льготы положены.

– Да какого уму?! – шикнула мать на отца. – Сейчас в армии непонятно что творится. От пневмонии вон мальчишки мрут. Я его не для того рожала! Ещё не поздно в другой вуз документы подать.

– В какой? – усмехнулся Дмитрий. Он не особо-то и расстроился из-за неудачи на экзаменах. – Мама, я не знаю, куда свои силы приложить. Нет определённости. Отец прав: отслужу в армии, а там посмотрим. Может, решение какое-нибудь в голову придёт.

– Все определились, а он не определился! – не унималась мать. – Мечта-то ведь должна быть у человека! Как же иначе?

– А она у меня есть, – произнёс он совершенно серьёзно, чуть подумав.

– Ну-ка, просвети нас с отцом.

– Я жениться хочу.

Мать не донесла ложку с наваристыми щами до рта.

– На ком? – уточнила она с опаской, хотя ответ был очевиден.

– На Людмиле, – сын воззрился на мать с таким удивлением, словно она спросила его нечто несуразное и обидное. – На ком же ещё?!

– И что, – ложка опустилась в тарелку, а в материнском голосе появились опасливые нотки, – уже пора?

– Нет, – мотнул он головой, отодвигая пустую тарелку. – Мне ж в армию идти. После.

– Спасибо, успокоил, – выдохнула мать. – Хорошая из вас семейка получится. Ага! У одной ни кола ни двора, и другой без образования и профессии. На её стипендию жить станете? Если поступит ещё!

Отец, продолжавший как ни в чём не бывало поглощать щи, взглянул на неё с укором, но сказал без злобы:

– Перестань. Можно подумать, ты себе миллионера нашла. Не маленькие уже, сами разберутся. Да и мы поможем, никуда не денемся. Плесни-ка мне лучше ещё половничек.

Проводы состоялись поздней осенью, когда приготовившаяся к зиме природа недоумевала от долгого отсутствия первого снега. Собрались немногочисленные родственники, пара друзей с подругами и Людмила. Позже всех, уже вечером, пришёл отец. После работы ему зачем-то срочно нужно было забежать в районную поликлинику, а там очередь, как всегда.

– Ты что же, принял уже? – удивлённо встретила его мать в коридоре.

– Сто грамм буквально, – широко улыбнулся он. – Не каждый день сына в армию провожаю. Да и продрог чего-то.

Отец в тот день казался веселее всех: шутил, что-то рассказывал из своей матросской службы, подбадривал сына, пил много, но хмелел радостно, будто с каждой выпитой стопкой ему жизненных сил прибавлялось. И только утром, у ворот военкомата, Дмитрий заметил в его глазах странную тоску, словно что-то грызло отца изнутри, а выплеснуть это наружу он никак не мог; тоска появилась лишь на мгновение, как слеза непрошенная, и тут же исчезла.

– Давай, сынок! – он крепко обнял сына. – Держись там. Трудностей, я знаю, ты не боишься, а всё остальное – шелуха. Пиши почаще. И не только Людмилке! Про нас с матерью не забывай.

Людмила во время проводов не улыбнулась ни разу, и глаза были постоянно на мокром месте. Его это не удивляло, и даже радовало где-то, заставляя испытывать гордость. Ведь не кого-нибудь, а любимого своего провожает она, единственного и неповторимого, своего муж-

чину. Полтора года – вечность, когда и день разлуки гложет сердце голодным псом. При расставании целовались крепко, будто на свадьбе под крики «горько!», и никак не могли оторваться друг от друга.

Сильный, высокий – метр восемьдесят пять – парень с отличной спортивной подготовкой попал на Дальний Восток, в морскую пехоту. Соображалкой Дмитрия природа не обделила, и очень скоро перевели его в разведроту – элиту, куда попасть желают многие, но испытания проходят далеко не все. Так что служба у него пошла нескучно: тренировки, учения, снова тренировки. Страна, ещё недавно, казалось, забывшая о необходимости содержать армию, вдруг вспомнила о своих защитниках, стала кормить худо-бедно, но и требования предъявлять немалые. Если ещё пару лет назад, как вспоминали офицеры, они не знали, как свести концы с концами и глубоко сомневались в своей нужности, то теперь денежное содержание стали потихоньку прибавлять и боевой подготовкой занялись всерьёз. А почти через год службы Дмитрию и вовсе подвернулся счастливый случай – дальний поход на большом десантном корабле «Грозный». И не куда-нибудь, а в Южно-Китайское море, с заходом на Филиппины.

Следуя наказу отца, писал он девушке своей и домой часто, но скупно. Просто никогда не любил дарить слова бумаге, думая над правильным построением фраз и грамотностью. Элементарной усидчивости, судя по всему, не хватало. Так что в далёкой Москве довольствовались коротенькими сообщениями о здоровье, о том, что всё нормально, пожеланиями всего хорошего и просьбами о подробном описании дел домашних. Людмиле, разумеется, строчек с края земли российской перепадало больше и состояли они сплошь из: «люблю», «целую», «скучаю», «жду не дожусь встречи» – в разных вариациях. Перед отправкой в плавание Дмитрий предупредил родных своих, что замолчит на несколько месяцев, но причин волноваться нет, от Чечни он будет далеко, как вернётся, обязательно черкнёт весточку.

Дальнее плавание впечатлило его необычайно! Где-то там, на далёкой родине, хмурая осень уже всю вступила в свои права, а здесь жаркое солнце раскаляло палубу иной раз так, что хоть лепёшки на ней пеки. Лазурь тропических вод от горизонта до горизонта пьянила взгляд и будоражила воображение, а редко попадавшиеся островки, поросшие бурной растительностью, словно выплывали со страниц приключенческих книг, прочитанных в детстве. Казалось, вот сейчас из-за скалы покажется корпус парусника с неизменным «Весёлым Роджером» на клотике.

Перед самым заходом в Манилу его вызвали на капитанский мостик. Капитан корабля, морской волк, ещё в советские годы бороздивший волны мирового океана, крепко пожал ему руку и, не отпуская её и прямо смотря в глаза, сказал, чётко выговаривая каждое слово:

– Мы радиogramму получили. Крепись, парень, отца у тебя больше нет...

Он сразу не понял и ещё долго не мог осознать, что произошло непоправимое. Отец... Он никогда не жаловался на здоровье, казался могучим и вечным, и вдруг... Что могло произойти?

– Сейчас тебя с домом соединят, можешь поговорить с матушкой. Там сейчас, правда, глубокая ночь, но, я думаю, мать звонку обрадуется. Поддержи её.

Длинные гудки звучали чётко, словно звонок шёл из соседнего подъезда, а не с другого конца света, и долго, бесконечно долго. Он представил себе, как разрывается телефон в тёмном коридоре, мать заворочалась в кровати в дальней комнате, услышав его, поднялась с постели, суетливо включила свет и босая поспешила в коридор.

– Алло, – наконец раздалось в трубке. Голос матери, несонный совсем, с надрывом, будто тихо рыдала в подушку всю ночь.

– Мама! – крикнул он так, словно пытался докричаться до глухого. – Это я, Дима! Как ты?.. Что случилось с отцом?

– Ой... – она никак не ожидала услышать родную кровиночку. – Сынок. Димка! Ты где?

– Далеко, мама. Очень далеко! Так что с отцом?

– Умер отец, – произнесла она сквозь всхлипы. – Сердце... В тот день, когда тебя в армию провожали, он у врача был. Ему там сказали, что дело плохо, операция нужна, а он... – снова всхлипы – горькие, отчаянные, душасщие. Но мать собралась. – Ничего мне не сказал, представляешь. Ничего! Только таблетки втихаря глотал, я у него в кармане нашла. Ты приедешь, Димка? Я похороны специально на два дня позже перенесла.

Вот только сейчас сердце сжалось от горя, комок в горле мешал дышать, глаза увлажнились. Он виновато посмотрел на офицеров, ставших невольными свидетелями его разговора с матерью. Но они занимались своим делом, находясь на вахте и готовя корабль к входу в порт, и старались не смотреть на прослезившегося парня, не смущать его. Только капитан, следивший за ним непрерывно, положил ему руку на плечо и негромко произнёс:

– Скажи матери, что будешь на похоронах. Непременно!

Смолин не понимал, как он успеет добраться до Москвы, чтобы проститься с отцом, но заверил мать, что приедет.

Всё оказалось простым стечением обстоятельств. Транспортный борт, доставивший какие-то запчасти для двигателей, ожидал корабль в Маниле и уже сегодня отправлялся обратно. Капитан договорился с пилотами, чтобы те прихватили с собой матроса до Владивостока, ну а там добраться до Москвы – дело техники, и приказ о краткосрочном отпуске по семейным обстоятельствам уже готовят.

Голова шумела от недосыпа, долгих перелётов, резкой смены часовых поясов и климата, отчего чувства притупились, исказились и на похоронах и поминках он ощущал себя отстранённо, словно со стороны наблюдал за происходящим. Мать постоянно рыдала, едва держась на ногах, и он всё время поддерживал её под руку. Только потом, за столом, после двух-трёх стопок водки она немного успокоилась, смогла разговаривать и пустилась в воспоминания, но слёзы всё равно текли по её щекам, будто имелось их у неё целое солёное озеро, а она почти не замечала их, лишь изредка смахивая промокшим платочком, который беспрестанно мяла в руках.

Людей за столом собралось много, некоторых из них он видел впервые. И все говорили о покойном добрые слова, звучавшие не дежурно, а искренне, душевно; вспоминали какие-то истории, в основном – из отдалённого прошлого. Ему же, как назло, на ум не приходило ничего сколь-нибудь яркого, связанного с отцом. Просто тот всегда находился рядом, и казалось естественным, что он носит тебя на плечах, помогает чинить велосипед, даёт незлой подзатыльник за разбитое в школе стекло... Всё буднично, всё привычно и... Всё прошло и уже не вернётся никогда. А ночью, когда остался один на один с собой, вдруг вспыхнуло что-то горячее и горькое внутри, разлилось по всей душе и хлынуло наружу, уже ничем не сдерживаемое. И лил он безмолвные слёзы в подушку, не успевшей высохнуть к утру.

С Людмилой они встретились на следующий день. Она специально не беспокоила его ни на похоронах, ни на поминках, чтобы он спокойно, ни на что не отвлекаясь, мог попрощаться с отцом. Он не узнал её! Она сменила причёску: волосы теперь опускались до плеч, а девчачья чёлка, так нравившаяся ему, исчезла. Но самое главное, она радикально поменяла цвет волос, выкрасившись в тёмно-каштановый цвет, отчего синие глаза смотрелись ещё ярче, ещё выразительней. Год назад он целовался у военкоматовских ворот со вчерашней школьницей, а встретился сейчас с молоденькой женщиной, расцветшей свежей красотой, манящей мужчин, как первоцветы – едва проснувшихся пчёл.

– Ты сильно изменилась, – прошептал он, оторвавшись от её губ.

– Стала хуже?

– Что ты?! Лучше, конечно же. Знаешь... – он пожирал её глазами. – Я не могу объяснить это словами... Ты...

– Да повзрослела просто, вот и всё.

– А почему так радикально цвет волос решила сменить?

– Не знаю... – она кокетливо повела плечиками и плотнее запахнула новое кожаное пальто, прячась от колючего, сырого ветра. – Школа закончилась, началась новая, совсем другая жизнь, и мне захотелось измениться. Холодно. Может, зайдём куда-нибудь?

– Пойдём ко мне.

– Нет! – она решительно мотнула головой, и лицо её вдруг стало жёстким. – К тебе я не хочу.

– Но почему? – он удивился такой её реакции.

– Не хочу. У тебя горе в доме... Может, в кафешку какую-нибудь?

Он смутился. Откуда у солдата-срочника деньги на кафе? На захудалую забегаловку и то вряд ли наскрести можно. Она поняла мгновенно и весело сказала:

– Да вроде и не так холодно. Прогуляемся, а? О себе расскажешь, ты ведь уезжаешь завтра. Почему не писал долго?

– Не мог, – он напустил на себя важность. – Ты не представляешь, Людмила, где меня весть о смерти отца застала!

– И где же?

– На Филиппинах! – выпалил он восторженно. – Только... Ничего увидеть там я не успел.

– Всё равно здорово, – искренне обрадовалась она. – Моря далёкие повидал.

Они пошли, обнявшись и не торопясь, по тем самым улочкам, по которым намотали за свои встречи многие и многие километры, не замечая ни жары, ни холода. Вот и сейчас они забыли про промозглость поздней осени и бродили, болтая обо всём и ни о чём, так и не зайдя ни в одну кафешку. Как и раньше, они соприкасались не только кончиками пальцев, губами, но и душами, словно и не было года разлуки. И расстались, как и в первую их встречу, у подъезда её дома.

– К себе не приглашаю. Сам знаешь, тётя у меня нелюдимая.

Это он знал. Лишь только раз довелось ему побывать на квартире у Людмилы, на праздновании её дня рождения. Тётка оказалась женщиной яркой, на излёте средних лет, но чрезвычайно жёсткой, не допускавшей ни малейших виляний в сторону от ей же установленного порядка. Из напитков на столе присутствовали лишь газировка и соки, и приняховалась она к подругам и друзьям племянницы не хуже таможенного пса, дабы на корню исключить подпольное употребление даже шампанского. Нет восемнадцати – ни капли алкоголя! И по домам всех отправила, когда стрелки часов только подобрались к одиннадцати вечера. Она и в мыслях не могла допустить, что между Людмилой и Дмитрием существуют иные отношения кроме дружеских. Девчонке приходилось скрывать свои чувства, словно разведчику свою истинную сущность.

Не успел он вернуться в часть, как их подняли по тревоге – начались крупномасштабные учения, где условия максимально приближались к боевым. Ему довелось попасть в группу из четырёх человек, которой предстояло симитировать противника. Сто пятьдесят вёрст на вертолёте над глухой тайгой, затем ещё двадцать километров сквозь труднопроходимый, заснеженный чуть ли не по самые макушки лес, и вот она цель – охраняемая как зеница ока база ракетных войск стратегического назначения. Интересно, конечно, до щекотки под ложечкой, адреналин в крови пузырится, как игристое вино в бокале. Природа в тех краях трудная и плохо поддающаяся прогнозу. Вертолёт, преодолев две трети пути, угодил в такую снежную круговерть, что пилоты напрочь сбились с курса, потеряв все ориентиры. Сесть некуда – кругом сопки, густо поросшие вековыми елями. Машину трясло и болтало так, что бойцы метались в ней, словно в бетономешалке, крутящейся как ей вздумается. В итоге двигатели не сдюжили, и вертолёт рухнул вниз, ломая винты о деревья, вбуравившись в снег чуть ли не по самый хвост. Дмитрий ударился обо что-то головой, и вспыхнувшая в мозгу, как залп салюта, боль тут же погасила сознание.

Очнулся он от холода, достававшего, казалось, до самых костей. Почувствовал, что открыл глаза, но увидел перед собой лишь неподвижную темноту, словно ослеп. И тишина, непробиваемая, не нарушаемая ничем, висела вокруг. Он пошевелился и не удержался от стога – колено полыхнуло острой болью, на время отогнавшей холод. Прикусив чуть ли не до крови губы, он попытался приподняться. Получилось сесть, но две вещи удручали: правая нога отказывалась двигаться вообще, а голова гудела колоколом и в ней крутилась невидимая карусель. Будь сейчас окружавшая действительность хоть чуть-чуть прозрачней, она плыла бы вокруг него, как после нокаута. Единственное, что хоть как-то ободряло, никаких других травм вроде бы он не получил.

«Держи удар, бандерлог! – всплыл из памяти тренерский окрик. – Возвращайся, Смолин!»

Он жадно глотал морозный воздух и понимал, что медлить нельзя. Надо как-то выбираться, иначе он просто не сможет сопротивляться холоду, даже универсальный спецназовский камуфляж не спасёт. Движение для него сейчас – жизнь, и точка невозврата, быть может, ещё не пройдена. Он ощупал верхние наружные карманы куртки. Перед отправкой на задание запихнул в один из них маленький фонарик. Так, на всякий случай: много не весит, хлеба не просит, а пригодиться всегда может. Непослушные, уже прихваченные морозом пальцы лишь со второй попытки сумели удобно взять осветительный прибор. Щелчок – тоненький луч света вступил в неравный бой с мраком. В скудном освещении Смолин сумел разглядеть трагизм произошедшего. Внутри вертолётá всё находилось в искорёженном состоянии. Невольно подумалось, что так, наверное, выглядит салон легкового автомобиля после лобового столкновения с грузовиком. Служивцы Дмитрия лежали в столь неестественных позах, что сомневаться не приходилось: смерть давно забрала их к себе. Пилот и вовсе сейчас смотрел на него остекленевшим взглядом, оперевшись подбородком на спинку кресла, но при этом грудь его оставалась направленной вперёд. Дверь перекосило и заклинило, оставив щель, непригодную для пролаза. Оставалось одно – выбираться через одно из разбитых окон. Каким чудом он остался жив и почему вертолёт не взорвался при падении, оставалось загадкой.

Преодолевая боль, волоча за собой непослушную ногу, он подполз к боковому окошку, полностью лишившемуся стёкол, лишь кое-где по бокам торчали острые осколки. Ухватился за нижний край и тут же отдёргнул руки – ледяное железо обжигало.

– Перчатки... – прошептал удручённо и удивился собственному голосу, прозвучавшему в мёртвой тишине неожиданно громко.

Сидя в вертолётe, они не экипировались полностью, намереваясь сделать это ближе к высадке. Потому многие вещи дожидались своего часа в рюкзаках, сложенных рядышком в хвостовой части. Там же стояли и автоматы. Он направил туда фонарик и понял, что добраться до нужных вещей нет никакой возможности: всё завалено. «Не отступай и не горбись! – вновь зазвенело в плохо соображающей голове. – Вперёд! Смелее!»

Собравшись с духом, оставляя кожу ладоней на железе, он вывалился наружу и плюхнулся в сугроб, заорав от боли в травмированной ноге, жестоко реагирующей на любое движение. Буря утихла, больше не укутывая землю белым саваном, только редкие снежинки кружились в мягких порывах ветра, нет-нет да напоминающих о недавней непогоде. Ночь висела над тайгой почти непроглядная, и если бы не полная луна, где-то там, в тёмно-серой мути, пытавшаяся пробиться сквозь плотные тучи, Дмитрий здесь был бы так же слеп, как и в изувеченном вертолётe, а так хоть что-то угадывалось в темноте.

И голова кружилась, сильно кружилась.

Циклон притащил за собой холодный фронт, и температура упала ближе к двадцати градусам. Оказавшись в сугробе, понял, что выход из вертолётá забрал у него последние силы. Нестерпимая боль в колене притихла, почти не напоминая о себе.

Как-то тихо и спокойно вдруг стало ему. Сон, мягкий и ласковый, неудержимо звал в свои объятия, и не хотелось шевелиться, сопротивляться, а тянуло погрузиться в распахнутые покои и уютно расположиться в них. Там хорошо, легко и нет никаких проблем.

«Зачем вылез? – вяло подумал он. – Остался бы там... Ведь вертолёт уже не взорвётся, ползти всё равно не могу... Да и куда ползти? Первое правило при авиакатастрофе: оставайся на месте – найдут. Ведь ищут...»

Он закрыл глаза, устав наблюдать, как всё видимое, пусть и едва различимое, идёт кругом.

«Не раскрывайся! – тут же услышал голос тренера. – Отвечай! Правой работай, правой! Эх, бандерлог...»

– Я не бандерлог, – шевельнул слипшимися губами. – Просто сил нет... Не могу... Сейчас полежу немного, быть может, потом...

Сладко-сладко вдруг зануло сердце и почти перестало биться, лёгкость в теле образовалась невероятная, и показалось ему, вот ещё мгновение, ещё ничтожная крошка времени – и оторвётся он от заснеженной земли, и улетит далеко-далеко отсюда, в сказочную страну, где никогда не бывает бурь, где всегда светло и тепло. Чьё-то лицо мелькнуло в его затухающем сознании. Лишь расплывчатое пятно увидел он: ни глаз, ни губ, ни носа – ничего не разобрать, но понял, не упорхнувшей ещё душой почувствовал, кому принадлежит туманный образ.

«Людмила...» – попытался произнести, но язык перестал слушаться.

– Ты что же это, Димка, – донёсся до него мягкий, родной голос, – куда собрался? Там ведь меня нет...

– Как это нет?! – губы всё-таки удалось разлепить. – Почему нет?!

Никто ему не ответил, но сердце вдруг кольнуло что-то. Больно кольнуло, как иглой раскалённой. Оно дёрнулось, трепыхнулось и заколотилось неожиданно быстро, будто вознамерилось выпрыгнуть из груди хозяина, уже почти забывшего о его существовании. И всё вернулось в один миг: и боль, и стужа лютая, и желание выжить. Он захрипел, впуская в лёгкие обжигающий воздух, дёрнулся и начал грабастать от себя снег руками, чтобы выбраться из убаюкивающего сугроба, едва не ставшего ему могилой.

Всё делал как в тумане, на грани действительности и провала в небытие, и не мог потом вспомнить в подробностях, как ползал, пытаясь раздобыть хоть какие-нибудь ветки, как вновь пробрался в вертолёт, как отыскал зажигалку в кармане одного из погибших товарищей, как смачивал носовой платок в баке с горючим. Когда над безучастными елями, царапающими верхушками низко ползущие облака, забрезжил рассвет, он отогревал скрюченные, обесчужденные морозом пальцы над жарким, весело потрескивающим пламенем.

Его нашли через два дня, плохо соображающего что-либо, обессиленного до предела, но живого.

В госпитале он провалялся больше месяца. Выхаживали от переохлаждения, собирали по кусочкам изувеченное колено, заживляли кожу на отмороженных пальцах. Молодой организм быстро восстанавливался, и Смолин, поначалу блаженно отсыпавшийся на уютной койке, вскоре стал тяготиться своим положением. Все истории уже были рассказаны и перерассказаны по нескольку раз соседями по палате, все темы обсуждены, и он откровенно скучал. Хотелось как можно скорее вернуться в строй, к обычным армейским будням, пусть и не переполненным весёлыми и разнообразными событиями, но текущими быстрее, нежели дни в лечебном учреждении. А каждый день приближал его к самому желанному событию для любого срочника – дембелю. Но эскулапы не торопились с выпиской, добиваясь полноценного восстановления. Ведь не на «больничный» они его отсюда выпишут, на откорм к мамочке, а в казарму.

Лежал он иногда ночами, дожидаясь сна, и вспоминал то видение, короткое и неяркое, но, по сути, вытолкнувшее его оттуда, откуда возврата нет. А ведь жизнь-то прекрасна, пусть и звучало это выражение миллион раз! И видел ребят, садящихся с ним в вертолёт – жизнера-

достных, таких же молодых, как и он. А потом их тела... Изувеченные, холодные, страшные. И боготворил в мыслях своих Людмилу – единственную, желанную, любимую. Как благодарен он был судьбе, что подарила ему встречу с этой чудесной девушкой. Придёт время, и он расскажет ей всё, что приключилось с ним в тайге. А пока он перечитывал уже третье письмо, пришедшее от неё с того дня, как они расстались. Она выражала в нём лёгкое недовольство его долгим молчанием, ведь каждая весточка от любимого – радость. Вот и от мамы письмо, тоже волнуется... «Господи! – думалось ему. – Как же от него домом пахнет...» Ничего! Скоро снимут с рук бинты надоевшие и напишет он родным людям своим длинные-предлинные письма, где извинится за долгое молчание – простите, мол, служба – и поведает, что всё у него хорошо, служить осталось не так долго и пусть они готовятся к встрече.

Вскоре после его выписки вернулся из плавания «Грозный». Как же радостно было встретиться с теми, с кем начинал службу! Сколько было рассказов о Маниле, пусть и увиденной второпях – увольнение давали всего на несколько часов и то не всем, но всё-таки! Как красочно описывали матросы тропический шторм, обрушившийся на них по пути домой! Героями они чувствовали себя. Он не завидовал, но... жалел. Жалел, что всё вышло именно так, а не иначе.

Однажды, будучи дежурным по роте, после отбоя он заглянул в курилку, услышав приглушённые голоса и смешки, доносившиеся оттуда. Четверо парней в тельняшках и трусах, сидевших на скамейке и нещадно дымивших, резко повернули головы в его сторону и тут же облегчённо вздохнули: свой, мол, однопризывник, худого не сделает.

– Не спится? – миролюбиво спросил он.

– Да вот, Димон, – хохотнул Максим, вместе с ним призывавшийся из Москвы. Высокий, обаятельный парень, всегда готовый пошутить и посмеяться. – Посмотри, на что этот балбес в Маниле деньги потратил. Покажи, покажи, Сашок, чего засмутился-то?

Сашок, простецкого вида молодой человек, всю жизнь проведший в детском доме где-то в уральской глуши, улыбнулся, обнажив широкие жёлтые зубы.

– Во, – он вытащил из-под себя глянецовый журнал, – гляди!

Hustler – бросились в глаза крупные буквы.

– Только в руки не бери! – шутливо предупредил Максим. – Он с ним в галюне на корабле уединился. Кто знает, может, на нём пятна характерные остались...

Все дружно заржали, а Сашок начал обиженно оправдываться:

– Какие ещё пятна?! Я вообще его случайно купил! Он в закрытой упаковке продавался. Откуда я знал, чего там?

– Конечно, не знал, – не унимался Максим. – Просто хотел научный журнал на досуге полистать. Ты ведь силен в английском языке-то.

Снова общий ехидный смех.

– Ты что, девок голых не видел? – снисходительно спросил Дмитрий.

– Таких – нет, – вождельно ощерился Сашок. – Ты только глянь!

Он вскочил с лавки, подсунул журнал чуть ли не под нос Смолину и начал листать страницы. Перед ним замелькали красочные картинки с грудастыми обнажёнными девицами в сверхфривольных позах. На некоторых снимках девушки занимались оральным и прочим сексом с атлетичными мужчинами, имеющими достоинство никак не меньше, чем у коня. Дмитрий улыбался, понимая щенячий восторг голодного самца, ничего подобного никогда не видевшего, и уже собрался уходить, махнув рукой, но вдруг замер, словно нож в спину получил.

– Смотри, красавица какая! – Сашок раскрыл разворот журнала. – Ваще чума!

Дмитрий перестал дышать. На шикарном кожаном диване, широко раскинув ноги, возлежала красотка, одной рукой подхватив груди, а другой, двумя пальчиками раздвигая розовенький вход в своё естество. Она прикрыла в сладкой истоме глаза и чуть приоткрыла ротик,

касаясь язычком верхней губы. Сашок начал листать дальше, но Дмитрий вырвал у него журнал из рук, вновь открыл разворот и впился в него глазами.

– А-а... Понравилась? – скабрёзно ухмыльнулся Сашок. – Классная тёлка!

Смолин ничего не слышал сейчас и видел лишь девушку на снимке. Людмила!! Бред? Наваждение? Показалось? Ведь столько похожих людей на свете! Нет... Васильковые глаза, та самая причёска, что видел у неё при последней встрече, большие соски необычно тёмного цвета. Не мог он её не узнать. Никак не мог! Она! И нет сомнений! Но как?! Откуда?! Он отказывался понимать и верить в увиденное.

– Что с тобой? – спросил Максим, первым разглядевший его состояние.

Он ничего не ответил. Закостеневшими, непослушными, как тогда в тайге, пальцами он перевернул страницу, потом ещё и ещё. Везде – она в различных позах, способных вызвать шевеление в штанах даже у неизлечимого импотента. Помутневшим взором он пытался вчитаться в текст, пусть и английский, но буквы прыгали в пьяной пляске, и удалось сфокусироваться лишь на одной, выделенной красным цветом фразе: *Girl of the month Lusien Ep*. Небогатого запаса школьного английского хватило, чтобы перевести: «Девушка месяца Люсьен Эн». Мелькнула всё-таки надежда, что обозначился, зря разволновался. Люсьен Эн. При чём здесь Людмила?! Но... Нет! Слишком хорошо он знал её тело, каждый его сантиметр.

В нём зародился и заклокотал, как лава в вулкане, гнев на неё, на скабрёзно лыбившегося Сашку, быть может, не раз мастурбировавшего где-нибудь в укромном уголке, возбуждаясь на обнажённые прелести Людмилы. Его Людмилы! Произнеси сейчас ничего не подозревающий Сашок хоть слово, прямой удар в челюсть ему был бы обеспечен. Но тот смолчал почему-то. Но полностью избежать извержения вулкана не получилось. До скрипа стиснув зубы, он одним махом разорвал журнал для сексуально озабоченных мужчин и запихнул его в урну, где ещё дымились окурки.

– Ты чего?! – опешил Сашок.

– Ничего!!! Чтоб я этой гадости больше не видел!!! – проорал так, что вздрогнула вся казарма. – Иначе командиру доложу!!!

И выскочил вон.

Все оставшиеся месяцы до увольнения он проходил сам не свой, отдалившись от всех и замкнувшись в себе. Долго не мог заснуть ночами, пытаясь стоном душевным выдавить из себя любовь, ещё недавно казавшуюся вечной. Людмиле решил ничего не писать, решив расставить все точки над *i* при встрече. Иногда у него шевелился червячок сомнений: надо бы выслушать её, дать возможность объясниться. Но он душил такие мысли в зародыше. Что тут объяснять, когда всё очевидно! Когда же команда «Подъём!» выдёргивала его из зыбкого и недолгого сна, пробуждаться мучительно не хотелось, как тогда, в сугробе...

Встретились они на школьном дворе, откуда ушли когда-то вместе и думали, что не расстанутся никогда. Денёк на макушке лета выдался жарким и солнечным, старые тополя весело шелестели зеленью, призывая всех желающих под свою благодатную тень. В душе же Дмитрия безудержно разыгралось ненастье, оголив нервы, готовые звонко лопнуть. Она спешила к нему окрылённая, в невесомых, полупрозрачных брючках нежно-белого цвета и такой же воздушной блузке с волнительным декольте. Бросилась на шею, едва не уронив элегантную сумочку, и впилась в любимого страстным поцелуем. Он не удержался, и на пару мгновений они слились губами, но потом он мягко отстранил её, полностью открытую для любви, благоухающую тонким, неведомым ранее ароматом.

– Здравствуй! – она не заметила его холодности. – Я жутко соскучилась! Почему не писал столько времени? Опять за тридевять земель плавал?

И снова потянулась к нему.

– Подожди! – он остановил её страстный порыв. – Сначала ответь мне на один вопрос.

– На какой? – она вся светилась от счастья.

– Ты знаешь, кто такая Люсьен Эн?

Она вздрогнула, словно неожиданный громовой раскат пронёсся по безоблачному небу, улыбка медленно сошла с её лица, опустились руки, протянутые к любимому, но глаза продолжали смотреть прямо, без всякого смущения.

– Знаю... – выдохнула она. – А откуда ты узнал?

– Журнальчик один весёлый видел, – горло у него пересохло, и каждое слово давалось с трудом. – Как ты могла? Как ты могла?!

– Не кричи! – она оставалась совершенно спокойной, что бесило его ещё больше. – Ты думаешь, можно прожить на стипендию? Одеться, обуться, питаться нормально? Тётка работы лишилась, мы мою квартиру сдаём, но и это – крохи. Сердце у неё больное. Ты знаешь, сколько денег на лекарства уходит? Ей сейчас операция предстоит по замене клапана. Ждать бесплатной очереди – проще сразу на кладбище ползти.

Он молча мотал головой, как упрямый бычок. Она видела, что все её аргументы со свистом пролетают мимо его понимания. Не достучаться.

– Ко мне никто никогда не прикасается, – она понимала его состояние. – Кроме гримёрш. Ты понимаешь?

– Ч-что?! – он задохнулся. – Т-ты... Т-ты... Продолжаешь сниматься?!

– Продолжаю, Дима... По контракту у меня ещё семь съёмочных дней.

– Как ты на улице потом выходишь?!

Он чувствовал, что ещё чуть-чуть и взорвётся. За несколько месяцев он думал-передумал миллион вопросов, которые хотел задать ей, подготовил кучу обличительных слов, которые собирался бросить ей в лицо, а вот сейчас всё выскочило из головы. Он полагал, она будет оправдываться, вымаливать прощение, но Людмила повела себя совершенно иначе.

– А так и выхожу! – не без вызова ответила она. – Без стеснения! Мои фото печатают только за границей. Это такая работа, если хочешь. Так, на данный момент, я зарабатываю деньги. Если бы я мыла туалет на вокзале, было бы лучше?

– Такая работа?! – его всё-таки прорвало. – А когда контракт закончится, что станешь делать? Или новый предложат, более денежный?! За секс перед камерой, наверное, неплохо платят?!

Он хотел ещё что-то выкрикнуть, что-то совсем обидное, но пощёчина, хлёсткая и звонкая, оборвала его. Не сказав больше ни слова, она резко развернулась и быстро-быстро, почти бегом, устремилась прочь. А он стоял со звенящей головой и думал о том, что она уже не вернётся, даже если он всё простит и начнёт молить о возвращении.

– Вот она, точка невозврата... – прошептал он, неожиданно почувствовав, как увлажнились глаза.

Больше они не встречались и не созванивались. На встречи с одноклассниками он не ходил, чтобы исключить возможность увидеться с ней. Но ведь не на необитаемом острове жил, какие-никакие, а сведения о Людмиле долетали до него. Пусть обрывками, изредка, но всё-таки. Закончила институт с красным дипломом, поступила на работу в Склиф. И ни разу о том, что она где-нибудь, когда-нибудь хоть как-то проявила себя в эротическом – и уж тем более в порнографическом! – бизнесе...

«Прости меня, Людмила, – мысленно обратился он к ней. Впервые за почти пятнадцать лет, прошедшие с их последней, горькой встречи. – Дурак я был, полный дурак. А почему был? Я им и остался. А к тебе просто грязь не прилипла, вот и всё. Не вник я тогда в твои проблемы, не вник... Ничего не слышал и слышать не хотел. Быть может, потому и вышло всё вот так вот... – он криво улыбнулся, покосившись на мирно лежащий телефон. – Прости... Прости...»

...После разрыва с Людмилой так погано и пусто было на душе, что безразличен стал весь мир, да и собственная судьба не интересовала. Сначала, вспомнив её отношение к алкоголикам, решил запить. На этом скользком пути, ведущим в никуда, всегда найдутся те, кто

подтолкнёт в нужном направлении: посочувствует, войдёт в положение, подставит плечо в виде до краёв налитого стакана.

Поначалу помогало. В весёлых загулах тоска отступала, уступая место сомнительному веселью и поддельной отстранённости от действительности, и головная боль с утра не казалась мученьем, так как заглушала стенанья душевные, приносящие страдания куда более нестерпимые. Но алкоголь – коварный и изобретательный недруг, ловко маскирующийся под доброго приятеля, а то и лекаря. Тоска, оглушённая им, загнанная куда-то в самые тёмные душевные закоулки, никуда не исчезла. Она отсиделась, набралась сил, подпиталась винными парами и неожиданно выпрыгнула из своего укрытия, разрывая обманутую душу в клочья.

Однажды поздним вечером, в сильном подпитии, Смолину стало невыносимо душно, будто из квартиры весь воздух вылился. Он настежь распахнул окно, и жадно вдыхал прохладу первой осенней непогоды. Нудный дождик поливал пустынный двор, заключённый между четырьмя кирпичными восьмизэтажками, стоящими квадратом, и знакомый с детства до последнего деревца. Хоккейная «коробочка», качели, турник самодельный, песочница, где карапузом куличики лепил... Один шаг с шестого этажа, и всё это исчезнет навсегда, как и тоска, цвета протухшей воды. Прямо под окном, забравшись на тротуар, стоял огромный чёрный джип. Дмитрий зло развеселился, подумав: «Вот удивится хозяин, когда выбежит на сработавшую сигнализацию и увидит на крыше моё распростёртое тело». Он отодвинул в сторону горшки с фиалками и занёс ногу на подоконник.

– Не надо, сынок! – раздался сзади голос матери, требовательный и молящий одновременно. – Иначе я шагну вслед за тобой.

Он медленно обернулся. Мать стояла посередине комнаты в одной ночной рубашке, с расчёпанными седыми волосами, и даже в ночном полумраке он увидел, как мертвенно-бледно её лицо, разглядел воспалённые, заплаканные глаза, разглядел, как она сильно похудела за последнее время. Она никогда не спрашивала его о причинах резкого разрыва с девчонкой, без которой он до армии не мог и дня прожить, не желала лезть в душу, понимая её израненность. Смерть мужа сильно состарила её, высушила тело, но поведение сына в последнее время приносило боль куда большую, заставляя постоянно ныть и без того измотанное сердце.

– Нельзя же так, – горячо зашептала она, когда он отошёл от окна и, как в раннем детстве, прижался к её груди. Глядя его по жёсткому ёжику волос, она едва сдерживала рыдания, не давая им выхода. – Жить надо, что бы ни случилось. Всё уляжется, забудется, новая любовь в сердце войдёт.

– Нет! – он упрямо замотал головой. – Не забудется. Такое невозможно забыть!

Они проговорили всю ночь. Он рассказал матери всё. И как замерзал в тайге, и только удивительное видение заставило его биться за жизнь, и как в руках у него оказался проклятый журнал. Ощутимо легче на душе не стало, но от черты, из-за которой никто и никогда не возвращался, он отступил.

Откуда ему было знать, что практически в то же время Людмила полоснула себя по левому запястью, тем самым ножом, что всегда носила с собой? И, пока он изливал душу матери, врачи скорой помощи делали всё, чтобы остановить хлещущую из вен кровь.

Куда пристроиться на работу, он не знал, да и не стремился к чему-либо конкретному. Перебивался случайными заработками и жил лишь сегодняшним днём. Однажды в метро кто-то окликнул его на эскалаторе. Оказалось – Максим, тот самый сослуживец, с кем вместе отгубили в армии от звонка до звонка. «Привет! Как жизнь? Чем занимаешься?» Зашли в ближайший кабачок, и Максим сильно удивился, когда Смолин отказался от выпивки, даже от безобидной кружки пива. Узнав, что товарищ по армии нигде постоянно не работает, Максим сказал:

– Я сейчас в одну солидную организацию устраиваюсь... Хочешь, телефон кадровика дам?

– И что за контора?

– Федеральная служба охраны.

– Никогда о такой не слышал! Чего охраняют?

– Это бывшее девятое управление КГБ, – поведал Максим, наклонившись к нему через столик. – Занимается обеспечением безопасности высших должностных лиц государства.

– Понятно... А давай! – ответил, почти не думая.

Медицинскую комиссию он прошёл без проблем. Только хирург поинтересовался происхождением шрамов на коленке и выписал направление в рентгеновский кабинет.

– Вам крупно повезло, молодой человек, – заключил немолодой доктор, разглядывая на свету снимок его ноги. – Операцию вам сделали профессионально. Не приседайте с центнеровой штангой на плечах, и всё будет нормально.

Потрепали нервы психиатры да психологи, разбирая результаты тестирования и показания полиграфа. Им было непонятно, почему это у молодого человека нет девушки и в ближайшие годы он не планирует создание семьи. Он объяснил как мог, сильно нервничая оттого, что ему довольно-таки бесцеремонно лезут в душу. В результате люди, считающие себя специалистами в человеческой психике, признали его годным с маленькой пометкой – «условно». То есть теперь, решение о том, брать или не брать его на работу, мог принять только будущий прямой начальник. Руководитель одного из подразделений секретной службы, всегда испытывающего кадровый голод, такой ответственности не испугался, и Дмитрий, отучившись на подготовительных курсах, приступил к исполнению обязанностей.

Работа по осуществлению допуска на охраняемый объект казалась ему нудной и утомительной, но перспективы роста существовали. Спортивного парня с быстрой реакцией и неплохой смекалкой заметили, и через три года он перешёл в управление, занимающееся личной охраной. Здесь, конечно, служить было куда интересней, хотя свободное время сократилось в разы. Чтобы и дальше подниматься по служебной лестнице, решил получить высшее образование и довольно легко поступил в Институт Физкультуры, являющийся одним из профильных в данной организации, на заочный факультет. Мать, видя успехи сына, успокоилась и даже внешне немного преобразилась, словно помолодев: не слезились больше глаза, на лице появился румянец и удовлетворение.

Мама ушла тихо, во сне, будто в полной уверенности, что Дмитрий не нуждается больше ни в чьей поддержке. Остался он один на один с жизнью, всегда щедрой на сюрпризы и неожиданные повороты. Годы летели быстро, как самолёты, уносящие его в частые командировки. И родную страну посмотрел в избытке, и зарубежные поездки уже стали привычными. В Маниле тоже пришлось побывать, и теперь уже походить по её улицам, вдохнуть её азиатский колорит. Город показался чересчур перенаселённым и поражал строительным хаосом. На небольшом пространстве запросто могли уместиться мутная река, трущобы, небоскрёб и храм.

«И где этот чёртов Сашок купил тот журнальчик?» – неожиданно промелькнула у него мысль. Но он тут же отделался от неё, как от чего-то абсолютно ничтожного. Какая, в сущности, разница?

Остался позади институт, и на его форме, которую, впрочем, никогда надевать не приходилось, появились капитанские погоны.

В одной из командировок они оказались в паре с Максимом, шедшим по службе примерно тем же путём, что и он. Близкими друзьями они не стали, Смолин вообще в этом плане слыл бирюком, но приятельские отношения поддерживали. Отработали нормально, без эксцессов, и ранним утром двинулись в аэропорт кортежем: гаишники с неумолчной сиреной и мигалкой – впереди, за ними машина с охраняемым лицом и их автомобиль сопровождения чуть сзади, как привязанный. Осенняя морось с неба и седой туман, неплотной пеленой кроющий дорогу, петляющую меж камчатских сопок.

– Знаешь, Димон, – сказал Максим, сидящий сзади, – у моей сестрёнки сегодня день рождения. Пятнадцать лет. Юбилей, как-никак!

– Поздравляю, – безучастно ответил он, неотрывно следя за дорогой. – Что купил в подарок?

– А чего тут купишь? Трепангов и крабовые клешни! Пусть удивляется... О, гляди!

Справа, метрах в двухстах от дороги, у самого подножия сопки неторопливо брёл куда-то медведь. Большой, матёрый, вышагивал по-хозяйски спокойно. Удивительно было наблюдать дикого зверя не в вольере зоопарка, а вот так, в родной среде обитания. В этот момент из-за поворота со скоростью болида вылетел джип Toyota Land Cruiser, едва избежав столкновения с полицейской машиной. Водитель японского внедорожника инстинктивно крутанул руль вправо, но там начинался крутой обрыв к реке, и он тут же попытался вернуть автомобиль на прежнее направление. Машина пошла юзом, прямо на приближающийся лимузин с объектом государственной охраны. Столкновения было не избежать, но в последний момент Дмитрий среагировал, успев оторвать взгляд от косолапого.

– Газуй!!! – что есть мочи заорал он водителю. – Наперерез!!!

Тот выполнил приказ и утопил педаль газа в пол. Машина сопровождения приняла на себя всю силу удара. Они выполнили свои обязанности, обеспечив безопасность высокопоставленного чиновника.

Дмитрий отделался лишь незначительными ушибами, водитель сломал пару рёбер, а Максим... Перелом шейного позвонка не оставил ему шансов...

На похоронах он увидел ту, кому погибший охранник вёз трепангов. Увидел и обомлел. Перед ним стояло чудо с огненно-рыжими волосами, заплетёнными в косу почти до пояса. Не скажи тогда Максим, что ей пятнадцать, он бы сам не догадался. Она выглядела полностью сформировавшейся женщиной – ни прибавить, ни убавить. Высокая, длинноногая, с упругой, но не огромной грудью, зовущими бёдрами, пухлыми губками и правильными чертами лица, она словно только что сошла с подиума. И необычный цвет волос её нисколько не портил. Наоборот, добавлял экзотичности, столь нехватяемой многим изюминки. Заплаканная, конечно, удручённая, но это не мешало разглядеть всю её прелесть. Совершенно не к месту он ощутил чувство, давно им забытое. Точно такой же пожар вспыхнул в его душе тогда, когда он впервые увидел Людмилу. Не верилось, что подобное может повториться, но сердце снова билось неровно, то ускоряясь настолько, что ему казалось, будто стук его может быть услышан в плачущей тишине, то затихая, почти умирая. Звали её Марина.

Он держался из последних сил, стараясь выкинуть рыжеволосую красавицу из головы, считая нахлынувшие чувства блажью, благодарил Бога за то, что его отправили в очередную командировку почти на две недели, но... Не смог побороть себя и набрал номер домашнего телефона безвременного ушедшего коллеги. Специально позвонил днём, надеясь, что родители Максима на работе. Уже звучали длинные гудки, а он не знал ещё, что скажет ей, если она вообще возьмёт трубку.

– Алло, – раздался нежный, заспанный голосок.

– Здравствуйте! – сердце стучало так сильно, что он плохо слышал собственный голос. – Я могу Марину услышать?

– Вы её уже слышите, – голосок стал игривым. – А вы кто?

– Я – сослуживец вашего брата, – затараторил он, боясь, что она не станет слушать. – Вы могли видеть меня на похоронах. Мы с ним были в одной машине, когда... Мне хотелось бы поговорить с вами. Очень! Мы могли бы...

– Называйте время и место, где встретимся, – ответила она совершенно буднично, будто такие предложения получала каждый день.

– У вашего подъезда, – выпалил он, не веря столь быстрому согласию. – Через полтора часа.

– Хорошо.

На другой конец города он мчался галопом, взлетая по ступенькам эскалаторов, не чувствуя ног, и прибыл на место минут на пятнадцать раньше назначенного срока. Вечерок в самом разгаре затянувшегося бабьего лета только вступал в свои права; молоденькие клёны и ясени, только-только обжившиеся среди небогатых на зелень новостроек, тихо роняли пожелтевшие листья, иногда будто купавшиеся в лучах закатного солнца. Он стоял с большущим букетом эустомы, чувствуя себя несколько неловко. Прямо напротив подъезда располагалась детская площадка, где стайка малышей осваивала горку и качели, а их мамочки сидели на скамейке, беседуя о чём-то своём. Что подумают они о взрослом мужчине, когда он ещё сопливой, в общем-то, девчонке вручит цветы? Ругал себя за непредусмотрительность, но отступить было поздно.

Она вышла с опозданием и неторопливо, словно не пятнадцать ей исполнилось недавно, а лет на семь больше и за плечиками её девичьими опыта в общении с мужчинами – хоть отбавляй. Элегантная кожаная куртка, отороченная мехом, модные высокие сапожки на каблукках, серёжки золотые с камушками, явно не полудрагоценными... Судя по всему, родители денег на дочурку не жалели.

– Здравствуйте, ещё раз, – он смущался как мальчишка. – Это я звонил. Меня Дмитрием зовут.

И он протянул ей букет. Она приняла его как должное, потянула носиком лёгкий аромат нежных цветков и сказала, мило улыбнувшись:

– Спасибо. О чём вы хотели поговорить? И... давайте перейдём на «ты».

В её карих глазах плескалось озорство, казавшееся несовместимым с пережитой недавно смертью близкого человека. Ему показалось это странным, но лишь на секунду. Он прекрасно знал, что молодости, и уж тем более юности, не свойственно долго носить траур.

– Давай, – легко согласился он. – Понимаешь... Наверное, всё это выглядит глупо и нелепо, но...

– Я тебе сильно нравлюсь? – помогла она ему.

– Да! – выпалил он, опустив глаза. – Так бывает, я знаю. Ты веришь в любовь с первого взгляда?

Она помолчала, рассматривая его чуть прищуренным взглядом, а потом тихо, но уверенно произнесла:

– Верю.

Их любовная история развивалась стремительно, как горная лавина, сорвавшаяся с вершины от подземного толчка и несущаяся к подножию, набирая мощь и скорость, сметая всё на своём пути, не оставляя шансов на сопротивление и укрытие. Они забыли про разницу в возрасте в тринадцать лет, просто не замечая её. Он ошибся, поначалу посчитав её опытной во всех отношениях. Ничего подобного! Просто ей хотелось казаться таковой, а актёрского таланта природа отмерила ей щедро. Она и мечтала стать актрисой. Не в пример многим своим сверстницам, читала много и могла иногда всю ночь провести за томиком Толстого или Достоевского, живо представляя себя в ролях различных героинь. Но не только классика присутствовала в её «репертуаре». Зачитывалась и Пелевиным, и Кингом, и Брауном, и Мураками.

Близость у них случилась на его квартире, примерно через месяц после их первой встречи. Став первым её мужчиной, он сильно удивился обширным теоретическим сексуальным познаниям пятнадцатилетней девушки, которые она смело, без малейшего смущения, воплощала на практике. Что ж, бескрайнее и мутное море порносайтов давало отличное «образование» в данной области человеческих отношений. Зачастую весьма извращённое.

– Смешно, – сказала она, выпорхнув из душа и не торопясь одеваться. Он в это время готовил кофе на кухне.

– Что тебе смешно?

Она стояла в дверном проёме, руки в боки, широко расставив ноги и ничуть не стесняясь своей прекрасной наготы.

– Ты теперь под статьёй ходишь, Димочка, – было непонятно, серьёзно она говорит или играет. – За совращение малолетних, слышал? Не захочешь жениться, я – заявление в полицию. И – прощай, спецслужбы, здравствуй, тюрьма. Я, кстати, накануне у гинеколога была. У меня и справка имеется. О девственности. Ты только простынь в стирку подольше не закидывай.

Он замер, буквально раскрыв рот. Кофе в турке забурлил и хлынул со злым шипением на конфорку.

– Да не пугайся! Шучу, – залиvisto засмеялась она и упорхнула в комнату.

Ему не понравились ни шутка её, ни смех, показавшийся неискренним, но он не придал этому значения. Лавина любви укрыла толстым слоем все остальные чувства, бесцеремонно придавливая любое их шевеление.

Они редко гуляли по улицам, как в пору его первой любви, но и «постельный» режим соблюдали не регулярно. Она будто держала его, да и себя, на голодном пайке, чтобы потом вдоволь насладиться искусно приготовленным гурманским блюдом. И когда это случалось, всё происходило страстно, неистово, на той тонкой грани, что отделяет реальность от мира безумных фантазий. Иногда казалось, что грань рвётся и разум уже никогда не возвратится в своё прежнее состояние. Потом медленно, лёжа в объятиях друг друга, они восстанавливали дыхание, возвращаясь неведомо откуда в обычную московскую квартиру.

Основными местами их времяпрепровождения стали музеи, театры, картинные галереи. Дмитрий был рад этому, боясь, что она повлечёт его по ночным клубам, каковых он не уважал. Она называла ему спектакль или художественный салон, а он доставал билеты.

– А почему ты машину не купишь? – спросила она, когда зимним метельным вечером они вышли из «Ленкома». И плотнее закуталась в шубку из мутона.

– Да к чему мне она? Живу один, дачи нет... А тебя и на такси, если что, могу прокатить.

– Такси – это всё-таки не то. К тому же ты так и собираешься один жить? И дача нужна!

От города надо отдыхать.

Сотрудники спецслужб – не самые высокооплачиваемые работники в столице, но кое-какие накопления Дмитрий имел, прибавил к ним кредит и однажды, уже ближе к весне, приехал на встречу со своей возлюбленной на новенькой Mitsubishi Outlander цвета шампанского. Она совершенно по-детски обрадовалась сюрпризу, обошла машину со всех сторон, заглянула в боковые зеркала, по-хозяйски уселась на пассажирское сиденье рядом с водителем и улыбнулась мило:

– Класс! Но Lexus RX с кожаным салоном лучше.

Он лишь хохотнул, восприняв её слова как шутку: столь дорогая машина была ему не по карману даже с учётом кредита, одно обслуживание половину его бюджета съест. А ему хотелось ещё съездить с девушкой на побережье Средиземного или Красного моря. Свою дальнейшую жизнь без неё он уже и не мыслил. Окончит она школу, настанет её долгожданное совершеннолетие, и направится он к её родителям с просьбой руки и сердца. А свадебное путешествие совсем неплохо провести где-нибудь на островах Карибского моря. Цвет у него потрясающий! Он видел, когда командировочная жизнь забросила его на Кубу.

Девчонка между тем росла и хорошела. Люди незнакомые и подумать не могли, что ей не только восемнадцать не исполнилось, но и пресловутый ЕГЭ ещё впереди. Нередко, когда они шли вдвоём, он подмечал восхищённые взгляды проходящих мимо мужчин и не замечал, как за его спиной они превращались в завистливые.

Она исполнила свою мечту и с первого раза без особых трудностей поступила во ВГИК, на актёрский факультет. Счастливее человека он не видел в своей жизни и радовался вместе с ней, будто он сам осуществил в своей жизни нечто такое, перед чем всё остальное меркнет,

становясь незначительным и мелким. И училась она с самозабвением, иной раз пропадая в институте до позднего вечера. Когда не был занят по работе, он терпеливо ждал её, потом чуть усталую, но безмерно счастливую отвозил домой.

Через полгода настала, наконец-то, долгожданная дата: ей исполнилось восемнадцать лет. Ему не удалось побывать на торжестве, отправили в командировку за Урал, но по возвращении сразу же позвонил ей и сказал, что сейчас приедет с подарками и цветами и по всем правилам станет просить у её родителей благословения. За всё время их знакомства он видел их всего несколько раз, всегда страшно смущаясь. Ведь он находился в одной машине с их сыном, когда случилась трагедия. Он жив, а Максим... Но неожиданно Марина отказалась, сославшись на недомогание матери и отсутствие отца, он тоже куда-то уехал в командировку, и сказала, что сама приедет к нему.

– Послушай, – спросила она, когда они удовлетворённо-утомлённые лежали в постели у него на квартире, – вот ты хочешь, чтобы я вышла за тебя замуж. А где мы будем жить?

– Как где? – он и не задавался этим вопросом. – Здесь, конечно же! А то я тут одичал уже, один в трёх комнатах.

– Здесь?! – она резко села и воззрилась на него с явным удивлением, не лишённым досады. – В этой старой маленькой квартирке? А детей как рожать?

– Маленькой? – теперь уже удивился он. – Да ты что? У тебя, конечно, она больше, но там же родители...

– Ты не понял! Нам нужна новая отдельная квартира в хорошем доме. Ты знаешь, какие сейчас строят? Там одна комната, как у тебя три вместе с кухней.

– Да где я такие деньги возьму?!

– А ипотека?

– Мне её не осилить. Я же не генерал...

– Так стань им! Ты же мужчина, в конце концов.

Он замолчал. В первый раз за всё время их отношений в нём шевельнулась обида. Даже озлился на Марину, сам себе удивляясь. Несильно, правда, и ненадолго. Понимал прекрасно: откуда девчонке знать, что в их организации столько всего должно совпасть, чтобы получить хотя бы полковника... А уж про генеральское звание и говорить нечего. Тут без высокопоставленного покровителя не обойтись, а он его никогда не имел. Да о чём говорить?! Генералами в одночасье не становятся, годы и годы должны пройти.

– Первое время можем и здесь пожить, – она сбавила обороты. – Но потом надо что-то думать. Глядишь, я в кино сниматься начну...

И прижалась к нему всем телом крепко-крепко, одарив поцелуем долгим, горячим, жаждущим...

– Знаешь, – выдохнул он, уже забыв своё мимолетное негодование, – не хотел тебе говорить раньше времени, ещё ничего не ясно... Ну да ладно! Мне предложили работу в Службе безопасности президента.

– Что это меняет в твоей жизни?

– Хм... Для нас это как для актёра Голливуд или для хоккеиста НХЛ.

– Голливуд предполагает отличные заработки. А там?

– Ну... На треть выше моего теперешнего.

– Вот видишь. Ты уже делаешь первые шаги в нужном направлении, – она улыбнулась своей улыбкой неподражаемой, оказывающей на него безотказное действие, и он не расслышал скепсиса в её словах...

«Мне тогда бы всё увидеть, понять... – с невыразимой горечью подумалось ему, и вновь ладонь прикоснулась к холодной стали пистолета. – Слепец! Ничего, кроме любви, не видел, ничего. Верил в неё! Думал, сам себе счастье вырастил и чудо рыжее пойдёт со мной по жизни, станет светить, как солнышко. У Дюма, по-моему... Да, точно, в «Графе Монте-Кри-

сто» строчка попалась: «Рыжий бывает или очень хорош, или очень плох». Очень точно подмечено, кто бы что ни говорил».

Ему вновь вспомнилась Людмила. Он давно уже не испытывал к ней никакого зла или обиды. Наоборот, при всяком воспоминании о ней в нём просыпалась досада на самого себя. Да такая острая, что хоть по щекам себя хлещи. А сейчас и вовсе хотелось разбежаться да в стену темечком, чтобы вышибить оттуда всю память и себя наказать за прошлое.

«Заче-ем? – ухмыльнулся про себя. – Спустил курок – мгновенная боль, а за ней мрак и облегчение. Я уже умирал один раз, знаю...»

...Они встретились с ней. Совершенно случайно, как это часто бывает в суматошном огромном городе. Иной раз люди, в соседних подъездах живущие, могут не видеть друг друга годами. Вот и они, хоть дома их стояли всего лишь через два квартала, с того памятного, горестного дня, разрубившего их отношения как колун полешко, не виделись ни разу. Поздним вечером, почти ночью, ранней весной, когда неверная оттепель вполне привычно сменилась лёгким морозцем, он устало спустился на станцию «Библиотека имени Ленина». День выдался суматошным и трудным, и хотелось поскорее вернуться домой, принять душ, упасть на диван и спать, спать, спать. Тем более что завтра законный выходной. На перроне было немногочисленно: загулявшая компашка, парочка влюблённых, стайка студентов да пяток таких же припозднившихся служащих, как и он. И вдруг столкнулся с ней взглядом. Понял, что неотрывно смотрит на неё уже несколько секунд, и только сейчас осознал, кто стоит перед ним. Чёрные волосы до плеч сменились короткой деловой стрижкой её родного, данного природой, цвета. Чёлка стала немного короче, чем в пору их пылкой любви, потеряла свою милую озорноту. Дорогое пальто, определённо купленное не на рынке, сидело на ней идеально, облекая фигурку, ни капли не потерявшую от своей привлекательности и сочности.

Медленно, словно решая, идти или нет, он подошёл к ней.

– Людмила... – прошептал он и не смог не отвести глаз. – Здравствуй.

– Здравствуй, Дима, – она говорила холодно, словно делая одолжение. Но, будь он сейчас чуть повнимательней, не ускользнуло бы от него, что холод этот напускной и костёр, полыхавший в её душе неистово, хоть и погас, но угольки ещё тлеют. – Ты откуда здесь?

– С работы. А ты?

– В гостях была... Как живёшь?

– Да нормально всё.

– Жена, дети?

– Нет ещё, – он снова опустил глаза. – Но свадьба уже скоро.

– Поздравляю...

Один поезд прогромыхал мимо, другой, а они стояли и говорили. О чём-то пустом, ничёмном совершенно. Она в двух словах рассказала о том, что работает хирургом в Институте скорой помощи имени Склифосовского. В свою личную жизнь дверь не приоткрыла, даже в замочную скважину заглянуть не позволила. Он вкратце поведал о своей службе и... Не знал больше, что говорить.

Предложил проводить её до дома, она не отказала. Почти молча они шли по улочкам, где ходили когда-то, окрылённые сильным и чистым чувством. Свежевыпавший снежок поскрипывал под ногами, и больше ничего, казалось, не нарушало ночной тишины. Он вдруг почувствовал, как в сердце шевельнулось нечто такое, чему он не мог дать определения, и ему подумалось, что он вполне мог простить её, да и простил уже... Он отогнал эти мысли и вздохнул с облегчением, когда они очутились у её подъезда.

– Ты без ножа теперь ходишь? – спросил, грустно улыбнувшись.

– Без. Ну ладно, прощай. Если честно, я была рада тебя увидеть. Удачи!

Неожиданно для себя он потянулся к ней, чтобы поцеловать в щёчку, но она отшатнулась, словно он вознамерился её укусить. Захлопнулась подъездная дверь, а он ещё несколько

минут стоял неподвижно и лишь потом быстро, словно совершил нечто постыдное, направился к своему дому.

Через неделю после этой встречи, пусть не царапнувшей, но тронувшей душу, разбудившей воспоминания, его отправили в длительную командировку – целый месяц по Латинской и Южной Америке. Другой мир, пахнувший кофе, ромом, солёным ветром с Атлантики, помог проветрить голову и все мысли направить на предстоящую свадьбу. Ведь должна же она состояться, никуда не денется!

– Смотри-ка, как загорел! – поприветствовала Марина, когда он встретил её у института. Ни поцелуев, ни страстных объятий соскучившейся по своему любимому девушки не последовало. Лишь мимолётное прикосновение пухлых губ к гладко выбритой щеке. Девушка улыбалась, но старалась не смотреть ему в глаза.

– Что-то случилось? – он не понимал такой холодности, граничащей с отчуждённостью.

– Нам нужно поговорить.

– Отлично! Поехали ко мне.

– Нет! – она так резко мотнула головой, что рыжая коса её перескочила со спины на плечо, едва не задев его по лицу. Он почувствовал такой привычный аромат её духов: тонкий, манящий, таинственный. – Поговорим на улице. Только отойдём в сторонку.

Дмитрий не возражал. Сердце вдруг дёрнулось, как от внезапного укола. Он не знал, что хочет подсказать ему всегда безотказно работающий мотор, и гнал прочь все нехорошие мысли, неожиданно зароившиеся в голове. Ничего плохого не случилось и случиться не может! Если только по учёбе у неё какие-нибудь неприятности. Так это всё мелочи, не стоящие и капельки грусти в глазах любимой. Впрочем, грусти-то там как раз и не было.

Они отошли в сквер, мокрый от недавно прошедшего первого весеннего дождя.

– Выслушай меня внимательно, пожалуйста, – она по-прежнему старалась не пересечься с ним взглядом. – И не считай меня сумасшедшей или сволочью. Ладно?

– Да говори уже, наконец!

– Может, повременим со свадьбой? И вообще...

– Что «вообще»?! – рой мыслей замер, объединившись в одну, самую неожиданную и жестокую. Дмитрий понял, что сейчас услышит.

– Нам необходимо расстаться на некоторое время, – она впервые с начала беседы посмотрела ему прямо в глаза. Он едва не отшатнулся от её взгляда, ставшего вдруг агрессивным и кинжальным. Никогда раньше ничего подобного в нём не замечал. Он онемел от неожиданности, а она продолжала произносить слова, шальными пулями впивавшиеся ему в душу. – А лучше – навсегда! Пойми, у меня появился шанс ворваться в элиту нашего кинематографа. Вот сейчас, сразу! У меня есть все данные. Это другой мир, совершенно другой, не похожий на тот, в котором привык жить ты. Человек, способный сделать из меня звезду, предложил слетать с ним на пару недель на Таити. Вылет послезавтра. Я согласилась. Жить мы будем в одном номере. Ну, ты подумай: какая у тебя перспектива? Ну станешь ты охранником президента. Что дальше? – она скривила губки. – Дослужишься до генерала? Вряд ли. А если и так, на это уйдут годы! Мне же сказочная перспектива открывается прямо сейчас. Понимаешь?! Если любишь, должен понять и отпустить. И порадоваться за меня!

– А ты? – прошептал он с остановившимся сердцем.

– Что я?

– Ты... Меня... Не любишь?.. – каждое слово давалось невероятно трудно и больно, будто пальцы себе отрубал.

– Люблю, – ответила сухо, как на вопрос о погоде. – И вынуждена давить в себе это чувство. Для блага. Твоего и моего. Найдёшь себе нормальную девчонку. Всё хорошо будет!

– Подожди! – зацепился он за тонюсенький хвостик надежды, внезапно пролетевшей где-то рядом. – Я, кажется, догадался. Ты репетируешь какую-то пьесу. Институтское задание. Так?

Она передёрнула плечами, будто её знобило, лицо лишилось мимики и побледнело, став меловым. Ей тоже нелегко давался этот разговор, но силы воли Марине было не занимать.

– Ты ничего не понял! Это жизнь, а не роль. И выложила я всё сразу, чтобы не мучиться обоим. Ведь так лучше: рубануть махом, чем отрезать по кусочку. Так что... Спасибо тебе за всё и прощай.

Быстро, как пощёчину отвесила, она поцеловала его и чуть ли не бегом отправилась в сторону освещённой улицы, где шагали по своим делам люди и тыркались в плотной пробке машины. Он не окликнул, не бросился за ней, а стоял, словно парализованный, не способный даже моргнуть. Уже во второй раз в жизни окружающий мир не просто переворачивался с ног на голову, а обрушивался со стремительностью камнепада, погребая под своими осколками всё: мечты, надежды... Всё! «Держи удар, Смолин!» – прозвучало так тихо, так неуловимо, что он и не услышал спасительного призыва.

На следующий день он оборвал её телефон, послал больше сотни эсмэсок с просьбами о ещё одной встрече и мольбами одуматься, он готов был упасть перед ней на колени прилюдно, хоть посреди оживлённого, заполненного автомобилями проспекта. Да что там! Ограбить банк и увезти её навсегда на Таити, в Австралию, в Антарктиду – куда захочет, лишь бы не убивала его разрывом, лишь бы вернулась. Безрезультатно и безответно... Не нашёл он её и в институте. Бросился к её дому, но и там никто не ответил на непрерывные звонки, аж палец занемел, чуть ли не продавив ни в чём не повинную кнопку. Отчаяние, подлое и непреодолимое, охватило его подобно гигантскому питону, придушившему несчастную жертву, дождавшемуся, пока окончательно остановится её сердце, и начавшему заглатывать добычу. Он перерыл интернет с одной-единственной целью: выяснить, как добраться до этого проклятого острова? Тогда он ринулся бы в аэропорт, нокаутировал неведомого соперника и увёз бы Марину к себе домой. Ведь бывает же, что на девчонок находит дурь. Побудет опять с ним наедине, выветрится вся блажь, и вернутся отношения, делавшие их счастливыми. Но и здесь его ждало жестокое разочарование. Оказалось, путей в тропический рай, затерявшийся в бескрайних водах южной части Тихого океана, предостаточно. Какой именно выберут любовники? Не угадать.

Она улетела... Он не знал, когда именно, но чувствовал, что она уже далеко-далеко и дотянуться до неё нет никакой возможности.

Неделю он ходил как оглушённый, словно душа покинула тело и летала где-то над лазурными водами в поисках Французской Полинезии. Сослуживцы видели его состояние, лезли с вопросами, искренне желая оказать сочувствие или помощь, но он лишь раздражённо отмахивался, ничего не отвечая. Время для него окаменело, а действительность превратилась в непроглядную ночь, населённую чудовищами, готовыми сожрать в любой момент. Конечно всё. Выхода и возврата больше нет.

Идея, сумасшедшая, как пуля, прилетевшая невесть откуда, пришла ему в голову, и он вцепился в неё, словно парашютист, дёрнувший запасное кольцо и не увидевший над головой спасительного купола, и молящий всех богов на свете, чтобы внизу оказался большой стог сена. Выпросить, вытребовать всеми правдами и неправдами отпуск и улететь вслед за ней! Он и не думал, как именно отыщет на острове свою сбежавшую любовь, считая это делом десятым. Самая дешёвая путёвка в турагентстве с названием, никогда раньше не слышанным, оказалась стоимостью в десять тысяч долларов. В наличии у него сейчас таких денег не было, но это не вопрос. Занять можно за один день. Главная проблема состояла в другом. Загранпаспорт хранился в отделе кадров, и чтобы выцарапать его оттуда требовалось специальное разрешение, а для его получения нужно как минимум две недели. Таким временем он не располагал. Оставалось одно: пасть в ноги к прямому начальнику. Полковник Палин был человеком суровым, но справедливым, опытом обладал огромным – в личной охране Горбачёва начинал – и к подчинённым всегда относился с уважением. И авторитетом обладал непререкаемым. Он мог ускорить подписание рапорта на получение загранпаспорта.

«Вот только как объяснить ему, что позарез нужно улететь на Таити?.. Не плакаться же, что девушка упорхнула туда и нужно встретиться с ней любой ценой», – думая так, Дмитрий увидел Палина, неспешно идущего по коридору, длинному, как взлётная полоса. В отлично подогнанном строгом костюме, высокий, плечистый, посеребрённый сединой, и в свои слегка за пятьдесят он ещё запросто мог встать за спиной президента и выглядеть там к месту.

– О, Дмитрий! – заметил он Смолина, когда уже открыл дверь. – Зайди-ка ко мне, разговор имеется.

«Это судьба!» – подумалось ему, и он торопливо подошёл к полковнику. Тот поприветствовал его крепким рукопожатием и распахнул дверь кабинета. Палинский кабинет, несмотря на канцелярский порядок, имел уютную атмосферу, создающую не только рабочую обстановку, но и располагающую к доверительным беседам. Мягкий цвет обоев, добротный стол тёмного дерева, покрытый зелёным сукном и зелёная же лампа на нём, а над начальственным местом висел не портрет главы государства в форме подводника или кимоно, а карта мира, стилизованная под старину, с воткнутыми в неё красными флажками – пунктами командировок полковника. Их было не сосчитать, словно кто из дробовика пальнул, а один угодил и в Антарктиду. Присутствовали в помещении, не превышающем размеры небольшой комнаты, и холодильник, и книжный шкаф, и бар, выполненный в форме бочки из-под кубинского рома.

Дмитрий аккуратно, будто стесняясь, сел на предложенный стул, лихорадочно соображая, с чего начать разговор. Он и забыл совсем, что пришёл сюда не сам, а по приглашению начальника.

– Не буду юлить, Дмитрий, – Палин удобно разместился в кресле и выдохнул с облегчением, видно, намотался за сегодняшний день, – расставаться мне с тобой жалко. Хороший, думающий сотрудник... Ты чего глядишь так удивлённо? Запомнил, куда лыжи наострил? Или думал, я не знаю?

У Смолина действительно вылетело из головы, что он собрался переходить в Службу безопасности президента! Да и мог ли об этом думать сейчас?

– Вадим Игоревич... – стушевался он.

– Да ладно, ладно. В общем, я сегодня дал добро на твой переход и соответствующие рекомендации. Характеристики на тебя подготовят в ближайшее время. В благодарностях рассыпаться не нужно, – остановил он Дмитрия, заёрзавшего на стуле. – Не на остров с белоснежным песочком и кокосовыми пальмами в отпуск тебя посылаю. Там пахать и пахать. Ошибок не прощают, и за языком следить надо. Да что я тебе объясняю... Не первый год в нашей структуре варишься. Хочу, чтоб ты знал: там не приживёшься, обратно возьму с удовольствием. Впрочем, ты парень крепкий. Я не раз тебя на рукопашном бое видел. Удар держать умеешь. Ну, спрашивай. Вижу, неймётся тебе чего-то.

– Тут такое дело, Вадим Игоревич...

В этот момент затрещивал один из полдюжину телефонов, разместившихся на пристольной тумбочке. Одинаковые, как братья-близнецы, бледно-жёлтого цвета, они выполняли одну функцию: обеспечивали связь – городскую, внутреннюю, служебную, междугороднюю. Сейчас подал голос аппарат без диска, с российским гербом.

– Тьфу-ты, чёрт... – Палин бросил взгляд на часы, честно показывавшие, что до официального окончания рабочего дня остаётся десять минут, но полковник не принадлежал к тем счастливым, кому удавалось уйти в установленное время. – Догадываешься, кто звонит? Палин слушает. Здравствуйте, Владимир Валентинович! Срочно? Есть...

В задумчивости он вернул трубку на место, недовольно поморщившись.

– Такие дела. Руководитель... Сам знаешь, он ждать не любит. Да! Ты спросить что-то хотел. Ты ведь на сутках сегодня. До завтра терпит?

– Терпит... – Дмитрий пожал плечами, чувствуя, что с его уходом из кабинета последняя тень надежды растает, как мираж в пустыне. А с другой стороны... Одна ночь ничего не решит.

– Вот и славно. Завтра с утра и поговорим...

«А хорошо, что вышло именно так! – подумал Смолин, чувствуя ледяное прикосновение ствола. – Допустим, случилось бы невозможное, я добрался до Таити и что? Ничего бы не изменилось. Ничего! Только боль стала бы ещё нестерпимей. Хотя и некуда уже...»

... Через два часа после несостоявшегося разговора он получил на мобильный телефон видеопослание, всё расставившее по своим местам. Окончательно и бесповоротно. Мерзкое, жуткое, гадкое послание! Если бы его спросили, сколько раз он просматривал этот ролик, поло- суя сердце тупым ножом, делая зияющую рану ещё глубже, ещё страшнее, он бы не ответил. Точка невозврата пройдена, и вопрос лишь в том, сколько времени оставалось до выстрела...

Он представил, как ему станет хорошо. Просто неопишимо! Как тогда, в вертолёте, перед тем, как он зачем-то вынырнул из неги, предваряющей вечность.

Палец медленно, как учили, потянул спусковой крючок.

«Может, лучше в висок, как и полагается офицеру? – задумался он на миг. – Да и вернее так. Нет! Лучше в сердце. Оно, подлое, заставляло любить, страдать... Пусть и умрёт первым!»

Неожиданно, словно вспышка молнии в безлунной ночи, в сознание ворвался ослеплён- ный и истерзанный кот, наверняка своим звериным инстинктом понимавший, что скоро конец, но не желавший смириться и из последних кошачьих сил пытавшийся зацепиться за стреми- тельно ускользящую жизнь, ставшую вдруг невыносимой. Смолин дёрнулся, и тут же обжи- гающий грудь выстрел опрокинул его в непроглядную тьму...

– Ну! – полковник Палин посмотрел на трёх оперативников, с угрюмым видом сидевших у него в кабинете. – Что скажете, господа хорошие? Объяснение хоть какое-нибудь есть?

– Нет, – ответил старший из них, рано полысевший мужчина, с глазами добрыми и груст- ными, как у блаухаунда. – Или почти нет...

– То есть? – Палин нахмурил брови.

– Записки он не оставил, но на столе лежал мобильный телефон. Его телефон, мы про- верили. В нём куча неотвеченных звонков некой Марине. Эсэмэс-сообщения ей же. Характер у них один. Если в двух словах: люблю и давай встретимся. Но... Там пожар эмоций, Вадим Игоревич! Просьбы, мольбы, крики, отчаяние – всё вкуче. Вчера же, в двадцать ноль пять, от этой Марины пришёл видеоролик с заглавием «Я отдыхаю на Таити». Взгляните.

Он поколдовал над телефоном и протянул его полковнику. Тот помедлил немного и взял смартфон в руки. По ходу просмотра изображения выражение лица Палина менялось от брезг- ливого до гневного. На экране появился голый мужик с пивным волосатым брюшком, а сим- патичная девушка с рыжей косой, тоже голая, стоя на коленях, орально ублажала его. Толстяк сопел и постанывал от удовольствия. Одной рукой он, видимо, держал телефон или иное сни- мающее устройство, а другую положил девушке на затылок и подталкивал её вперёд.

– И как понимать эту порнуху? – жёстко спросил Палин.

– Мы пока не знаем. Если эта особа та самая Марина... – оперативник покачал лысой головой.

– Найдите мне её, ребятки, Христом богом прошу! – со злости полковник стукнул кула- ком по столу.

Дня через три после возвращения из чудесной поездки Марина сидела с двумя подру- гами в небольшом ресторанчике и, потягивая белое вино, делилась волшебными впечатлени- ями. Загорелая, сочная, красивая, она олицетворяла собой счастье и успех, полную уверен- ность в удавшейся жизни. Девушки белой завистью завидовали ей, слушая о белоснежных пляжах, фантастической природе, прогулках на яхте, уверенно бороздящей изумрудно-бирю- зовые воды, о сказочном сервисе и полной отрешённости от всего остального мира. Разуме- ется, рассказ сопровождался демонстрацией ярких фотографий.

– Счастливая ты, Маринка! – сказала одна из подруг, симпатичная и несколько простоватая блондинка. – Папика богатого хапнула в удачный момент, пока он после очередного развода скучал. И – главное! – в тему. Он ведь продюсер известный. И сценарий нового фильма тебе, как я слышала, уже прислали?

– Да! – не без гордости ответила Марина. – Дебют в кино не за горами. Роль, правда, не главная, но и не эпизод.

– Слушай, – задалась вопросом вторая, шатенка, казавшаяся несколько развязной, – а как же твой парень? Как его... Димка, кажется. У вас такая любовь была, что прохожим заразиться было можно. С ним как? Он ведь просто так тебя не отпустит.

– Отпустит, – хихикнула Марина, хитро улыбнувшись. – Я такую штуку придумала... Нет, показывать не буду, а то обалдеете. Короче! Я занималась любовью с моим новым мужчиной и снимала это на видео. А ролик послала на телефон Димке.

– Ты очумела, что ли?! – ахнула блондинка. – Он же убьёт его! И тебя заодно.

– Ничего подобного, – Марина откинулась на спинку стула и сделала крохотный глоток вина. – Я-то его знаю. Напьётся впервые за долгие годы, помучается с месяцок, но отстанет от меня раз и навсегда. Да я для него уже не существую!

– Марина? – раздался за её спиной твёрдый мужской голос. Резко обернувшись, она увидела незнакомого человека лет пятидесяти, высокого, атлетично сложенного, с благородной проседью в аккуратно уложенных волосах, одетого в однотонный тёмный костюм, определённо не из дешёвого материала.

– Да, – ответила она не без кокетства, незнакомец ей явно понравился, – а вы...

– Позвольте я не буду представляться. В данной ситуации это совершенно ни к чему. Я должен передать вам одну вещь Дмитрия Смолина. Ведь вы знакомы?

– Да... – от кокетства не осталось и следа, а голос её дрогнул.

– Вот и отлично! – он положил на стол мобильный телефон. Мужчина улыбался, но глаза его светились недобро. – Это – его. Тут сохранены только эсэмэс-сообщения к вам и ваш видеответ на них. Вы понимаете, о чём я говорю?

Она лишь беззвучно открывала рот.

– Вижу, что понимаете. Оставьте его себе. На память, так сказать.

– Откуда?.. Почему?.. – наконец смогла заговорить она.

– Не беспокойтесь. Этот телефон ему больше не нужен. Дмитрий выстрелил себе в сердце. Я удаляюсь. Извините за прерванную беседу, – последние слова он нарочито обратил к её подругам.

Дежурство выдалось у неё на редкость спокойным. Даже устать не успела и прикорнуть удалось. Но ранним утром, когда Москва ещё свободно дышала без автомобильных пробок, в ординаторскую вбежала медсестра.

– Людмила Сергеевна! – затараторила она. – Срочно! Мужчину привезли с огнестрелом в область сердца! Попытка самоубийства, судя по всему! Пульс едва есть, давление на нуле, кровопотеря большая, но жив ещё!

Неожиданно она почувствовала, как сильно, нестерпимо сильно зачесался тонкий шрам на запястье левой руки. Но обращать на это внимание было некогда.

– Иду-иду! – сказала она, вскакивая с кушетки и надевая халат.

Когда Людмила увидела, кто лежит на операционном столе, она поняла, почему вдруг след от неудачной попытки самоубийства напомнил о себе...

Единственный шанс

Опаснее и кровожаднее преступника, чем Хазд-Май, невозможно представить. Не существовало норм морали, которые он не нарушил бы ради обогащения или просто развлечения. Он убивал, грабил и насиловал, наслаждаясь видом истерзанных жертв. Кровь и риск пьянили его, власть над жертвой возносила на пик блаженства. Он не помнил своего возраста, когда отнял первую жизнь. Давно это было! С тех пор пять раз Хазд-Май отбывал огромные сроки, выходил на волю и хохотал, видя штамп в документах: «Полностью исправлен». Кретины-гуманисты! Они не хотели понять, что такие, как он, не подлежат исправлению, а существующая пенитенциарная система – фикция истинного наказания.

Но вот он попался в шестой раз, и тюрьма ему теперь не грозит. Его ждёт другая кара.

Двести лет прошло с той знаменательной даты, когда отменили смертную казнь, не дававшую покоя поборникам истинной гуманности, приводившим три главных аргумента в пользу своих убеждений. Во-первых, никто не вправе отнимать чужую жизнь, кроме Создателя. Во-вторых, невозможно исключить судебные ошибки, обрекающие на смерть невиновных. Да, количество таких ошибок ничтожно, но они существуют. А в-третьих, казнь не воскрешает убиенных и не предотвращает новых преступлений. Исследования о том, сколько негодяев не довели дело до убийства, испугавшись за собственную жизнь, не проводились.

День, когда закон об отмене смертной казни вступил в силу, для преступного мира стал праздником. Пожизненное заключение – не подарок, конечно. Но сохраняется возможность помилования или побега. Не существует абсолютно надёжных тюрем. Работая на публику, приговорённые к такому наказанию мерзавцы, стонали: «Лучше мгновенная смерть, чем пытка вечной несвободой!» Трусливые лжецы! В душе они ликовали, оставшись в живых, и сырость каменных мешков была им несказанно милее жара крематориев.

Постепенно приходило понимание ошибочности принятого решения, но отыграть назад никто не решался.

Сто лет назад нашли компромиссное решение, заставившее содрогнуться преступный мир. Учёные сконструировали аппарат, получивший негласное название «Капсула смерти». Не лишённые сарказма инженеры назвали своё изобретение «Последняя надежда», но оно не прижилось. Абсолютно герметичную камеру оснастили уникальной системой жизнеобеспечения, не имеющей сроков эксплуатации. Заключённый погружался в состояние сверхглубокого сна, и «Капсула смерти» запускалась в космос. Доказательств обитаемости вселенной не существует, как и нет доказательств обратного. Космос безграничен, а значит, существует возможность, что когда-нибудь локатор «Капсулы смерти» обнаружит пригодную для жизни планету. При приземлении космическая тюрьма автоматически откроется, заключённый пробудится ото сна и получит шанс начать всё с чистого листа. Адепты отмены смертной казни признавали гуманность такого решения, но не могли не сомневаться. А вдруг капсула ничего не встретит на своём пути и станет вечной скиталицей? В противовес этому приводился незыблемый аргумент – срок у заключённого пожизненный, и беспробудно проспав его не самый худший вариант.

Кое-что пришлось скрыть от назойливых борцов за права негодяев. Приговорённый к такому наказанию путешествовал в беспросветном мраке, но не без сновидений. И сны эти были кошмарными. Вместе с питательным раствором, поддерживающим жизнь, вводился препарат, заставляющий память восстанавливать картины совершённых преступлений. Только теперь в роли жертвы выступал осуждённый – его унижали и изуверски мучили. Исследования показали: мучения в своих снах преступник испытывает ужасные. Фиксировались даже случаи помешательства и полной психической деградации личности.

Хазд-Май прекрасно знал, что впереди его ожидает бесконечное странствие, и отчаянно отбивался, не желая сдаваться в руки правосудия. Убив пятнадцать полицейских, он ока-

зался-таки закованным в цепи. Скоротечный суд вынес приговор о пожизненном заключении, и «Капсула смерти» отправилась в бессрочный полёт.

Романтическая струнка есть в каждом человеке, даже самом прагматичном, привыкшем к спокойствию и благополучию. Нужны только определённые обстоятельства, чтобы она проснулась и зазвучала. Аркадий Ковригин к своим пятидесяти двум годам стал солидным бизнесменом, дважды отцом и единожды дедом. В третьем браке был женат на двадцатитрёхлетней красавице, природной блондинке, внешности и формам которой позавидовали бы многие голливудские дивы. И при этом – всё своё, ещё не тронутое пластическими хирургами. Алла Резвова имела за плечами истфак МГУ и сносное знание трёх языков. Выучила их так, для души. Ковригин же твёрдо выучил лишь несколько английских слов. Мог поздороваться, попрощаться, поинтересоваться о здоровье. Но вот ответы вряд ли разобрал бы. Такой женщине необходимо соответствовать. И он старался изо всех сил. Спортзал, здоровое питание, бассейн – и результат: отличная фигура, пресс кубиками и больше сорока пяти лет никто жгучему брюнету не даёт.

Несколько лет назад Ковригин приобрёл небольшую яхту и даже освоил управление ею, но на том дело и закончилось. В путешествия по коварным волнам морей и океанов он не стремился, и яхта с броским названием «Старина Флинт» тосковала в одном из портов Кабо-Верде. Ну не любил он дальних поездок, и всё тут. Обожал рыбалку, но на реках Среднерусской равнины. Именно так он и планировал провести свой ближайший отпуск – вдоволь отоспаться и порыбалить. Жёну такая перспектива не устраивала вовсе, и зажглась она гневом праведным.

– Сколько можно?! – голубые глазки сузились недобро. – Вкальваешь как проклятый, а отдыхать не умеешь. Кардинальная смена обстановки – вот когда отдыхают и тело, и душа. Хочу тепла, моря и солнца!

Капризничала она редко, а потому сдался он почти сразу.

– Куда полетим? – спросил не без грусти, заранее страдая от пляжей, заполненных людьми, «всё включено» и шумной, до самого утра, анимации.

– У нас есть отличная яхта, – она не хотела мучить его рутинной стандартного отдыха. – Можем провести на ней две чудесные недели. Представь: я, ты, море, солнце. И лёгкий бриз ласкает наши волосы... Шанс испытать такое наслаждение судьба даёт только один раз.

– Почему же только один? – Яхта в данной ситуации казалась ему спасением.

– А потому, – сладко шептала она ему в ухо, – что второй раз – это второй раз. Он может быть лучше, может быть хуже, но таким, как первый, не будет никогда. К тому же, как и все женщины, я хочу стать мамой. А с малышкой разве рванёшь далеко от родимого дома?

Через пять дней «Старина Флинт» мерно покачивался в лазурных водах Атлантики, неспешно двигаясь в сторону экватора. Слева угадывалась полоска африканского берега, справа простиралась синяя бескрайность – таинственная, манящая, прекрасная. Тишина, нарушаемая лишь криком чаек да плеском ласковых волн. Полное наслаждение безмятежностью и отчуждённостью от остального мира! Романтическая струнка задрезжала в душе Ковригина и запела гимны окружающему миру.

Рыжее солнце сползло к закату, когда усталые от ласк влюблённые вышли из каюты на палубу, чтобы поужинать и насладиться видом неба, покрытого лёгкими мазками перистых облаков. Он – по пояс голый, бронзовый от загара; она – в коротеньких шортиках и топ-лесс.

Пока жена накрывала на стол, муж по-капитански стоял на носу яхты и в бинокль обозревал окрестности. Прямо по курсу он разглядел то ли перевёрнутую прогулочную лодку, то ли крупное морское животное.

Бездну времени «Капсула смерти» с Хазд-Маем неслась мимо квазаров и пульсаров, удачно минуя области чёрных дыр и взрывов сверхновых звёзд. Ничего этого он, разумеется,

не наблюдал. Преступник видел лишь, как в злой ночи, тускло освещённой мрачным светом, льющим непонятно откуда, за ним гонится чудовище. Он не знал, как оно выглядит, но чувал, всем своим поганым нутром чувал, что оно сильнее его во сто крат, беспощадно и кровожадно. Смердящий запах из его пасти уже накрывает беглеца, слюни брызгают ему на спину. Ещё мгновение, и стальные когти начнут терзать его плоть, они станут это делать медленно, наслаждаясь страданиями жертвы. Истошно крича, Хазд-Май делал рывок, пытаясь спастись. Бесполезно! Нестерпимая боль впивалась в него и рвала на куски. Никогда он не испытывал ничего подобного и призывал смерть как избавление. Наконец, обрушившаяся темнота гасила все чувства. Но не успевал Хазд-Май сделать несколько судорожных вдохов, как всё начиналось сначала. Сон, не отличимый от яви, возвращался с неизбежным постоянством.

В космосе нет времени, оно ему не нужно. И расстояния стремятся к бесконечности. Где-то, когда-то столкнулись два некрупных астероида. Лоб в лоб, со всей своей немислимой скоростью. Уничтожили друг друга, разбив на большие и маленькие куски. Крохотный камешек, получив ускорение, устремился в холодную темноту. Летел и летел он себе, пронзая вселенную и наслаждаясь собственной независимостью, как вдруг однажды не ударился о что-то твёрдое. Не сильно ударился, по касательной, но этого оказалось достаточно, чтобы изменить направление полёта и отправиться в новые дали. «Капсула смерти» после неожиданной встречи отклонилась от курса, представлявшего собой нескончаемую прямую. Немного отклонилась, всего-то на полградуса.

Нестерпимая боль прекратилась, словно кто-то её выключил, и Хазд-Май увидел перед собой бежевую рифлёную ткань теплоизоляции. Бесконечный сон прервался, а значит... «Капсула смерти» попала в притяжение планеты, условия которой приемлемы для существования. Не сразу преступник понял, что предоставленный ему шанс, настолько малый, что в него не верили даже отчаянные оптимисты, сработал. Вскоре за бортом раздался всплеск, и ровное движение космической тюрьмы сменилось мерным покачиванием. Перед глазами запульсировал зелёный огонёк.

Непонятный предмет покачивался на волнах в четырёх кабельтовых прямо по курсу «Старины Флинта». Даже в мощный бинокль Ковригин не мог точно определить: что же именно он видит? Покрыт чем-то чёрно-серым, в пупырышках. Крупный дельфин или мелкий кит, отдыхающий на волнах? Чёрт его разберёт... Любопытство разыгралось не на шутку, подстёгиваемое проснувшимися вдруг воспоминаниями о прочитанных в детстве книгах. Пираты, необитаемые острова, сокровища, сундуки с потерпевших крушение кораблей, носимые волнами и течениями многие годы...

– Алла! Посмотри-ка, что я нашёл.

– И что обнаружил наш вперёдсмотрящий? – откликнулась лениво, но к мужу подошла.

– Гляди! – протянул он ей бинокль. – Прямо по курсу.

– Ничего особенного, – она быстро вернула бинокль, небрежно пожав плечами. – Мало ли хлама в океане болтается...

– Хлама?! – с этим он никак не мог согласиться. – Да нет же! Там нечто странное. Посмотри повнимательней.

– Да что там странного? – второй раз она смотреть не захотела. – Болванка железная или балласт, с корабля оторвавшийся.

– Балласт пошёл бы ко дну.

– Ну... Я не понимаю, что тебя так увлекло!

– Существуют же мини-подводные лодки... Я в кино видел! Правда, они не такие маленькие...

– Ох... – она вздохнула и махнула рукой. – Пойду-ка я лучше ужином займусь.

Он ничего не сказал, обогнал её и нырнул в рубку. Женщина почувствовала недоброе.

– Что ты собрался делать?

– Разверну яхту! У нас на корме гарпун. Подплывём поближе и...

– Ты с ума сошёл! – всплеснула она руками. – А если это бомба?

Кавригин замер на секунду, затем отрицательно мотнул головой и нырнул к штурвалу.

– Ты всё-таки набрось что-нибудь. Вдруг там плавательный аппарат. А в нём мужики...

Видеть твои прелести – исключительно моя привилегия.

Мерцающий зелёный индикатор мог означать только одно: крышка «Капсулы смерти» готова к открытию. Хазд-Май услышал, как в корпус его несостоявшейся могилы что-то стукнуло. Гулко и несильно. Он не успел осмыслить, что произошло, как раздался жуткий скрежет, показавшийся узнику божественной музыкой. Внутри капсулы устремились свежий воздух и яркий свет. Вечному узнику дарована свобода! Воздух показался непривычно холодным для его организма, но вполне пригодным для дыхания. Свет же был чрезмерно ярким и насыщенным, но так на него могли отреагировать глаза, долгое время лишённые освещения.

Крышка поднималась всё выше и выше; в образовавшемся проёме показалось синее небо. Он и представить себе не мог такую синеву! Целая прорва безграничной синевы! На родной планете небо было серым, невзрачным, а здесь... Пора выбираться из опостылевшего ящика.

Поднявшись, Хазд-Май замер как парализованный. Такого не могло быть в принципе! Он созерцал салон «Капсулы смерти», но... не видел собственного тела! Оно отсутствовало! Он ощущал себя. Всё было на месте. Он чувствовал собственное тело, но не видел его. Чудовищная метаморфоза! Вылезая из «Капсулы смерти», он опёрся о её край. Ужас пронзил душу. Конечности лишь скользнули по краю, не сумев опереться на него. Хазд-Май – гроза полицейских и кошмар добропорядочных граждан – превратился в беспомощную пустоту. Короткая радость сменилась чёрным отчаянием. Вложив всю силу в вопль безнадёжности и гнева, он подпрыгнул вверх. Неважно, что ожидает его там, только поскорее покинуть проклятую капсулу, сделавшую из него ничтожество.

Металлический гарпун с прикреплённой к нему лебёдкой устремился к намеченной цели и через секунду ударил прямо по центру. Но никакого вреда стальной снаряд, способный с одного выстрела уложить слона, странному предмету не причинил. Он отскочил от него, не оставив даже царапины.

– Что я тебе говорила?! – удовлетворённо произнесла Алла. – Обыкновенный металлический хлам.

– Не скажи... – прищурился Ковригин. Он уже включил механизм, возвращающий гарпун обратно на борт яхты. – Сейчас ещё раз попробуем...

Гарпун не успел пройти и половину обратного пути, как неудачно торпедированный предмет издал необычный звук. Он походил на скрип тяжёлой двери в древнем замке, ведущей в подземелье. Находка медленно открывалась. Супруги замерли, затаив дыхание. Щель увеличивалась, обнажая содержимое таинственной железяки. Алле пришла на ум мысль, что именно так открывается крышка гроба в фильмах ужасов. Ей стало страшно, и она всем телом прижалась к мужу. Порцию адреналина он тоже получил, но она пока приятно щекотала ему нервы.

– Ну что ты, – он погладил её по волосам. – Всё нормально, ничего страшного.

Страшного действительно, на первый взгляд, ничего не было. Показавшиеся внутренности напоминали раковину, из которой только что извлекли моллюска: такая же невнятная серость с остатками склизкой жизни. И вдруг оттуда раздался неистовый крик. Он закладывал уши и представлял собой какофонию из смеси сирены подводной лодки, паровозного гудка и свиста белухи. Не вызывало сомнений, что кричит именно живое существо, а не какое-то техническое устройство.

Никогда в жизни Хазд-Май не испытывал подобного отчаяния. Приговор, обрекающий его на вечное небытие, казался сказкой по сравнению с тем, что творилось сейчас. Быть может, он всё-таки умер и попал в ад? Пожалуй, это похуже, чем кошмары, терзавшие его на протяжении полёта. Беспомощность и безнадёга – вот его теперешний удел. Он – ничто, не только не способное причинить кому-нибудь вред, но и не в силах добыть себе пропитание. Нет! Ад и рай – болтовня для идиотов, чтобы они становились послушнее. Утешало одно: без пищи он долго не протянет. Неожиданно в его сознание влетела мысль, страшная настолько, что он резко оборвал крик, чтобы осознать её окончательно. А что, если разум не умирает никогда?! Вдруг он остаётся вечно витать невидимым и ни на что не пригодным облачком?!

Но и этот страх оказался пустяком. Когда он обозрел мир, который так недавно казался спасением, ему стало жалко, что он вообще появился на свет. Хуже того, что предстало его взору, не могло быть ничего! В том числе и кошмары, беспрестанно изматывавшие его на протяжении полёта. Под ним плескался чудовищный объём воды, такой же синей, как и небо. Вода! В ней он не мог существовать ни при каких условиях. Долгая и мучительная смерть от невыносимой боли – вот что ждёт его в этой среде. В стародавние времена отпетых злодеев никогда не казнили с помощью воды, считая, что нет преступления, адекватного столь жестокой пытке.

Инстинкт самосохранения толкнул его обратно в постылую обитель. Она сейчас казалась спасением, единственным шансом. Но с «Капсулой смерти» происходило непонятное. Её внутренности зашипели и стали скукоживаться, словно съедаемые невидимым огнём.

Не мог он знать о тайной хитрости конструкторов, заложивших в его тюрьму программу самоуничтожения. На всякий случай. Чтобы не оставить следов на чужой планете. Замешкается заключённый, и другая цивилизация никогда не узнает, какая гадина свалилась им с неба.

Путь назад был отрезан раз и навсегда! Прыгнуть вперёд и покончить со всеми мучениями сразу? Сознание не желало умирать и всячески противилось самоубийству. Он вновь посмотрел на простираться в бесконечность водную стихию. Впереди, на расстоянии прыжка, Хазд-Май увидел нечто удивительное.

– Вот видишь, – сказал Ковригин, обнимая жену, когда неведомый крик прекратился, – ничего страшного. Просто удивительный моллюск открыл свои створки.

– Таких моллюсков не бывает! – её начинал сверлить безотчётный страх.

– Ты же у меня историк, а не океанограф. Можешь и не знать, какие именно существа обитают в этих водах. Я не раз читал о том, как рыбаки вылавливали тварей, считающихся давно вымершими.

– Мне страшно... Может, лучше... Уберёмся отсюда!

Она чувствовала миазмы страха, растворённые в солёном атлантическом воздухе, но Ковригин, опьянённый азартом, её состояния не понимал.

– Конечно, уплывём! Сейчас только я попробую ещё раз запустить гарпун, а ты сходи в каюту за фотиком. На палубу эту хреновину не затащишь, а вот запечатлеть её не мешало бы.

– Я принесу... – ей было приятно покинуть палубу. – Только... Быть может, не стоит больше стрелять?

– Я аккуратненько, – он не смотрел на жену, направляясь к гарпунной пушке.

Прицелился, но нажать на спуск он не успел. Алла же ещё не дошла до рубки, как из странного предмета повалили клубы чёрного дыма, вспыхнуло зеленоватое пламя, за полминуты не оставившее от него и следа. И дым улетучился, словно и не было его вовсе. Вновь – лишь мелкая рябь океана да небо, приготовившееся побаловать взоры людей южными созвездиями.

Хазд-Май не только не верил в жизнь после смерти, но и отрицал её наличие на других планетах. Не считая его планету, космос мёртв, в нём не существует даже насекомых. А

сейчас он увидел, что на водной глади находилось нечто, превышающее по размерам «Капсулу смерти», доставившую его сюда, раза в два, если не больше. И оно никак не походило на тварь, созданную природой. На нём суетились две фигуры: нескладные тела с четырьмя стручкообразными отростками, два из которых служили опорой; вверху – кругловатые наросты с бессмысленным покровом. Интуиция Хазд-Мая, крайне редко его подводившая, подсказала мгновенно – перед ним разумные существа. Он мгновенно замолчал, боясь выдать себя. Инопланетяне смотрели в сторону «Капсулы смерти», жестикулировали и... разговаривали! Да-да, именно разговаривали. Он не мог понять ни слова из их речи, но в том, что это была именно речь, а не бессмысленная переключка безмозглых скотов, сомневаться не приходилось.

Волна жара, как ни странно, оказалась для Хазд-Мая спасительной. Имей он своё прежнее тело, то мгновенно превратился бы в пепел. А так его отбросило вперёд, прямо на несуразных созданий уже ненавидимой им планеты. Он плюхнулся на ровную площадку, посередине двух существ, не сумел затормозить, проскользил дальше и врезался в стену, тут же погрузившись в темноту.

В течение минуты супруги стояли в недоумении. находка не раскрыла своей тайны, сгорев без остатка. На мелких волнах не было ни обломков, ни масляных пятен – ничего!

– Н-да... – разочарованно произнёс Ковригин. – К моллюскам он отношения не имел.

– Что это было? – голос Аллы дрожал. Она по-прежнему испытывала ничем не объяснимый страх, медленно перераставший в стойкое предчувствие опасности.

– Я так думаю, какой-нибудь секретный аппарат военно-морского флота, – ответил он, чтобы хоть что-нибудь сказать. Самоликвидировался...

Она подошла к мужу и положила голову ему на грудь. Он почувствовал, что её кожа покрылась мурашками.

– Ну что ты, – крепко обнял её за плечи. – Всё уже закончилось. Забудем это приключение. Давай поужинаем!

Она согласно кивнула.

Романтический ужин прошёл в свете уходящего за горизонт солнца. Южная ночь опустилась быстро, как театральный занавес. Яркие блюдца звёзд рассыпались по чёрной скатерти небосклона. Вообще, Ковригину здесь нравилось, и он был благодарен жене за то, что чуть ли не силой увезла его за многие мили от родных широт. На свете есть на что взглянуть, а от океанского бриза веет романтикой, приключениями и тайнами. Сюда, чёрт возьми, стоит вернуться.

Кушали фрукты, маленькими глотками пили мартини и молчали. Недавнее происшествие не прошло бесследно и не отпускало мыслей.

– Ты знаешь, – потянуло прохладой, и она куталась в парео, – мне кажется, ты ошибаешься.

– В чём? – сделал вид, что не понял вопроса.

– Крик, который мы слышали... Он точно не искусственный.

– Согласен... Но и животного, способного так кричать, представить не могу.

– Значит, к военной технике объект отношения не имеет, – она не спрашивала, она утверждала.

– Не знаю... – он неопределённо пожал плечами. Отказываться от своей теории не хотелось, но и цепляться за неё оснований он не видел. – Жаль, конечно, что не удалось сфотографировать... Ты что так странно смотришь?

В её глазах действительно сквозила отрешённость пополам с испугом, словно она прислушивалась к чему-то или пыталась разглядеть что-то, находившееся где-то рядом, но оставшееся невидимым.

– Ты ничего не чувствуешь? – дребезжащие нотки звучали в её голосе.

– Чувствую, – он опустил голову.

– Что именно?

– Безумную любовь к тебе! – он посмотрел на неё и засмеялся, но смех вышел неестественным.

– Я серьёзно! – отмахнулась она.

Ковригин помолчал немного, будто разбираясь в своих чувствах, а потом признался:

– Я полагаю... Мы встретили... Инопланетное существо... И это вызывает тревогу, потому что... Я не уверен в его гибели... Мне кажется, оно...

– Где-то здесь! – она закончила его мысль.

– Верно...

Внезапно подала голос радиостанция, находившаяся в рубке. Разумеется, вещала она на английском языке.

– Пошли, будешь переводить.

Они вместе слушали монотонный голос, повторявший одно и то же, после чего Алла перевела услышанное:

– Приближается сильный шторм. Он накроет участок от Сенегала до Либерии. Суднам с малым водоизмещением рекомендовано зайти в бухты или держаться подальше от скалистых берегов.

– Когда он доберётся до нас?

– Говорят примерно о двух-трёх часах, – ответила она, немного послушав радиосообщение.

– Чёрт! До порта добраться не успеем... Как ты переносишь качку?

– Это опасно?

– Вообще-то, «Старина Флинт» построен надёжно и предназначен для океанских плаваний, но... Потреплет нас здорово. Откровенно говоря, я ни разу не был в подобных передрыгах.

– Вот и прекрасно! – неожиданно её глаза азартно блеснули. – Получим все тридцать три удовольствия от путешествия. Я же говорила: первый раз – это первый раз.

Со стороны открытого моря потянуло холодом.

Палуба под ногами дёрнулась, но то был не удар волн, а самостоятельный поворот яхты и резкий набор хода.

Вскоре движение сквозь темноту прекратилось, и Хазд-Май замер непонятно где. Он ничего не видел и ничего не слышал. Но всё чувствовал! Каждой клеточкой сознания – единственного, что осталось! – понял: полностью парализован. Как жалкое насекомое вляпался во что-то обволакивающее, липкое, сковавшее все члены. И нет возможности даже дёрнуться.

Неожиданно Хазд-Май почувствовал, как непонятная субстанция, оставшаяся от него, наполняется неизвестной ему ранее энергией и такое наполнение не сулит ему ничего хорошего. Его ждут муки, несравнимые с предсмертными страданиями в воде. А она совсем близко. Но добраться до неё у него нет никакой возможности. И не будет уже никогда.

Алла тревожно наблюдала за мужем, пытавшимся справиться с взбунтовавшейся яхтой. Судно самостоятельно изменило курс и на всех парах летело к эпицентру надвигающейся бури. «Старина Флинт», как и положено истинному пирату, не подчинялся никаким командам и не слушался рулей.

– Что происходит?

– Понятия не имею!! – недоумевал он. – Система безопасности утверждает, что бортовой компьютер заражён вирусом.

– И куда мы плывём?

– Не знаю!!! – истерично выкрикнул он, но тут же взял себя в руки. – Свихнувшийся комп выбрал курс, задал параметры и отдал команду на выполнение. Будем плыть, пока горючее не кончится.

– Его надолго хватит?

– При такой скорости дня на два, не больше. Но это не самое страшное, – он посмотрел на жену, стараясь выглядеть как можно спокойнее.

Она рассматривала циферблаты и электронные табло приборов. Там творилась полная вакханалия! Стрелки то исполняли пляску Святого Витта, то лежали не шелохнувшись. Даже электронные часы выдавали немыслимые «67 часов 73 минуты».

– А что самое страшное?

– Яхта неуправляема. А когда судно не слушается команд, шторм становится существенно опасней.

– И что же делать?

– Прежде всего – успокоиться, надеть спасательные жилеты и ждать.

– Чего ждать?

– Сейчас подам сигнал SOS, и к нам устремятся спасатели. Одевайся!

Рация, к счастью, с бортовым компьютером никак не была связана, а потому на крик о помощи откликнулись немедленно. Однако они явно что-то спрашивали.

– Чего они хотят?

– Они спрашивают наши координаты.

– Я их не знаю! Навигация не работает! Мы находимся на постоянном пеленге. Пусть посмотрят на экраны своих локаторов!

Алла выдала слова мужа в эфир. После короткой паузы рация снова заговорила.

– Ну?! – нетерпеливо спросил Ковригин.

– Они говорят... – она нервно слотнула, – нас не видно на мониторе!

– Почему?!

– Они сами не понимают. Просят назвать хотя бы приблизительные координаты.

Аркадий Семенович запнулся. А действительно – какие? Пребывая в безмятежности, он совершенно забыл засечь их последнее местонахождение. Пришлось назвать последние запомнившиеся координаты. Весьма приблизительные.

– Они говорят, что в ближайшее время вышлют за нами спасательную группу, – радостно перевела Алла ответ невидимого диспетчера.

– Вот и отлично, – он облегчённо выдохнул.

Между тем ветер начал крепнуть и набирать силу с каждой минутой, чёрные тучи пожрали звёзды, а ласковые волны превратилась в злые буруны, облизывающие палубу. «Старина Флинт» переваливался с одного борта на другой. Вскоре окружающая действительность и вовсе превратилась в ад.

Волны достигли высоты пятиэтажного дома и развлекались, швыряя яхту из стороны в сторону. Белоснежная красавица трещала по швам под напором неумолимой стихии, но продолжала упорно двигаться вперёд. Это походило на безумное, смертельно опасное катание на «американских горках»: судно взбиралось, натужно ревя мотором, на самый гребень волны, похожий на спину вставшего на дыбы мифического чудовища, а потом обрушивалась вниз, в развёрстую бездну гневного океана. И каждый раз казалось, что пучина поглотит непокорное судно навсегда. Но яхта каким-то чудом снова выныривала, раскачивалась, чиркая клотиком по воде, и двигалась дальше.

Супруги, даже не подозревавшие, насколько страшной и безысходной может быть буря, метались по капитанской рубке и молились. Стихия выворачивала их наизнанку.

К рассвету, проверив на прочность и людей, и яхту, буря утихомирилась. Она не улеглась совсем, но теперь не представляла опасности. Шесть часов показались бесконечностью. Измо-

чаленные, разбитые и выпотрошенные, Ковригин и Алла вышли на палубу, идеально надраенную убийственными волнами. Бывший с вечера жарким воздух заметно посвежел, наполнился озоном и после спёртого воздуха капитанской рубки казался непередаваемым блаженством. Вновь захотелось жить, а отчаяние быстро уступило место радости спасения.

– О-ох... Этот пункт можно было бы исключить из программы нашего вояжа, дорогая. Если бы не «Старина Флинт»...

– Согласна, – Алла ещё сохранила способность улыбаться.

Океан, вдоволь набесившись, успокаивался. Бушевавший всю ночь ветер превратился в приличный бриз, промытая бурей синь неба весело освещалась поднимающимся из-за горизонта солнцем, и лишь север был чёрен от уползавшей дальше непогоды. На волнах не наблюдалось ничего, куда ни кинь взгляд.

«Старина Флинт» держал одному ему ведомый курс.

– Где же спасатели? – Алла тоже пыталась увидеть хоть что-то в бескрайнем просторе.

– Шторм мог помешать, – с робинзоновой грустью в голосе попытался объяснить Ковригин. – Да и по приблизительным координатам... Надо попробовать выйти на связь ещё раз.

Действительно, буря уже позади, они находятся в судоходном районе, так что особых поводов для беспокойства нет. Но! Судя по солнцу, яхта движется в сторону экватора, но не напрямик, а под небольшим углом. Таким небольшим, что они отдалялись от берегов Африки, но и к Южной Америке особо не приближались. Никуда не сворачивая, они вылетят в «ревущие сороковые». Не самая радужная перспектива. К тому же неизвестно, куда повлекут их судно течения, когда кончится горячее. Спасательным службам следует поторопиться.

Оставив жену немного подышать свежим воздухом, Ковригин направился к рубке. Для подачи сигнала бедствия обширных познаний в английском языке ему не требовалось. Как только он переступил порог своего капитанского пункта, на него накатила волна неборимого страха. Словно он угодил в замкнутую камеру, полную ядовитых змей. Их не видно, но точно известно, они повсюду: шевелятся под ногами, ползают по стенам, свисают с потолка. И все – все до одной! – направили на него немигающие взгляды, выбирая момент для нападения. Сердце сжалось до размеров фасоли, ладони заледенели, ног он не чувствовал.

Однако нашёл в себе силы прокрасться к радиостанции. На приборную свистопляску он сейчас не смотрел, но вот потухший красный глазок передатчика его обеспокоил. И очень сильно! Радиостанция мертва. Щёлкнул в последней надежде тумблером – тишина! Через пару секунд он стоял на палубе с бледным, как у мертвеца, лицом, вставшими дыбом волосами и глазами, похожими на шарики для пинг-понга.

– Что с тобой?! – Аллу удивил вид мужа.

– Рация с-сломалась, – пролепетал он онемевшим языком.

– И это тебя так напугало?

Он ничего не ответил, а лишь покосился на незакрытую дверь рубки.

Сознание Хазд-Мая неожиданно приобрело свойства, ранее ему неведомые. Оно подсказало, куда он угодил. Попав на палубу плавательного средства, он залетел в электронную систему управления. Энергия, питающая эту самую систему, парализовала его. Навсегда! Он будет теперь вечно находиться здесь. И ещё... Он теперь не нуждается ни в какой еде. А значит – его мучения вечны. Смерть, пусть самая страшная, но избавляющая от всего, никогда к нему не прикоснётся. Только вода – сейчас он слышал её плеск, казавшийся райским пением, – способна убить его. Она нестерпимо рядом, но она недостижима.

Неожиданно все его жертвы промелькнули перед ним. Они молили о пощаде, просили не истязать их. Но разве их страдания, совсем недолгие, можно сравнить с тем, что он испытывает теперь?!

В открытую дверь просочилось нечто – невидимое, неслышимое, неосязаемое, оно было как болотный газ, без запаха и прозрачный, с каждым вдохом проникающий в организм и неотвратимо убивающий его. Только вместо смерти нечто наполняло человеческое существо вселенским страхом, ужасом, ставящим на грань безумия. Оно разлилось повсюду от носа до кормы «Старины Флинта», сочилось из каждого миллиметра палубы, свисало с клотика, выползло из трюмов. Хотелось немедленно покинуть яхту. Пусть под ногами волны, из-за которых на пляжах вывешивают красный флаг, и бездна, прячущая в себе вечно голодных акул и жгучих медуз. Пусть! Лишь бы покинуть проклятое место.

Не сговариваясь, взявшись за руки, супруги прыгнули за борт, не обращая внимания на остывшую после шторма воду, и, не выбирая направления, устремились подальше от яхты.

Остановились они, когда солнце уже подобралось к зениту. Осмотрелись. «Старина Флинт» уплыл куда-то, скрылся из поля зрения. Они одни посреди океанской бесконечности. Но кромешный кошмар покинул их сердца, впусив туда радость спасения.

– Что это было? – спросил он так, словно исполнение вынесенного ему смертного приговора отменили, когда он уже положил голову на плаху. – Зачем с яхты спрыгнули?

– Я не знаю... – она была весела как ребёнок. – Помню только страх... Сводящий с ума страх!

– Это я тоже помню... Только... Разве одним в безбрежном море не страшно?

– Нет! – она ответила не задумываясь. – Там было гораздо страшнее.

Потом они замолчали, а через некоторое время она спросила, уже не улыбаясь, совершенно серьёзно:

– Вирус, поразивший компьютер, чувство необъяснимого страха... Тебе не кажется, что эти явления могут быть связаны с той находкой, что ты загарпунил?

– Вполне возможно, – согласился он. – Одно я знаю точно: ТАК провести отпуск шанса нам больше не выпадет.

Они заключили друг друга в объятия.

Спасательная команда извлекла их из воды примерно через два часа. Они сказали, что за борт их смыло волной, а яхта уплыла неизвестно куда. Впрочем, спасателей это особо и не интересовало.

Ковригин, выйдя из отпуска, не стал рассказывать друзьям-коллегам подробности забываемого отдыха, но настоятельно рекомендовал выбираться в открытое море тем, у кого есть на чём. Нет? Тогда нужно приобрести как можно скорее. И – в путь. Впечатлений может хватить на долгие годы.

В баках «Старины Флинта» оставалось горючего на пару миль, когда он на полном ходу напоролся на риф. В образовавшуюся пробоину стала поступать вода. Удар оказался такой силы, что бортовой компьютер выломал своим весом приборную панель и грохнулся на пол. Океан медленно и величественно вошёл в капитанскую рубку, но утащить к себе всю яхту не мог – её нос прочно держало коралловое сооружение. Лишь мощная приливная волна могла снять судно с прикола и отдать добычу глубине.

Хазд-Май, терпевший непрекращающиеся адские муки, возликовал. Вода, когда-то проклинаемая и вызывающая ужас, а теперь ставшая желанной, подбиралась к его темнице. Ближе, ближе... Он чувствовал её запах и сырость, уже проникшую в ненавистную тюрьму. О, Создатель, подтолкни её, заставь сделать ещё один шаг. Вот, вот... Тягучая боль мерзкой гадиной проползла по нему. Как она прекрасна! Но воды пока слишком мало, чтобы навсегда отправить его в бесконечный мрак и бесчувствие. Но что это?.. Что?! Не делай этого, Создатель!!!

– Что там? – спросил командир подводной лодки у одного из матросов, направленных на яхту, торчавшую в полузатопленном состоянии на коралловом рифе. Они специально всплыли здесь, в несудоходном районе, чтобы остаться незамеченными и выйти на связь с базой.

– Ничего необычного, сэр! Людей нет, ни живых, ни мёртвых. Судя по всему, яхту покинули в спешке, не забрав с собой ничего. Бортовой компьютер валяется на полу...

Командир задумался. Не та ли эта яхта, что недавно подавала в эфир сигналы бедствия? Какие-то нелады у них с компьютером были.

– Вот что. Тащите компьютер сюда. Пусть наши спецы с ним повозятся. Только быстрее, погружаться пора!

Матрос поднял с пола компьютер в тот самый момент, когда его основание уже лизали волны прилива.

Знакомство

Космический корабль обогнул на безопасном расстоянии красноватую звезду, и тут же автоматика включила систему торможения. Свершилось! Впервые представителям человеческой расы выпал шанс взглянуть на обитаемую планету через стекло иллюминатора.

Эпсилон Эридана... Одна из самых ближайших звёзд к матушке-Земле, напоминающая молодое солнце. Именно из-за её молодости учёные не рассматривали данный район как возможный для зарождения жизни. Не только в каких-то сложных формах, но и вообще как таковой. К тому же данная звезда долгое время считалась одинокой, не имеющей планетной системы. Никакими известными науке способами не удавалось увидеть или хотя бы достоверно вычислить наличие в области её притяжения сколь-нибудь значимого куска тверди. Лишь пара невразумительных поясов астероидов, больше напоминающих космический мусор, вращался по сильно вытянутой орбите. Однако писателей-фантастов разных времён и народов столь неоптимистичный факт ничуть не смущал, и звезде в своих произведениях они нередко «дарили» одну, две, а то и несколько планет, непременно населяя их разумными существами самого различного уровня цивилизованности – от дикарей до властелинов космоса. Неисповедимы источники, питающие человеческую фантазию! Вполне возможно, что разум человеческий ничего не выдумывает, а лишь ловит кванты информации из вселенского логоса, сам того не ведая, и выдаёт их потом за собственные идеи. Быть может, именно поэтому многие мысли оказываются материальными. Вопрос лишь во времени, нужно только дождаться, пока появится правильно настроенная голова, способная принять нужный сигнал.

И такая голова нашлась! Нашлась-таки учёная голова, мыслящая нестандартно! Есть ещё подобные головы среди человечества, есть! Молодой учёный-астрофизик, ещё в университете прославившийся нешаблонным, многим не доступным, казавшимся алогичным мышлением, с детства «проглотивший» едва ли не тонну фантастических книг, произвёл расчёты, в корне отличавшиеся от всех предыдущих, и пришёл к выводу: одна планета у Эпсилона Эридана имеется. Вот только движется она с таким наклоном оси, по такой мудрёной траектории, что разглядеть её даже в самый мощный телескоп никак невозможно. К тому же сама звезда обладает сильнейшим магнитным излучением, будто прячущим планету, не дающим определить её координаты хотя бы приблизительно. Учёный муж ни секунды не сомневался в правильности своих выводов, но вновь открытому миру не давал ни малейшей надежды на возможность зарождения жизни даже в виде простейших организмов. Он убеждённо доказывал, что условия на планете похуже венерианских: под семьсот градусов по Цельсию и кислотные ливни, способные идти месяцами. Потому-то коллеги дерзкого астрофизика восприняли его открытие со скучными лицами. У ничем особо не выдающейся звезды есть планета? Ну и ладно. Их невесть сколько крутится в Галактике и многие из них представляют куда больший интерес, нежели этот неведомый булыжник неизвестных размеров, к жизни абсолютно не приспособленный. В общем, похвалили астрофизика без всякого энтузиазма, поаплодировали вяло, да и вернулись к своим рутинным делам.

Всё крутанулось на сто восемьдесят градусов в одночасье. Десятилетиями радиотелескопы прощупывали, обыскивали космическое пространство, прислушивались к нему, но не находили ничего, дающего возможность твёрдо поверить в существование в ледяной бездне разумной жизни. И вот один-единственный радар, расположенный на труднодоступном плато в Андах, уловил довольно продолжительный сигнал с устойчивым ритмом. Со скепсисом загрузили его на обработку в компьютер и обомлели от вскоре полученного результата. Проверили и перепроверили ещё десятки раз, уже на более мощных электронных мозгах, в крупных научных центрах и только потом ошеломили мир сообщением: из космоса пришло послание! Код оказался несложным, по простоте напоминавшим известный с давних времен SOS. Но не в

смысле «спасите наши души», а нечто вроде «милости просим» или «ждём в гости». В послании имелись и координаты неведомых отправителей – Эпсилон Эридана! Где-то рядом с ней находилась обитаемая планета, запущенная природой по такой орбите, что увидеть её с Земли не представлялось возможным.

Вспомнили об учёном с революционными теориями и попросили вычислить более точный адрес братьев по разуму. К тому времени он стал светилом в своей области, номинантом на Нобелевскую премию; поседел, постарел, но с запалом выскочки-студента взялся за поставленную задачу и определил искомую точку на бескрайней карте Вселенной с точностью в десять процентов астрономической единицы – чепуха по космическим меркам. Но маэстро астрофизики по-прежнему утверждал: жизнь там невозможна. Тратить время на его убеждение не стали, списав на чудачество гения, – вот же реальное приглашение к знакомству, о чём спорить?!

Вскоре в предполагаемый район понёсся ответный сигнал с наидобрейшими пожеланиями и мечтами как можно быстрее увидеться воочию. Ответа не последовало. Шли годы – космос, как и раньше, хранил молчание. Но в человеческой натуре азарт заложен как неотъемлемая часть психики, и раз гора не идёт к Магомету...

Мировое сообщество решило достигнуть Эпсилона Эридана, отыскать загадочную планету и вступить в контакт с теми, кто, по неизвестной причине, замолчал. Разумеется, космический корабль, ещё и в проекте не существовавший, необходимо оснастить современным оружием – его на Земле в достатке; на всякий случай, мало ли что. Но прежде всего предстоящая экспедиция должна преследовать исключительно мирные и ознакомительные цели. Лучшие инженерные умы со всех стран мира были брошены на создание первого в истории звездолёта. Дни и ночи, забыв о секретах собственных государств, они трудились над выработкой новейших технологических идей и воплощением их в жизнь. Войны и бессмысленные разногласия отошли на второй план. Террористы и те поутихли, ожидая, чем же всё это закончится.

После многочисленных проб, ошибок и неудачных стартов удалось-таки создать космический корабль, в разы превосходивший своих заслуженных прашуров. На мыс Канаверал доставили звездолёт, способный развивать скорость, двукратно превышающую скорость света. И при такой немыслимой скорости звездолёт достигнет необходимого района через пять с лишним лет. Плюс столько же потребуется на возвращение. Никто до сих пор в течение столь долгого срока в космическом пространстве не находился. Но существенно сократить его не удавалось, несмотря на все усилия. Название для стального красавца дельтовидной формы выбрали нейтральное для всех стран, участвовавших в его создании – «Посланник». Не требует дополнительных пояснений и полностью соответствует возложенной на него миссии.

Подбор экипажа оказался проблемой не меньшей, чем создание корабля. Больше семи человек «Посланник» на борт взять не мог. И профессионализм этих семерых должен быть запредельным, отшлифованным идеально, без малейшей зазубринки. В список необходимых качеств кандидатов входило безупречное здоровье, непробиваемая психика, умение находить выход из самых сложных и непредсказуемых обстоятельств. Начали отбор из людей, уже зачисленных в отряды космонавтов своих стран. Но тут возмутились государства, ранее не претендовавшие на освоение околоземного и более далёкого пространства. Ведь проект-то общечеловеческий, значит и участвовать в нём должны представители всех народов. Во всяком случае, в конкурсном отборе. Подали голос и феминистки: опять права прекрасного пола ущемляют! Пришлось и женщинам дать шанс.

После двухгодичных испытаний в семёрку лучших попали трое россиян, двое граждан США, француз и представитель Поднебесной. Лидерство России и американцев было вполне предсказуемо и объяснимо, ведь именно они давным-давно находились на вершине всех космических программ и отдавать своё первенство не собирались. Китайцев на планете так много, что хоть один из них да преодолет любую конкурсную программу. Француз же с честью выдер-

жал все испытания и по многим показателям вырвался в лидеры. Всем умницам и красавицам не выпало удачи отправиться в долгий путь с неизвестным концом. Окончательный состав великолепной семёрки выглядел так: Пётр Кочегаров – 45 лет (командир экипажа), Виктор Виноградов – 37 лет, Александр Войничин – 33 года, Глен Уинслет (помощник командира) – 40 лет, Стив Гассинг – 32 года, Жан Лепардьё – 36 лет, Ли Чен Ю – 38 лет. Вполне возрастная команда, но у более молодых не хватало одного из важнейших критериев отбора – опыта, а все члены набранного экипажа им обладали вполне, осуществив по нескольку высадок на Луну и Марс.

И вот теперь все семеро стояли перед огромным иллюминатором в отсеке управления и с неровно бьющимися сердцами смотрели на вожделенную цель своего путешествия. Тысяча восемьсот двадцать семь дней, тянувшиеся долго, как скрипучая телега по неровной пыльной дороге, увенчались находкой. Монстера, нашедшая место в полукруглом помещении, напичканном аппаратурой, превратилась за время полёта из ростка в большущий зелёный шатёр. Во время нудных вахт она радовала взор, уставший от летящей прямо на тебя черноты со светящимися шариками звёзд, не желавшими становиться существенно ближе. Апатии, депрессии, разногласия и ссоры – неизбежные явления для столь длительного пребывания в замкнутом пространстве, да ещё невероятная удалённость от матушки-Земли – всё позабылось в один миг, как только они увидели планету. Её и искать-то не пришлось. Она располагалась всего лишь в четверти астрономической единицы от Эпсилона Эридана и сразу же бросалась в глаза, будто ждала пришельцев с Земли. Прекрасное, завораживающее, ни с чем не сравнимое зрелище! Приборы довольно быстро определили: других объектов, подходящих под определение «планета» у данной звезды не существует.

Неизвестная планета представляла собой шар пронзительно голубого цвета, раза в полтора превосходящий земной. И на этом нежнейшем фоне медленно проплывали бесформенные розовые скопления, похожие на неописуемо гигантские комья ваты. Судя по всему, это была плотная облачность. Полюса планеты имели цвет только что распустившегося мака. Периодически по всей поверхности этого красочного глобуса пробегали волны, напоминающие вспышки земных северных сияний. Но увидеть поверхность возможного дома братьев по разуму не представлялось возможным, потому что всё укрывала полупрозрачная серебристая дымка, сгущающаяся книзу. Космонавты не могли увидеть даже очертания материков, не говоря уже о городах или каких-либо ещё признаках цивилизации. Орбита планеты была чиста: ни искусственных, ни естественных спутников обнаружить не удалось. Не только визуально, но и с помощью чувствительной аппаратуры.

– Поздравляю вас, друзья! – сказал Кочегаров. Очень хотелось придать голосу подобающую моменту торжественность, но мужественный человек с налитыми плечами, седой головой и лицом древнерусского князя растрогался от увиденного, голос предательски дрогнул. – Только что мы с вами убедились, что у Эпсилона Эридана есть планета. Хвала оптимистам и фантазёрам!

– Осталось убедиться, – Уинслет шевельнул тонкими усиками, делавшими его похожим на молодого Чарли Чаплина, – что здесь существует жизнь. И очень хочется надеяться, что жизнь разумная.

– Надо дать планете имя! – уверенно заявил Гассинг. Самый молодой член команды и единственный негр, отправившийся к неизвестным мирам.

– И назвать её Нельсон Мандела! – съязвил сухопарый Лепардьё, почти полностью облысевший в полёте, но отрастивший, в качестве компенсации, кучерявую бородку.

– Почему так? – не понял Ли Чен Ю, имевший нестандартный для китайца – почти два метра – рост.

– Был такой борец за права чернокожих, – подсказал русоволосый Войничин, человек с открытым и приветливым лицом, но с изрядной долей скепсиса в душе. Он всегда склонялся к

тому, что далеко не все внеземные цивилизации, если таковые существуют, склонны к миролюбию. Пример – само человечество. В таком случае конфликт неизбежен, и оружие, прихваченное с Земли, выстрелит. Обязательно выстрелит.

– Весьма почитаемый нашим уважаемым Стивом, – добавил Виноградов, казалось никогда не унывающий крепыш с непослушными и вечно растрёпанными волосами.

– Будет вам, – снисходительно пробасил Кочегаров. – Давать планете имя – не в нашей компетенции.

– Э-эх, – досадно махнул рукой Виноградов, – жаль, что родина недоступна для прямых трансляций. Пока-а-а до них наш сигнал дойдёт... А так хочется увидеть ошарашенные лица сопланетников!

Командир решил прервать излишние разглагольствования и отдал приказ экипажу приступить к делу. Все семеро заняли кресла у пульта управления, простиравшегося по всему полукружью отсека. «Посланник» перешёл в режим ручного управления, и командир взял курс на снижение; Уинслет дублировал его. Войничин и Гассинг принялись принимать и расшифровывать с помощью главного компьютера данные, поступающие от датчиков, изучающих состав атмосферы, параметры вращения планеты вокруг своей оси, наклон этой самой оси и прочие подробности. Ли Чен Ю пытался в телескоп разглядеть планету поближе, а Лепардье превратился в слух, в надежде выудить из эфира хоть что-то стоящее. Виноградов же готовил аппаратуру к передаче на Землю сообщения о состоявшемся открытии. Радиосигнал, естественно, не мог развить скорость «Посланника» и вполне мог прийти позже возвращения звездолёта. Но отправляли его на тот случай, если корабль, по каким-либо причинам, задержится в пути или вовсе не сможет вернуться домой. Монотонно горящий белый огонёк сигнализировал о нормально функционирующей связи.

Весьма скоро звездолёт достиг самых верхних слоев атмосферы, но не стал входить в неё, а лёг в дрейф на околопланетной орбите. Примерно в это же время стали поступать первые выводы главного компьютера, который космонавты фамильярно называли «Папа».

– Чуть какая-то... – недовольно пробурчал Войничин, распечатывая полученную информацию.

– Поподробнее, пожалуйста, – потребовал Кочегаров, вновь переведя корабль на автоматическое управление.

– Разумеется, Пётр Егорович. Это сделает Стив, он обожает озвучивать сенсации.

– Докладываю! – мгновенно откликнулся Гассинг. – Без ненужных вам химических формул. Температура атмосферы 557 градусов по старине Цельсию. Причём температура однородна как в верхних слоях атмосферы, так и у самой поверхности, что само по себе крайне удивительно. Атмосфера очень плотная, в три раза плотнее, чем городской туман вперемешку с дымом сотни металлургических заводов, лишённых какой-либо фильтрации выбросов. А состав атмосферы... Тут полная катавасия, командир!

– Не тяни! – поторопил нетерпеливый Лепардье, теребя свою бородку и откладывая наушники в сторону. Эфир был пуст, как до сотворения мира.

– А я и не тяну. Просто компьютер выдал сразу четыре варианта. Согласно первому, воздух там чист и лёгок для дыхания, как после грозы в горах. Идеальные условия! Согласно второму, воздух перенасыщен углекислыми газами и сероводородом. Третий вывод говорит о том, что в воздухе, помимо мизерного процента кислорода, сплошные ядовитые газы. Метан, иприт, зорин и ещё целый десяток подобной дряни. И последний, четвёртый, вывод самый короткий: там ничего нет. Пустота, вакуум! Даже более стерильный, чем открытый космос.

– Такого не может быть! – выразил общее мнение Уинслет. – «Папа» явно ошибся. Он отвык от серьёзной работы.

– Исключено! – мотнул головой Войничин. – Он автоматически тестирует себя сам и выдаёт результат только после его трёхкратного повторения. При наличии сбоя такое повторение невозможно.

– Но как такое может быть? – командир был спокоен и ничем не выдавал свою обескураженность. – Мы же видим перед собой плотную дымку! Во всяком случае, о вакууме не может быть и речи.

– Пока мы не знаем ответа, Пётр Егорович, – Гассинг плотно сжал полные лиловые губы. – Мы только констатируем факты.

– В телескоп что видно? – командир повернулся вместе с креслом к продолжавшему наблюдение китайцу.

– Ничего... – ответил Ли Чен Ю, отрываясь от окуляров телескопа. Вид у гиганта был растерянный, а глаза несколько шире, чем положено азиату. – Я не могу пробиться сквозь туман – или что там из себя представляет здешняя атмосфера – никакими способами. Ни визуально, ни с помощью радио- и электромагнитного излучения. Во всех спектрах я вижу только мутное марево. Правда, весьма симпатичное, если учесть постоянно появляющееся сияние. Земное северное позавидует его яркости и цветовой гамме.

Кочегаров глянул в иллюминатор, где теперь фантастическая картинка заполняла всё пространство.

– Не понимаю... – Пётр Егорович указал рукой в сторону иллюминатора. – А если взглянуть на полюса?

– Пробовал. В телескопе – только непрозрачный туман, – с конфуцианским спокойствием заявил Ли Чен Ю.

– Ещё пара нюансов, шеф, – взволнованно сообщил Гассинг. – Не удаётся определить ни наклон оси планеты, ни её орбиту вокруг Эпсилона Эридана. Мы получаем лишь пляшущие цифры. Такое ощущение, что планета перемещается скачкообразно. Как вокруг светила, так и вокруг собственной оси. Если уж совсем просто: в западном полушарии, к примеру, сейчас ночь, а через секунду день, ещё через секунду – снова ночь. Со сменой зимы и лета такая же скоростная чехарда. И скорость вращения мы определить не можем. Она то возрастает до совершенно немислимых показателей, то падает практически до нулевой. Такой планеты просто не может существовать!

– Мне кажется, – угрюмо произнёс Войничин, – что перед нами фантом, мираж. Голограмма, если хотите. Мы пытаемся снять параметры с того, чего на самом деле не существует. Или нам намеренно предоставляют данные, никак не соответствующие действительности. Даже визуальную картинку от нас прячут...

В тишине, нарушаемой лишь почти бесшумной работой аппаратуры, все члены экипажа сидели с каменными лицами, на которых тем не менее без особых затруднений можно было прочесть вопрос: а не убраться ли отсюда подобра-поздорову? Но не затем они прошли столь сумасшедший конкурс и отправились в полёт протяжённостью более десяти лет. У некоторых дети уже успеют вырасти и обзавестись собственными детьми. Но если Войничин прав и кто-то намеренно вводит приборы в заблуждение, то... Зачем это нужно и какими технологиями должны обладать хозяева планеты?!

– Какое сообщение посылать на Землю? – первым нарушил молчание Виноградов.

– Пока никакого... – подвигал тяжёлыми скулами Кочегаров. – Я так понимаю, Лепардые ничего интересного услышать не удалось. – Тот утвердительно кивнул. – Попробуй теперь ты, Виктор. Выйди на диапазон, в котором был принят сигнал от инопланетян, и попробуй услышать там хоть что-нибудь. А заодно пошли краткое послание, что мы прибыли с миром и по их же приглашению.

За стеклом иллюминатора по-прежнему проплывала фантастически красивая планета, никак не желавшая приоткрыть свою сущность. Что прячется за столь мирной, не предвещающей ничего страшного красотой?

– Получилось, Виктор? – нетерпеливо спросил командир, не отрывая глаз от иллюминатора.

– Полнейшая тишина, Пётр Егорович. Я проверил все диапазоны. Ни-че-го! Наше послание ушло, но на него никак не отреагировали. Но есть одна удивительная особенность, появившаяся буквально сразу после моего сообщения к планете.

– Какая?

– Да вот, послушайте сами, – Виноградов переключил приёмо-передающую аппаратуру на громкоговоритель.

Отсек управления тут же наполнился ровным потрескивающим шумом, который обычно звучит из динамиков не настроенного на определённую волну радиоприёмника. Но что-то ещё примешивалось к этой эфирной пустоте. Что-то, уловимое лишь на уровне подсознания, как звук снегопада безмолвной ночью в глухом лесу. Только отключив все мысли и чувства, превратившись в слух, можно было вычленить этот звук из всеобщего радиомолчания. Это была сказочной красоты и чистоты мелодия, не способная родиться в голове земного композитора, какой бы гениальностью его ни наградил Создатель. Она звучала ненавязчиво и, казалось, никогда – никогда! – не могла надоест или наскучить. Таким звуком, наверное, должен быть наполнен воздух в райских кущах. Стоило отвлечься, подумать о чём-то другом, и мелодия тут же пропадала, охотно возвращаясь вновь, как только мозг настраивался только на приём столь божественно красивой музыки.

– Вы слышите? – прошептал Виноградов. – Слышите, да? Все молчали, не желая лишиться наслаждения внимать чарующие звуки и боясь, что они уже никогда не вернуться снова. Тогда Виктор отключил громкую связь. Он и сам не ожидал, что с усилением звучания мелодия достигнет такого мощного эффекта.

– Колоссально, – выразил всеобщее мнение француз, сглотнув пересохшим от восторга горлом. – В жизни ничего подобного не слышал! Браво и бис!

– Совершенно невероятно! – дрогнувшим голосом согласился Кочегаров. – В каком диапазоне ты обнаружил это... звучание? – командир посчитал, что слова «музыка» или «мелодия» никак не подходят к услышанному. Они слишком грубы и не могут отразить истинной красоты потрясающе красивых звуков. – В том, в котором было получено послание?

– Ничего подобного! Во всех! – улыбнулся Виноградов. – Абсолютно во всех! Оно насыщает весь окружающий нас эфир.

– А источник? – по-деловому спросил Войницын. – Ведь не может же такой звук иметь природное происхождение.

– Я не знаю... Возможно, на Эпсилоне Эридана существует неизвестный нам вид излучения и...

– Да перестань ты! – махнув рукой, неожиданно сердито перебил Уинслет. – Разве может звезда издавать нечто подобное?! Бред! Не способен сгусток различных газов и чего-то там ещё воспроизвести такое великолепие. Мы слышим явное творение разума. Высочайшего разума!

– Загони это в компьютер, Виктор! – командир быстро отошёл от впечатления. – Пусть «Папа» проанализирует его по всем возможным параметрам, разложит по полочкам. И непременно попробует установить источник. Нутром чувствую, что он находится на планете! Стив, Глен и Александр – готовьте к запуску автоматический зонд. Пора пощупать этот загадочный шарик.

Через час все снова собрались в отсеке управления. Напротив иллюминатора развернулся сотканный из электронных лучей двухметровый экран для показа информации, поступающей с зонда.

– Как потрудился наш «Папа»? – поинтересовался Уинслет. – Определил композитора?
– Нет, – ответил Виноградов с виноватым видом, будто он являлся причиной неспособности компьютера выдать точные данные. – Сначала он показал, что данный звук издаёт нечто, находящееся на нашем корабле, потом, что источник звучания удалён от нас примерно на сто тысяч парсеков, а потом вообще заявил, что не понимает, чего мы от него хотим. Слово информация, в него заложенная, ничтожна для анализа.

– Я же говорю, он не в себе, – пожал плечами Уинслет.

– Все системы главного компьютера функционируют нормально и находятся в рабочем состоянии, – возразил Войницин. – Я не понимаю, что происходит.

– Сейчас попробуем разобраться, – натужно улыбнулся командир. – Потрогаем, так сказать, нашу находку. Ну, с богом, парни! Будем знакомиться с местными условиями.

Он тронул один из многочисленных рычажков на панели управления, и тут же непроглядная чернота экрана сменилась синим фоном, в центре которого находился шар, утыканный короткими и толстыми антеннами. Он сильно напоминал глубинную бомбу времён давно отгремевшей Второй мировой войны, только был окрашен в ярко-оранжевый цвет и имел небольшое сопло. Из сопла вырвался огненный всплеск – включились ускорительные двигатели, и зонд устремился к планете. Судя по появившейся зелёной точке в правом нижнем углу экрана, заработал передающий маяк, встроенный в корпус зонда. Маяк – гарантия того, что аппарат не исчезнет бесследно.

Достигнув таинственной пелены, укрывающей планету, зонд плавно вплыл в неё и исчез из поля зрения. Понятно, что в иллюминатор его уже никак нельзя было разглядеть, но он исчез и с экрана. Совершенно исчез, будто провалился в чёрную дыру! И только светящаяся ровным зелёным светом точка показывала, что зонд по-прежнему жив и способен передавать информацию. Сейчас, вот сейчас на экране побегут цифры первых полученных данных. Сейчас, сейчас...

Проползла со скоростью улитки одна минута, другая, третья. Синева экрана оставалась пустой, как небо, лишившееся вдруг звёзд, и только зелёная точка в его правом нижнем углу горела заблудившимся светлячком. Зонд молчал как умершая рыба!

– Глен, – обратился Кочегаров к своему помощнику, – ты ничего не напортачил при подготовке нашего разведчика? – просто так спросил, для проформы, прекрасно зная, что профессионалы такого класса ошибки исключают полностью.

– Конечно нет, командир! – Уинслет не обиделся на вопрос, понимая неопределённость и ответственность ситуации.

– Ладно, – Кочегаров нервно потёр руки, – попробуем вручную вызвать нашего друга из небытия.

Он щёлкнул парой клавиш на пульте управления, и указательным пальцем вправо-влево поводит шарик рычажка, похожего на чрезмерно большую английскую булавку. Тут же загорелись четыре зелёных диода, расположенные прямо под рычажком. Они говорили о том, что зонд жив и полностью работоспособен. Почему же он тогда молчит?

– Н-да, – высказал общее мнение Войницин, глядя на часы. – Даже если предположить, что местная атмосфера в два раза выше земной, то и тогда наш посланец должен уже достигнуть поверхности.

– Не надо пессимизма! – похлопал его по плечу Лепардье. – Возможно, зонд приземлился на воду и продолжил погружение. Мы же не знаем глубину здешних океанов.

– Мы ничего не знаем! – Ли Чен Ю развёл огромные руки в стороны. – В том числе и то, есть ли там океаны вообще. Но в случае попадания аппарата на воду, он должен остаться на плаву, а не начинать погружение. И тогда зелёная точка, – указательный палец, длине которого позавидовал бы любой пианист, упёрся в экран, – должна мигать, а не ровно гореть.

– Зонд и информацию непрерывно нам должен передавать, – тяжело вздохнул Уинлет, – а он молчит, словно...

Глен не успел договорить, так как экран, куда с такой надеждой смотрели семь пар внимательных глаз, вспыхнул и показал первое сообщение от странно ведущего себя зонда. Это было не просто сообщение, а обзорная картинка того места, куда приземлился аппарат. Зрелище не только впечатляло, оно восхищало, завораживало и манило к себе!

Зонд опустился посреди залитого мягким солнечным светом цветущего луга. Такого буйства цветов на Земле невозможно представить! Тропические джунгли весной – лишь блёклая тень того, что предстало сейчас глазам землян, за время полёта отвыкших от ярких красок. Алый, пурпурный, пронзительно-жёлтый, нежно-васильковый, оранжевый, сине-чёрный, бархатно-фиолетовый, бирюзовый, кроваво-красный, лиловый и ещё великое множество цветов, определения которым нет в человеческом языке, смешались здесь в фантастическом коктейле. И всё это на сочном фоне изумрудной травы. Сами же цветы имели причудливые, удивительные формы и порой невероятные размеры. Например, взгляд сразу приковывал к себе бутон цвета только что расплывшейся по небу зари с многочисленными голубоватыми линиями, в хаотичном порядке ползущими по всему телу растения. Неожиданно бутон раскрывался, превращаясь в пятиконечную пунцово-красную звезду с многочисленными золотыми блёстками и фиолетовой сердцевинкой. Каждый лепесток этого чуда достигал в длину как минимум двух метров. Через некоторое время, словно дав полюбоваться собой, звезда плавно опять превращалась в бутон. И таких цветков по волшебному лугу было раскидано больше десятка. Над всем этим сказочным великолепием порхали не менее пёстрые бабочки, величиной с земную ворону. Медленно, словно нехотя, в хрустальном воздухе пролетали некрупные птицы с роскошным оперением, переливающимся всеми цветами радуги. Они непрерывно пели, и пение их нота в ноту совпадало с теми нереальными звуками, что люди недавно слышали в пустом эфире. Сказочный луг зелёной дугой обрамляли горбатые горы; на верхушках некоторых из них лежали искрящиеся белоснежные шапки. С самой высокой горы, спящей в пелене легчайших нежнорозовых облаков, лился каскадами водопад, играя невероятными россыпями радужных брызг. С противоположной стороны луг упирался в пляж, покрытый песком цвета топленого молока, а дальше... Дальше плескалось безбрежное аквамаринное море, отражающее в себе безоблачное небо.

Хотелось коснуться рукой экрана, чтобы хоть кончиками пальцев дотронуться до невероятной благодати. А затем и погрузиться в неё, пробежать по цветам, распугивая безмятежных бабочек, и нырнуть в тихие воды. Разум захватывала уверенность, что вода в море тёплая, а чудесная, небывалая красота не таит в себе ни малейшей опасности – тут живёт счастье!

– Ве-ли-ко-леп-но... – прошептал француз, не в силах сдержать свои чувства. – Я готов к высадке прямо сейчас!

– Выглядит симпатично, – сухо заметил Гассинг. – Но, господа, данных от зонда по-прежнему нет. Почему он не передаёт никаких параметров?

– Стив прав, – согласился с ним Войницын. – Почему молчит зонд? Я вновь возвращаюсь к своей мысли о голограмме.

– Сейчас проверим! – Кочегаров вновь дотронулся пальцем до рычажка управления зондом.

Посланец выказал полное своё послушание. Он поднялся метров на двадцать над цветочным ковром и направился к морю. Немного повисев над лёгкими волнами, зонд развернулся на сто восемьдесят градусов и устремился к купающемуся в собственных брызгах водопаду. Аппарат набрал высоту пятьдесят метров и замер почти на середине водного потока, на некотором удалении от него. Шум низвергающейся с большой высоты воды, который вряд ли с чем можно перепутать, наполнил отсек управления до отказа; изображение, передаваемое зондом на экран, покрылось водяными бисеринками.

– Теперь скептики могут быть удовлетворены, – улынулся Уинслет. – Перед нами не фантом и не голограмма, а изображение объективной реальности. Попробуйте взмыть над горами, командир!

Пётр Егорович и сам намеревался осуществить такой манёвр, а потому зонд стремительно взмыл вверх. Когда он перевалил через чистый, как крылья ангела, снеговой покров вершины, землянам открылась картина, не уступающая в красоте и великолепии той, что они видели прежде. Горы плавно опускались в обширную долину, играющую той же неповторимой и непередаваемой палитрой красок, что и луг у морской глади. В долине разлилось хрустальной чистоты озеро, упиравшееся в лес, уходивший за горизонт. Судя по всему, основу леса составляли гигантские деревья, сравнить которые можно было разве что с земными реликтовыми секвойями. Тут и там монолитный окрас леса украшали пятна озёр, отражающие от своих вод сочный цвет небосвода. И нигде никакого намёка даже на признаки существования цивилизации. Да и живые существа, если не считать птиц да бабочек, тоже пока в зону наблюдения не попали. Дав несколько минут коллегам полюбоваться открывшимся видом, Кочегаров вернул зонд на прежнее место.

– Будем считать, – заключил командир, – что визуальное знакомство с планетой состоялось. Инопланетная жизнь открыта! Будем готовиться к высадке! У кого-нибудь есть возражения или сомнения?

– У меня, – решительно заявил Войницин. – Да, мы видим перед собой поверхность планеты. В этом я не сомневаюсь, хотя данные от зонда по-прежнему отсутствуют. И именно из-за их отсутствия я бы поостерегся... Мы же ничего не знаем о планете. Ничего! – он недовольно покачал головой. – Единственный чёткий параметр – температура. Но при таком адском пекле невозможно существование того, что мы наблюдаем собственными глазами.

– Я думаю, всё дело в нашей аппаратуре, – уверенно заявил Ли Чен Ю. – Такое ведь не исключено? Произошёл сбой, нами пока не выявленный, потому мы и не можем получить истинных параметров. Нужно протестировать «Папу» в ручном режиме.

– А у зонда тоже проблемы? – Гассинг принял сторону Войницина.

– Зонд передаёт визуальную картинку, – поддержал китайца Лепардьё. – Значит, можно предположить, что неполадки имеются именно в том узле, который принимает и обрабатывает информацию о всех остальных параметрах. То есть непосредственно на «Посланнике». Нужно искать!

– Температура – прямое доказательство того, что у нас с техникой не всё в порядке! – жизнерадостно заявил Виноградов. – Разве могут столь удивительные цветы, птицы, бабочки здравствовать при такой температуре?! А вода?.. – он махнул рукой, не продолжив фразу, что означало, видимо: «Ну о чём вы говорите?!»

– Решено! – правом командира Кочегаров оборвал споры. – Осуществляем высадку. Со мной пойдут Виноградов, Ли Чен Ю и Лепардьё. Старшим на корабле остаётся Уинслет. Следить за нами во все глаза! Будьте готовы прийти к нам на помощь в любой момент. Виктор, отправь на Землю следующее послание: «Планета в районе Эпсилона Эридана обнаружена. Точных данных о физических свойствах атмосферы и планеты получить не удаётся. Предполагаем технический сбой. Посаженный на поверхность планеты зонд передаёт изображение, доказывающее существование жизни. Следов разумных существ пока не обнаружено. Принято решение о высадке». Не забудь видеоизображение приложить. Александр и Глен, вплотную займитесь проверкой всей электроники в ручном режиме. В первую очередь, естественно, узлом приёма и обработки информации. А сейчас, друзья, все в кают-компанию. Я думаю, праздничный ужин в честь совершённого открытия нам не повредит. Без алкоголя, разумеется. Выпьём после непосредственного знакомства.

На следующий день корабль-челнок отстыковался от «Посланника». Впервые в истории космонавтики человек спускался на планету, где существовала жизнь в сложных формах. Там,

под удивительной атмосферой, никак не желающей открывать своих свойств, плескался не бульон из малопривлекательных одноклеточных организмов, которым ещё предстояло пройти путь в миллионы лет, чтобы обрести хоть какую-то форму. Там царствовала красочная жизнь!

Челнок больше походил на десантный корабль, ошетилившийся вооружением и антеннами, в броне, способной выдержать прямое попадание ядерной ракетой, чем на исследовательский аппарат. Остроносый, с агрессивно раскинутыми крыльями, он напоминал стальную хищную птицу, метнувшуюся из-под небес на обнаруженную добычу. Имея размеры с половину футбольного поля, корабль обладал непревзойдённой маневренностью и скоростными качествами. Три скорости звука он набирал за три секунды и на этой скорости запросто делал повороты под девяносто и даже сто восемьдесят градусов. Для стороннего наблюдателя движения корабля могли выглядеть столь же непредсказуемо, как перемещения шаровой молнии. Так его и назвали.

Кочегаров лично управлял «Шаровой молнией», направляя её на место посадки исследовательского зонда. Маячок на зонде работал исправно, и корабль шёл на его зов. Погрузившись в сверкающую атмосферу, «Шаровая молния» оказалась будто в молоке: что-либо увидеть не представлялось возможным, и командиру пришлось доверить управление приборам. На круглом экране, расположенном на пульте управления, ползла тёмно-синяя линия, рисующая траекторию движения корабля. По неизвестным причинам он приближался к месту посадки не по прямой, а змеиными зигзагами и петлями. Можно было предположить, что корабль избегает препятствий, невидимых в невероятной плотности тумане, но приборы слежения молчали о наличии каких-либо угроз и возможности столкновения.

– Если наш зонд двигался так же, – сказал Лепардьё, почёсывая бородку, – то не удивительно, что он приземлялся столь долго.

– «Посланник», я «Шаровая молния», – проверил связь командир, – как слышишь меня?

– Слышу вас отлично! – тут же раздался в динамиках голос Уинслета. Связь была настолько чёткой, без малейших помех, будто Глен сидел здесь же, в рубке челнока.

– Нас на мониторе видно?

– Нет! Только два сигнала от маячков – ваш и зонда. Вы пробовали снимать показания?

– Сейчас попробуем, – командир кивнул Виноградову.

Виктор постучал клавишами, подождал пяток секунд, наблюдая за показаниями, и произнёс спокойно, словно того и ожидал:

– Ничего! Та же чехарда, что и при первых замерах, сделанных с орбиты.

– Ты слышал, Глен?

– Слышал, командир. Странно очень... Получается, что не хочет нормально работать вся измерительная аппаратура, имеющаяся в нашем распоряжении, а не только «Папа».

– Выходит, что так. Ладно, до связи.

– А ведь у такого глобального отказа техники, – задумчиво произнёс китаец, – может быть только одно разумное объяснение.

– Я бы не стал называть такой сбой отказом, да ещё глобальным, – снисходительно улыбнулся француз. – Мы же всё видим и слышим. Проблемы только с анализирующей частью.

– Что ты имел в виду, Ли? – командир оставил слова Лепардьё без внимания.

– Вирус. Элементарный компьютерный вирус.

– Такое было бы возможно, – не согласился Виноградов, – если бы к нашим устройствам кто-то подключался. Но на подобный случай предусмотрен датчик тревоги, устроенный так, что не может не сработать в принципе. А он безмолвствует!

– Вирус могли занести и на Земле, – неопределённо пожал плечами Кочегаров. – Хотя вероятность этого ничтожна. Не дремал же он всё время полёта!.. Не будем гадать! Стив и Александр – гении электроники. В скором времени они во всём досконально разберутся и

доложат результаты. Нам же предстоит познакомиться с цветочками да бабочками воочию. Непосредственно, так сказать. Соберитесь! Судя по всему, наш разведчик уже рядом.

Последнее указание было лишним. Все и так находились в напряжении. Шутка ли, они скоро ступят в чужой мир. Неизвестно пока, дружелюбный он или враждебный, но то, что чужой, – без всяких сомнений. И ведь где-то здесь должны находиться братья по разуму, чьё послание принял на Земле почти забытый радиотелескоп. Конечно, лет с той поры утекло немало – командир «Посланника» тогда ещё и на свет не народился, и сигнал от инопланетян поступил один-единственный, но... Очень хотелось верить, что знакомство с внеземной цивилизацией состоится.

Когда синяя полоска на дисплее приблизилась вплотную к точке, обозначавшей местоположение зонда, раздался звук, словно из спускного клапана теплового котла вырвалась струя пара, – сработали двигатели мягкой посадки. Ещё через пару секунд на верхней панели приборов замигали оранжевые буквы: «Посадка успешно завершена».

– Вот тебе и здрастье, – удивлённо произнёс Виноградов. – А мы ничего и не заметили.

Действительно, картинка, висевшая за лобовым стеклом «Шаровой молнии», не претерпела изменений: там был всё тот же непроглядный туман, казавшийся серебристо-белым монолитом. Где цветочная идиллия, море, горы, птички и бабочки? Где небо, пронзительное и безоблачное? Куда всё спряталось?!

Дисплей «Шаровой молнии» показывал чётко: зонд находится чуть правее, в десяти метрах от приземлившегося челнока. Командир решил вызвать исследовательский аппарат, впервые передавший изображение поверхности планеты-загадки, чтобы удостовериться в его близости, но не успел.

От ярких красок, водопадом хлынувших через стекло, зарябило в глазах: серебристый покров, паранджой скрывавший все прелести планеты, мгновенно спал, словно кто-то сорвал его властной рукой.

– Вау! – восхищённо выдохнул всегда невозмутимый китаец.

– Добро пожаловать в парадиз! – чёрные угли глаз француза искрились сумасшедшим азартом и счастьем мальчишки, с детства увлекавшегося фантастическими романами и мечтавшего ступить на неизведанную ещё планету.

Быстро привыкшие к красочной вакханалии глаза видели за стеклом тот самый пейзаж, что передал на «Посланник» исследовательский зонд. Всё тот же буйно цветущий луг с порхающими бабочками и птицами и мирно плещущимся морем впереди. Только теперь ощущения от увиденного хлестали через край, ведь люди наблюдали не картинку на экране, а, по сути, вид из окна. От сказочной красоты их отделяло лишь стекло да броня корабля. Надо только открыть люк и выйти наружу, и нога человека впервые утонет в травяном покрове чужой планеты.

– Надо выходить, командир! – Виноградов радовался не меньше, чем остальные. И ему не терпелось скорее прикоснуться к чужому миру. Дотронуться до неведомого, ещё не познанного человеком.

– Я знаю, Виктор, что надо, – душа Кочегарова тоже ликовала, но он старался вести себя сдержанно. – Но данных о внешней среде у нас по-прежнему нет. Только температура продолжает оставаться неизменной. И в такой температуре ничто живое существовать не может.

– Это-то и подтверждает ошибку приборов! – Ли Чен Ю больше не улыбался как ребёнок, но весёлые чёртики в узких глазах плясали. – Мы уже говорили об этом. Нельзя же не доверять собственным глазам. Конечно, поведение здешней атмосферы необъяснимо – взять ту же серебряную мглу, внезапно исчезнувшую, но со временем мы всё выясним, не сомневаюсь.

– Вот именно, внезапно исчезнувшая... – задумчиво произнёс Кочегаров. Впервые с момента подлёта к планете он почувствовал лёгкий укол под сердцем. Смутная тревога посе-

лилась в нём. – Складывается впечатление, что туманное покрывало кто-то намеренно сбросил, чтобы мы могли увидеть только то, что должны увидеть. И ничего больше!

Наступило молчание, стёршее радость с лиц экипажа. Несомненная логика в словах командира присутствовала, но... Даже если это действительно так и их кто-то ведёт, не желая раскрывать тайны планеты, что с того? Если бы их хотели уничтожить, то сделали бы это гораздо раньше. Заманить в ловушку? К чему такие сложности?! Они всё равно бы осуществили посадку – для того и прилетели. И прилетели, между прочим, с абсолютно мирными целями и фактически по приглашению. И неважно, что с момента отправки сигнала прошло чуть ли не три четверти века, если учесть время, необходимое посланию для достижения Земли. Дату и сроки визита никто не оговаривал!

– Командир, – Лепардье вновь затеребил свою бородку. – У нас прекрасное вооружение; скафандры, способные выдержать чёрт знает что; товарищи, готовые прийти на помощь в любой момент прямо с орбиты... Риск – благородное дело! В конце концов, невозможно познать вкус вина, не сделав ни единого глотка.

Кочегаров с укоризной взглянул на француза, недовольно шевельнув бровями. Он и сам думал точно так же, и, разумеется, они осуществят высадку, несмотря на внезапно появившееся, едва уловимое чувство тревоги. Пять с лишним лет в мёртвом космосе, в полном отрыве от матушки-Земли, и всё это для того, чтобы взглянуть, развернуться и отправиться восвояси? Ну уж нет! Такого командир и в мыслях не держал. Но ему так хотелось вздохнуть полными лёгкими воздухом чужой планеты, потрогать диковинные цветы, искупаться в волнах ласкового моря... А придётся выходить в скафандрах, не пропускающих сквозь свой защитный панцирь ни атома внешней среды. Лепардье понял взгляд и мысли командира и смущённо отвёл глаза.

– Экипажу пятнадцатиминутная готовность к высадке! Выходим по боевому варианту, со всем необходимым снаряжением и вооружением.

После дружного «Есть!» все трое отправились выполнять команду.

– «Посланник»! Как слышишь «Шаровую молнию»? – Кочегаров вызвал своего помощника.

– Отлично слышу! – вновь, как и в первый раз, связь была великолепной. – И вижу! Автоматически сработал маяк видеообзора, установленный на челноке. Он передаёт ту же картинку, что и зонд. Вы сели рядышком с ним. Поздравляю с удачной посадкой, командир!

– Спасибо. Ты можешь определить наши координаты?

– Делаю это с самого начала. Но как только вы вошли в атмосферу, цифры уже привычно заплясали. Мы не можем определить, в какой именно точке планеты вы находитесь.

– А траектория нашего движения отобразилась на дисплее?

– Отообразилась, – голос Уинслета стал глуше. – Но от неё нет никакого толку. Она представляет собой восьмёрку, положенную набок. Знак бесконечности, командир.

Скверно... Кочегаров хотел, чтобы «Посланник» разместился на геостационарной орбите прямо над ними. Не получалось... На скорую помощь, на которую так оптимистично был настроен француз, рассчитывать не приходилось. Куда придёт спасение, если нет адреса беды?

– Вот что, Глен, – принял решение Кочегаров. – Через пятнадцать... уже тринадцать минут мы осуществим высадку. Постоянно будь на связи! Если от нас поступит сигнал бедствия, немедленно идите на посадку. Не знаю почему, но в самой атмосфере мы двигались по пути, проложенному зондом, шли на сигнал его маяка. Быть может, у вас тоже получится. Но без моей команды ничего не предпринимать! Вы будете видеть нас на экране. Заметите что-то странное – дай знать немедленно. Ну, с Богом!

– Вы решили сразу вчетвером покинуть корабль? – неуверенно, будто опасаясь чего-то, спросил Уинслет.

– Да! Понимаю, это слегка противоречит правилам безопасности, но мне никого не хочется лишать такого удовольствия. Кто знает, второго шанса может и не быть. Пульт дистанционного управления «Шаровой молнией» я беру с собой.

– Храни вас Господь, командир!

Ровно в назначенный срок дверь «Шаровой молнии» плавно ушла в сторону и все четверо космонавтов шагнули в переходной отсек. Дверь бесшумно вернулась на место, и через пять секунд открылась другая, уже непосредственно выход в новый мир.

– Вперёд, Жан! – сказал Кочегаров, видя горящие глаза француза. Блеск нетерпения во взгляде Лепардьё был виден даже через лёгкую тонировку стекла шлема скафандра.

По выдвинувшемуся трапу француз стал спускаться вниз. Спускался медленно, даже величаво, словно хотел покрасоваться перед множеством телекамер, установленных внизу специально для того, чтобы запечатлеть столь исторический момент. Однако полтора десятка ступенек закончились быстро, и он оказался по щиколотку в траве сочного зелёного цвета. Но из-за скафандра не мог ощутить ни мягкости этой самой травы, ни её запаха. Жан Лепардьё – первый человек, ступивший на планету, вращающуюся вне Солнечной системы! Сердце француза зашлось от счастья, а в голове зазвучала «Марсельеза» вперемешку с каким-то фривольным напевом. Следом за ним спустился Виноградов, потом Ли Чен Ю, и последним сошёл с трапа командир.

Они встали в один ряд, в белоснежных скафандрах, больше похожих на удобные комбинезоны, на шлеме и левой стороне груди которых красовалось изображение физической карты Земли. Сейчас они не делились на расы, национальности, подданство и гражданство. Сейчас они – представители цивилизации, сумевшей преодолеть бездну космического пространства и высадиться на планете, похожей на красочный нереальный сон. Где медные трубы, фанфары, восхищённые возгласы сопланетников? Всё это впереди. А сейчас в наушники льётся волшебная, ни с чем не сравнимая музыка, издаваемая то ли великолепными птицами, то ли бабочками, то ли вообще здешним воздухом. Та самая музыка, что они впервые услышали на орбите и источник которой никак не желал установить головной компьютер. При такой музыке плазменные гранатомёты, удобно спрятавшиеся за спиной, и лазерные пистолеты, прилипшие к правому боку, казались совершенно неуместными.

– Осмотреться вокруг корабля! – последовал приказ командира.

Все четверо молча разошлись в стороны. Будто чувствуя торжественность момента, «Шаровая молния» казалась притихшей, окаменевшей после трудного перелёта птиц.

Передвигаться по чужой планете оказалось даже чуть легче, чем по родной Земле. Значит, сила тяжести, несмотря на куда более внушительные размеры, здесь не многим отличалась от земной.

Ни птицы, ни бабочки никак не реагировали на появившихся чужаков. Они занимались своими нехитрыми делами, не обращая никакого внимания на людей, иногда нехотя отлетая в сторону, чтобы избежать столкновения со странными двуногими существами в облегающих белоснежных одеждах, зачем-то спустившихся с неба. Цветы, до которых страшно было дотронуться, чтобы не повредить их красоту, охотно расступались, пропуская вперёд идущего. А затем снова возвращались на место, полностью скрывая все следы. Словно никто и никогда не проходил здесь. Так же поступала и изумрудная трава. В ней копошились разноцветные жучки, милые на вид, как земные «божьи коровки». Удивительным образом они тоже не попадали под жёсткий протектор ботинок космонавта, вовремя убегая прочь; как будто предчувствовали надвигающуюся опасность. Любопытный китаец нагнулся, чтобы кончиками пальцев аккуратно ухватить какую-то перламутровую букашку, но она с проворностью блохи прыгнула вглубь травяного покрова, словно заранее знала о намерениях землянина.

Осмотр территории, прилегающей к «Шаровой молнии», был завершён. Корабль купался в лучах красноватой звезды, огромным, раза в полтора превышавшим Солнце, шаром, висев-

шем в самом зените, и словно наслаждался захватившей всю округу красотой, умильным спокойствием и безмятежностью. Рядом младшим братом примостился шипастый зонд, вяло помигивающий проблесковым маячком. Ему, по всей видимости, здесь тоже было неплохо. И – музыка... Волшебная, завораживающая, ласкающая и манящая куда-то, не иначе как в сказку. Кочегарову пришла на ум древняя легенда о коварных сиренах, сладкоголосым пением завлекавших к себе мореплавателей. Но он отогнал от себя тревожные мысли. Долой угрюмость и опасность, когда вокруг всё дышит красотой и благодатью!

Решили подойти к морскому пляжу, начинавшемуся метрах в ста-ста пятидесяти от места посадки корабля. Свой хищный нос «Шаровая молния» направила именно к аквамаринovým волнам. Песчаная полоса нежнейшего бледно-бежевого цвета разбегалась в обе стороны тонкими крыльями, упиравшимися в малахитовые утёсы, далеко шагнувшими в море. Общая длина прибрежной полосы составляла километра три-четыре, не более.

Взяли пробы воды и песка. Впрочем, песок ли это был, сказать однозначно нельзя. Следы от ног землян исчезали буквально на глазах. Песчинки, как живые, возвращались на место, и от недавнего отпечатка через пару секунд не оставалось даже намёка. Температуру и состав воды на месте определить не удалось: показатели скакали в сумасшедшем танце, не желая остановиться ни на чём конкретном. Единственное, что оставалось незыблемым, как памятник несурности, – температура в 557 градусов. Как воздуха, так и воды. Но воды при такой температуре существовать не может! А она вот, совсем рядышком плещется, и даже мелкая рыбёшка у бережка резвится. Ничем, между прочим, по своей пёстрости бабочкам не уступающая. Так или иначе, пробы следовало взять с собой. Если и не в лаборатории «Посланника», то уж на Земле с ними разберутся досконально, разложат по атомам и вывернут наизнанку.

– Предлагаю дойти до водопада, – бодро заявил Лепардье. – До него километра полтора, не более. И там воды наберём. От скальной породы что-нибудь отколем. Воздуха в скафандрах ещё часов на десять хватит.

– На «Шаровой молнии» шлюп имеется, – напомнил Ли Чен Ю, не очень любивший пешие прогулки. – Можно на нём долететь.

– Не стоит! – поддержал француза Виноградов. – Расстояние небольшое, да и променад нам не помешает. К тому же по дороге ещё много чего интересного увидеть можно. А на обратном пути флоры нарвём. Быть может, её исследование нам что-нибудь даст.

– Так и сделаем! – легко согласился командир. – Несколько цветочков для изучения сорвать нужно, хотя и жалко такую красоту портить. У водопада времени на пустыки не тратить. Осмотрелись, пробы необходимые взяли – и в обратный путь. Для первого выхода вполне достаточно.

Четыре фигуры в белых скафандрах шли по нереально красивому лугу, приближаясь к не менее завораживающему зрелищу водопада. Картина казалась фантастической, живой иллюстрацией к какому-нибудь фантастическому же роману из серии «Покорители иных миров». Когда данное изображение покажут на Земле, то там ахнут от удивления, а потом завизжат от восторга. Зная тягу человечества к покорению новых земель, можно не сомневаться, что сюда ринутся колонизаторы всех мастей и рангов. Если, конечно, условия окажутся пригодными для обитания. Да и если нет, то тоже ринутся. Человек такое существо, что может прижиться где угодно. Правда, у планеты могут быть хозяева. Но это уже будет не важно. Не одним же им наслаждаться такой благодатью!

Пока же иллюстрацию к фантастическому роману наблюдали лишь трое землян, находившихся на борту звездолёта. Они белой завистью завидовали своим коллегам и с нетерпением ждали, когда те вернутся на борт «Посланника» и настанет уже их очередь спуститься в сказку. По плану на изучение планеты им отводилось две недели, так что работать придётся в авральном режиме и посменно опускаться на её поверхность.

У водопада удивительное пение птиц стихло. Здесь всё заглушал звук падающий с вертуры воды. На ощупь и вкус, конечно, волшебную влагу, столь ценную во всей Вселенной, попробовать нельзя, но даже по её виду можно было сказать: с горы мощным потоком льётся кристально чистая вода и температура 557 градусов – явный бред почему-то сошедших с ума приборов.

Космонавты остановились там, где водопад обрушивался со всей силой к подножию скалы, поросшему красноватым мхом. По «логике» земных водопадов, здесь должно было быть или озеро, или река, несущие дальше свои воды. Но ничего похожего не наблюдалось. Шумные воды всем потоком сливались в длинную и неширокую расщелину, притаившуюся в основании горного хребта. Если и существовал какой-то водоём, то он скрывался под землёй. Грандиозное зрелище! Складывалось впечатление, что, начинаясь неизвестно где – его исток скрывала шапка розовых облаков, он и исчезает в никуда. Этакая находящаяся в постоянном движении декорация, обои для невероятных размеров созданной самой природой стены. Брызги, рассыпающиеся в радужную пыль, окатывали космонавтов с головы до ног. Но специальный подогрев стекла гермошлема высушивал попадающие на него капельки, обеспечивая идеальный обзор.

– Пётр Егорович, – услышал Кочегаров в шлемофоне голос Виноградова, – посмотрите сюда.

Виктор стоял крайним справа в коротенькой шеренге землян, наблюдавших за созданием инопланетной природы. Командир, да и все остальные, подошли к Виктору и посмотрели туда, куда он указывал. Там, сразу за сплошным потоком воды, просматривалось нечто вроде ниши или грота, размерами с въезд в гараж для грузового автомобиля. Ничего удивительного для явлений подобного рода, если бы не одно «но». Внизу, на стенах и потолке что-то играло разноцветными россыпями. И это «что-то» было очень похоже на содержимое сундуков с драгоценными камнями в пещере Али-Бабы.

– Это именно то, о чём я думаю? – спросил с придыханием Лепардьё.

– Если ты думаешь о сокровищах, – невозмутимо произнёс китаец, – то тут так сразу и не ответишь. Вполне возможно, что мы видим лишь игру света или ещё что-то в этом роде. Мы же ничего не знаем о планете. Быть может, это – всего лишь стекляшки.

– И кто же наполнил пещеру бижутерией?

– Нужно туда наведаться! – без тени сомнения заявил Виноградов, повернувшись к командиру. – Тогда поток воды не будет искажать нам видимость.

До каменистого края грота действительно было не более метра. Шагнуть туда не представляло труда; даже разбега для такого манёвра не потребуется. Никакого риска, но необъяснимое и почти неуловимое чувство тревоги вновь коснулось сердца командира. Он медлил с ответом.

– «Посланник», ты хорошо видишь нас? – запросил Кочегаров звездолёт.

– Превосходно!

– Что скажешь про грот за водопадом? Какие-нибудь мнения есть?

– Местное солнце стоит сейчас под таким углом, что нам трудно разглядеть всё досконально. Отсвечивает...

– Понятно. Ну что же, – решил Кочегаров, наплевав на тревожное предчувствие. В конце концов, в любом неизведанном месте такое чувство – естественная штука. А уж в такой дали от Земли и подавно. – Сезам, откройся! Ты, Виктор, первым заметил это великолепие, тебе первым и шагать.

Дважды Виноградову повторять не пришлось. Он сделал картинный взмах руками, словно перед длинным прыжком, и скакнул, далеко вытянув вперёд правую ногу. Водопад был каскадным и имел несколько ступеней. Последняя находилась метрах в пяти-шести над головами космонавтов, а потому Виктор не ощутил на себе всей мощи падающей с заоблачной высоты водной махины и удачно приземлился по ту сторону прозрачной преграды. Нагнув-

шись, он поднял с пола первый же попавшийся камешек размером с грецкий орех. Поднёс находку к глазам, держа её большим и указательным пальцем. От осознания увиденного перехватило дыхание. Повернул камень по направлению к выходу из грота, на солнечный свет. Тот тут же заиграл разноцветными гранями.

– Командир! – в горле у Виктора мгновенно пересохло. – Я, конечно, могу и ошибиться, но, по-моему, я держу в руках алмаз самой чистой воды. И их здесь несметное количество. И не только алмазов...

Через пять секунд уже все четверо рассматривали пещеру, больше походившую на сокровищницу. Но вряд ли кто-нибудь из земных богачей, как ныне живущих, так и давно почивших в бозе, обладал таким несметным количеством драгоценностей. Это была именно пещера, а не грот, как казалось раньше. Она уходила куда-то в горное чрево, постепенно теряя очертания в темноте. И, насколько позволяла увидеть мощность ручных фонарей, пещеру сверху донизу усеивали разноцветные камни. Потолок пятиметровой высоты был покрыт камнями не меньше, чем небо звёздами в августовскую ночь. Люди осторожно, благоговейно наступали на алмазы, бирюзу, сапфиры, опалы, рубины, гранаты самых различных размеров – от крохотных зёрнышек до гусяного яйца. Космонавты не верили своим глазам. Этого не может быть! Это фантастика! Но разве само нахождение их здесь не являлось фантастикой?!

Кто поместил здесь столько сокровищ? Или драгоценная пещера – порождение местной природы? Второе предположение казалось более приемлемым. Потому что камни не лежали россыпью, а словно росли из каменной породы. Но при этом они легко вынимались из неё, будто просились в руки, и не имели искусственной огранки.

– В один миг экипаж «Посланника» превратился в миллиардеров... – пошутил Виноградов.

– Когда сокровищ много, как щебня, – с ледяным спокойствием изрёк Ли Чен Ю, – они уже не сокровища, а обыденность.

– Не романтик ты... – поморщился Лепардье.

– Каждый возьмите по паре разных камешков, – сказал командир. – Займёмся их изучением на борту «Шаровой молнии». Пора возвращаться назад.

Внимание Кочегарова привлёк немного выступавший из стены камень нежно-синего цвета, размерами и формой похожий на глаз гигантской акулы. Он пошевелил его пальцем, и камень спокойно выпал ему на ладонь, оставив после себя не пустую выемку, а синего же цвета плоскость. «Как ножка от срезанного гриба», – подумалось командиру. Он поднёс камень к стеклу гермошлема, и ему показалось, что в синей глубине на мгновение вспыхнул крошечный рубиновый огонёк, словно зрачок таинственного зверя. Вспыхнул и погас, будто и не было его никогда. Решив, что ему померещилось, он положил находку в самозакрывающийся клапан на левом рукаве скафандра – нечто вроде кармана для особо ценных мелочей.

Уинслет, Гассинг и Войничин во все глаза смотрели на своих товарищей сквозь завесу воды. Они физически не могли увидеть всей красоты, наблюдаемой сейчас четырьмя счастливыми, но воображение охотно дорисовывало всё скрытое от глаз и заставляло неровно биться сердца. Так хотелось полюбоваться столь невероятным зрелищем воочию, подержать камни в руках! Даже если на планете не обнаружат больше ничего ценного, то эта пещера окупит все затраты на создание и полёт «Посланника» с лихвой. Хватит ещё на сотню звездолётов! Совершенно вылетело из головы, что несметное богатство вполне может кому-то принадлежать.

Помощник командира со вздохом сожаления переключился на панорамный обзор. Тут же его взгляд остановился на том, чего ещё несколько минут назад не наблюдалось в инопланетной идиллии. На линии горизонта, там, где море встречалось с небом, появилась неровная полоса тёмного, почти чёрного цвета. Она раскинулась во весь горизонт от края до края. Уинслет хотел «наехать» камерой наблюдения на море, чтобы максимально приблизить новый объект, но этого делать не пришлось. Чёрная полоса сама устремилась вперёд. Разрастаясь с

невиданной скоростью, тьма пожирала и небо, и море. Внезапная буря, циклон? Но водная гладь оставалась спокойной, цветы мерно качались, а птицы и бабочки не улетали прочь, спеша укрыться от приближающейся непогоды, да и вспышки молний не пронзали клубящийся мрак. На «Посланнике» и ахнуть не успели, как непонятная тьма проглотила половину всего солнечного и цветущего пространства. Трое космонавтов наблюдали за таинственным явлением и чувствовали, как их души стремительно захватывает животный ужас, подобно тому, как неведомая тьма заглатывает дневной свет.

– Командир!!! – закричал по радиосвязи Уинслетт. – Немедленно уходите оттуда!!! Вызывайте модуль и эвакуируйтесь!!! Немедленно!!!

–pp!!! да!!! есь!!! но!!! – прохрипело в динамиках гермошлема Кочегарова.

– Я не понял тебя. Повтори! – озадаченно произнёс командир.

Но от великолепной и бесперебойной связи не осталось и следа. Она сменилась невнятным трещанием вперемешку со свистом, словно в эфир теперь вышел былинный Соловей-разбойник.

– Чертовщина какая-то...

– Пётр Егорович! – встревоженно позвал Виноградов. – Смотрите!

Даже сквозь находящуюся в постоянном движении стену воды можно было увидеть, что в чужом мире происходят изменения. Неведомая тьма надвигалась со стороны моря с сумасшедшей скоростью. Конечно, никто не знал особенностей местного климата, но на Земле ни один циклон не обладал способностью к столь быстрому передвижению. Да и тучи, даже самые тяжёлые и низкие, не могут опуститься прямо на воду. Сильный ветер, вечный спутник ненастья, отсутствовал. Но и полного штиля, частого предвестника урагана, тоже не наблюдалось. Цветущий луг пребывал всё в том же праздном колыбании, будто и не замечал приближающейся темноты или просто не обращал на неё внимания, не считая опасной. Страх ледяным и шершавым языком лизнул души всех четырёх космонавтов.

– Командир! – голос Лепардые, ещё недавно звеневший от радости, дребезжал случайно тронутой струной. – Там что-то движется!!

Теперь взоры обратились внутрь пещеры, куда указывал встревоженный француз. В тёмной глубине действительно было заметно неопределённое шевеление. Кроме того, доносился неприятный звук, похожий на медленно скребущее по стеклу железо. Четыре луча от фонарей синхронно врезались в недра невероятной сокровищницы. В двадцати метрах впереди всё пришло в движение: пол, стены и сам воздух, что наполнял пещеру. Но то было не землетрясение, пробудившее горы от векового сна, а нечто совершенно другое. С каменных стен отлеплялись сгустки тёмной материи, прямо в воздухе сливались в общую массу, непостижимым образом превращавшуюся в мерзких тварей, представлявших из себя жуткую помесь огромного паука, спрута и ещё чего-то неведомого, но непередаваемо страшного. Каждое из ужасных существ превосходило человека ростом и весом раза в полтора. Каменья, ещё недавно делавшие пещеру прекрасной декорацией для фильма-сказки, никуда не делись, но их закрывало мрачными телами скопище отвратных существ. Их количество уже явно перевалило за десяток.

Только мгновение космонавты стояли парализованные страхом.

– Огонь! – скомандовал Кочегаров. – Из лазерных пистолетов!

Безопасные лучи фонарей теперь сменились ослепительно яркими вспышками лазера. Каждый такой выстрел мог пронзить насквозь глыбу базальта с лёгкостью раскалённой иглы, входящей в брикет сливочного масла. Ни стонов, ни криков не последовало; только злобное шипение заполнило своды пещеры. Мощнейшее оружие не причинило инопланетным тварям никакого вреда!

Понимая, что добежать до «Шаровой молнии» они не успеют, командир попытался вызвать корабль дистанционно. Безрезультатно! Красный диод на пульте управления красноречивее любых слов говорил о полном отсутствии связи. Челнок недоступен!

А за выходом из пещеры уже всю плескался мрак. Он начинался сразу за потоком воды, по-прежнему невозмутимо падающим с горы. Ужасные существа, до этого не производившие никаких действий, начали атаку, словно получив условный сигнал.

Из медленно шевелившихся паучьих челюстей ближайшей к людям твари вырвалось нечто вроде большущего плевка. Вязкая, липучая и мерзкая субстанция в мгновение ока коконом спеленала Ли Чен Ю. Затем лишённого возможности пошевелиться китайца окутал лёгкий дымок с зеленоватым свечением. Пистолет из его руки тонкой струйкой стёк вниз, образовав на полу пещеры крохотную лужицу.

Никогда ещё Кочегарову не приходилось слышать столь истошного и страшного в своей безысходности человеческого крика. Дрянь, выплюнутая несуразным созданием, без малейших затруднений разъела защитную оболочку скафандра, спокойно выдерживавшую «купание» в жерле проснувшегося вулкана. Каждую клетку тела несчастного китайца обожгла нестерпимая, ни с чем не сравнимая боль. Он продолжал кричать, превращаясь в бесформенную массу. Его прощальный крик ещё стоял в ушах космонавтов, а от их товарища осталась лишь лужица кровавого студня.

Из пастей трёх тварей, стоявших ближе всех к тому, во что превратился высокорослый азиат, вырвались хоботки, и страшное желе исчезло в их паучьих брюшках, не оставив после себя и следа; только камушки в этом месте стали ещё краше.

Трое оставшихся космонавтов, уже без всякой команды, бросились к выходу. Они понимали, что подобным образом вряд ли удастся спастись, но быть заживо растворёнными для удобства приёма в пищу мерзкими существами никому не хотелось.

Как ни странно, преследования не последовало.

Остановившись на краю расщелины, в которой скрывался гигантский водопад, они, не сговариваясь, развернулись и выпустили в недра пещеры больше двадцати зарядов. И теперь не из пистолетов, показавших свою несостоятельность в данных условиях, а из плазменных гранатомётов, один боеприпас которого мог превратить в руины многоэтажный дом. Думали космонавты о последствиях столь мощного удара? Нет! В данный момент они хотели только одного: отплатить за кошмарную смерть своего товарища.

Все заряды ухнули почти одновременно. Но скала не встала на дыбы и не разлетелась на куски. Она лишь едва заметно содрогнулась, словно кит, испытывающий дискомфорт от метеоризма. Тут же из пещеры, казавшейся теперь частью плотоядного и неуязвимого чудовища, хлёткой плетью вылетело тонкое щупальце и змеиными кольцами оплело Лепардье с ног до головы. Ни командир, ни Виноградов не успели опомниться, как предсмертный вопль товарища чуть не разорвал динамики гермошлемов. Из-под тугих колец стала сочиться кровь. Чудовищный пресс давил француза, как горилла спелый апельсин. И вновь сверхпрочный скафандр оказался не полезней конфетной обёртки. Продолжавшего стенать от боли француза страшное щупальце медленно заволокло в пещеру. Вскоре оттуда послышалось медленное и смачное чавканье.

Лепардье закричал ещё сильнее, хотя это и казалось невозможным, а потом резко затих.

На смену щупальцу, унесшему в небытие первого человека, ступившего на поверхность планеты, которая казалась такой чудесной, из пещеры медленно выползли ещё два. Они ленивыми змеями направились к оставшимся в живых космонавтам. Послышалось злобное шипение вперемешку с треском, словно в пещере тысячи, десятки тысяч гремучих змей привели свои трещотки в боевое положение. Оттуда стало приближаться нечто совершенно жуткое, куда более страшное, чем виденные до этого паукообразные твари. Подсознание людей, достиг-

шее высшей стадии оторопы, услужливо сообщило: «Вы скоро умрёте смертью ещё более лютой, чем ваши коллеги».

Но смертельный ужас притаился не только в пещере. Он спускался и с горы. Прямо над головами практически приговорённых исследователей тоже висели шевелящиеся, словно лианы на ветру, щупальца. С них капала мутная жидкость, похожая на ту, что переварила Ли Чен Ю в кровавое месиво.

Командир и Виктор предпочли умереть в темноте, клубившейся за водопадом, чем пойти на трапезу хищным бессмысленным тварям. Конечно, темнота тоже таила в себе нечто ужасное. Наверняка! Потому-то от неё и веяло страхом, как от канализации нечистотами. Но тот ужас ещё не был известен, а из пещеры и горы надвигался кошмар познанный, кошмар убийственный. Они прыгнули сквозь водопад в беспросветный мрак.

Но совершенно неожиданно мрак оказался вовсе не бесплотным. Он не пропустил в себя людей. Прогнувшись под напором их тел, он выпрямился, став скользким, как щедро намащенное железо. Не ожидая такого развития событий, люди соскользнули в расщелину и унеслись в неизвестность, влекомые потоком воды.

На «Посланнике» висела гнетущая тишина. Уинслет, Гассинг и Войницин смотрели в экран, так плотно заполненный шевелящейся темнотой, что, казалось, она вот-вот начнёт выливаться в звездолёт. Ничего не видя, они всё прекрасно слышали и понимали, что в пещере, куда зашли их коллеги, произошло непоправимое. Нет связи, нет направления для поиска товарищей. Да и спасти их, судя всему, уже было нельзя.

– Глен, – хрипло выдавил из себя Войницин, – надо немедленно убираться отсюда... Немедленно!

– Нет... – сглотнул Гассинг. – Пока мы не получим подтверждения их гибели, мы не должны трогаться с места.

– Связи нет, – прошептал Уинслет, – место посадки неизвестно... Давайте будем мужественными и признаемся сами себе: спасти там уже некого. И мы не знаем, что убило их! На ту площадку, где стоят «Шаровая молния» и зонд, «Посланник» не приземлится. Ему там просто не хватает места...

– Если связь восстановится, – Гассинг не желал мириться с гибелью товарищей, – можно вызвать «Шаровую молнию» сюда, а уже потом...

– Если связь восстановится?! – лицо Уинслета вдруг посуровело. Неожиданно для себя он разозлился, почти рассвирепел. – У нас чёрт знает что происходит с электроникой! Мы не можем толком снять ни одного показателя! Мы не знаем о планете ни черта! И у меня единственное желание: врубить нашу плазменную пушку на полную мощность и...

Уинслет осёкся. Он уже поднял правую руку вверх, чтобы сопроводить красноречивым жестом своё желание устроить катастрофу планетарного масштаба, но рука замерла вверху. Взгляд Глена остановился на монстере – практически восьмом члене экипажа. С растением, прекрасно чувствовавшим себя весь длинный полёт, происходили странные метаморфозы. И не только странные, но стремительные и страшные. Широкие резные листья, радовавшие взгляд глянцевою зеленью, буквально на глазах чернели, скручивались, но не отпадали, а... удлинялись, превращаясь в подобие тонких и слепых змей! Они судорожно извивались, словно чувствовали, но не видели перед собой добычи. Потом от каждой «змеи» стали отпочковываться более короткие ленты-отростки. Они падали на пол и расползались по сторонам, забирались на стены и потолок. Число «змеёнышей» с каждой секундой удесятерялось, они не поддавались счёту. Пять секунд – и весь отсек управления оказался заполнен неведомой чёрной дрянью. Извивающиеся тела, оставлявшие за собой маслянистый след, подбирались к людям.

– Что это?! – возопил Войницин.

Ответ пришёл от головного компьютера:

– Весь корабль заражён неизвестной инфекцией, – бесстрастно сообщил «Папа». – Похоже на моментально разрастающуюся чёрную плесень. Но данный вид не только смертельно ядовит, он плотояден.

– Как она могла попасть на корабль? – задал Уинслет не самый важный на текущий момент вопрос.

Люди прижались к панели приборов, понимая, что уже через несколько секунд окажутся во власти смертоносного и неизвестного врага.

– Через электронные средства связи, – ответил компьютер и продолжил, словно предвосхищая следующие вопросы: – Методов и способов борьбы в данный момент не существует. При попадании на Землю гибель всего живого гарантирована в течение семи суток.

Этот приговор – последнее, что услышали трое космонавтов, перед тем как отвратно шевелящаяся масса ринулась на них.

Водный поток уносил командира и Виноградова в неизвестность, крутя во всех направлениях и ударяя о камни. Если бы не прочные скафандры, они бы уже давно свернули себе шею. Вокруг царила беспросветная тьма, и определить где они находятся, куда их несёт, не представлялось возможным. Время, казалось, потерялось в бешеной круговерти, и сколько они уже находятся во власти мрака и водной стихии, неизвестно. Полминуты прошло или сутки сгнули прочь – не поддавалось исчислению.

Но вот стремительный поток вдруг прекратился, и несчастные первооткрыватели буквально врезались в толщу воды.

Вынырнув, они оказались на поверхности водоёма. Сзади – горы со снеговыми шапками, с противоположной стороны – зелёной громадой возвышается лес, над деревьями которого замер диск багряного Эпсилон Эридана. Судя по всему, водопад, унёсший их от проклятой пещеры, безжалостно поглотившей двоих товарищей, одному ему ведомым маршрутом петлял в каменном чреве горы и вливался в озеро уже с противоположной стороны. Именно это озеро они наблюдали, когда зонд «перевалил» через горную гряду.

Выбрались на сушу, оглядели себя и осмотрелись вокруг. Голова, руки и ноги оказались на месте. Только сознание пребывало в глубоком нокдауне после всего пережитого и невероятных кульбитов в водопаде, но они живы, а значит, не всё ещё потеряно. Правое плечо командира горело, как после термического ожога. В том месте в скафандре наблюдалась дырочка размером с булавочную головку и с оплавленными краями. Видимо, убийственная жидкость в микроскопической дозе попала и на его скафандр.

Страшной тьмы, что поглотила прекрасный вид по ту сторону гор, здесь не наблюдалось.

– Не хочу казаться трусом, Пётр Егорович, – тяжело дыша сказал Виноградов, – но, по моему, мы здорово влипли. Если совсем честно – нам крышка!

– Ну что ты, Витя, – попытался возразить ему Кочегаров. Вот только уверенности в его голосе не было ни на грамм. – Пока мы живы, шансы остаются. Вернёмся на корабль и с плазменной пушки по всему этому безобразию...

– Как мы вернёмся, Пётр Егорович? – горько ухмыльнулся Виктор. – «Шаровую молнию» вызвать невозможно. Идти к ней пешком? Но как?! Темнота не пустит.

– Подожди-ка, – в наушниках гермошлема командира послышались лёгкие равномерные щелчки. – Похоже, связь со звездолётом восстановилась. «Посланник!», «Посланник!», как слышишь меня?! – заорал он. – Как меня слышишь?! Спят они там, что ли?..

Всё те же мерные щелчки. Пятнадцатисекундная пауза показалась вечностью. Командир переглянулся с Виноградовым и заметил в его глазах затухающую искорку надежды.

– Попробуйте вызвать головной компьютер, – упавшим голосом посоветовал Виктор.

– Хорошая мысль! «Папа!», «Папа!», я – «Сынок». Как меня слышишь?

Ответ пришёл незамедлительно.

– Слышу отлично, – сухо, как и положено электронному мозгу, ответил головной компьютер. Связь, правда, не отличалась чёткостью, словно «Папа» стремительно удалялся от командира экипажа.

– Где мой помощник? Что происходит?

– Все мертвы, – обыденно сообщил страшную весть «Папа». – Неизвестный вирус поразили весь корабль. Средств борьбы с ним не существует.

– Что за чушь? – оторопел командир. – Какой вирус мог попасть на звездолёт? Как?!

– По средствам связи.

– Белиберда какая-то... Мы нуждаемся в эвакуации. Даю команду «Посланнику» на посадку!

Это был крик отчаяния. Командир прекрасно знал, что осуществить посадку столь большого корабля без подходящей площадки невозможно.

– Команда отклоняется, – без всяких эмоций сообщил головной компьютер. – «Посланник» взял курс на Землю.

– Что-о?! Зачем?.. Немедленно вернуться!!

– Курс – Земля, курс – Земля, курс – Земля, – повторил несколько раз «Папа» и замолк.

Связь с кораблём прекратилась, и теперь уже навсегда. Если головной компьютер говорил правду, то Кочегарову и Виноградову оставалось только одно – лечь и ждать, пока неведомые твари не придут сюда и не сожрут их. А ещё лучше – снести себе голову лазерным пистолетом, чтобы не разделить участь товарищей. По грустным глазам напарника командир видел, что мысли их схожи.

Но надежда, уже считавшаяся мёртвой, дала о себе знать. Неожиданно ожил датчик, показывающий, что заработала связь с «Шаровой молнией». Челнок снова был управляем!

Короткая команда, пять секунд ожидания, и двое землян непроизвольно завопили от радости, увидев, как хищный нос «Шаровой молнии» выглянул из-за снеговой вершины. Каким-то образом он прорвался сквозь зловещий мрак. Или темнота отступила?

Ещё через полминуты они взбежали по трапу корабля. Быстро скинули скафандры и уселись за пульт управления. Догнать «Посланник» невозможно и ресурсов долететь до Земли не хватит. Но сейчас главное – как можно быстрее покинуть планету-загадку, планету-убийцу. Челнок серебристой стрелой унёсся в небо.

– Пётр Егорович, – услышал командир слабый голос Виноградова, – мне что-то плохо совсем.

– Спокойно, Витя. Всё будет... – Кочегаров повернулся к напарнику и осёкся: с лица Виноградова свисали чёрные нити какой-то гадости. Они уже дошли до груди и продолжали свой рост, извиваясь змеёнышами.

Больше Виноградов не успел произнести ни слова. В считанные секунды он превратился в огромный клубок шевелящихся змееподобных существ. И такая дрянь наполнила уже всю рубку управления. Всего лишь шаг ей остался до командира. Так не она ли поразила «Посланник», со сверхсветовой скоростью несущийся к Земле?! Эта зараза на всех порах несётся к Земле?!

Командир зашёлся в предсмертном отчаянном крике...

И... проснулся. Пётр Егорович Кочегаров вскочил на кровати, обливаясь ледяным потом. Никогда в жизни он не видел столь страшного и столь правдоподобного сна! Слава богу, что это всего лишь сон. Или не сон?..

Правое плечо саднило, словно кто-то затушил об него окурочек. Включив свет и осмотрев его, Кочегаров обнаружил крохотную, слегка кровотокающую язвочку. Значит, не сон?! На прикроватной тумбочке лежал удивительной красоты синий камень, и в нём что-то мерцало, красное, похожее на гранатовое зёрнышко.

Не сон! Но что же тогда?! Ведь он жив, его не поглотила чёрная жуть...

Будущее... Во сне он увидел своё будущее! И не только своё!
До исторического старта оставалась ровно неделя...

* * *

– Верховный!

– Я слышу тебя.

– Они отменили старт.

– Как это произошло?

– Командир экипажа проник на корабль и кислотой уничтожил главный компьютер, созданный по уникальной технологии. Потом он устроил пожар, в котором пострадал двигатель. Восстановлению не подлежит.

– Далее.

– На создание нового корабля уйдут многие годы. Ваш замысел сработал, Верховный!

– Я в этом и не сомневался. Теперь они вряд ли соберутся ещё раз в едином порыве, чтобы создать подобный корабль. Тем более что командир экипажа подкреплён материальными фактами. Ожог на его плече и – главное! – камень невозможно игнорировать. Уж что-то, а внеземное происхождение нашего подарка их эксперты установят безошибочно. Наша разведка работает безукоризненно!

– Разрешите вопрос, Верховный?

– Задавай.

– А зачем нужна была столь сложная комбинация? Ведь если бы не наш сигнал, они бы не стали посылать экспедицию к Эпсилону Эридана?

– Ты плохо их знаешь! Они же упорно желают познакомиться с инопланетянами. И вероятность того, что они сами наткнутся на нас, нельзя было исключать. А в наших ли это интересах?! Посмотри, что они натворили со своей планетой! А так хоть на некоторое время отвлеклись от бессмысленных войн и прочих нехороших вещей. Науку вперёд двигать начали, создавать недоступные ранее технологии. Н-да... Мне пришлось здорово пофантазировать, изобретая различные спецэффекты. Вот только музыка настоящая... Но я прекрасно знал, что их может привлечь и что серьёзно напугать. По крайней мере, одного человека. Кстати, нужно будет помочь ему. Иначе всю оставшуюся жизнь он проведёт в тюрьме или сумасшедшем доме.

– Но ведь нельзя же исключать возможности того, что они всё-таки не оставят мысли об Эпсилоне Эридана?

– Конечно нельзя! Они ребята настырные. Поэтому я готовлю им новое послание.

– Какое?

– Не будь слишком любопытным! К тому же об этом ещё рано говорить. Как и о нашем знакомстве с землянами...

Подсудимый

Представителей масс-медиа в здание суда налетело не меньше, чем мух на навозную кучу. Падкие на «жареное» ребята, сменившие блокноты и ручки на планшеты и айфоны, из кожи вон лезли, чтобы попасть в число избранных. Ещё бы! Дело слушалось громкое, резонансное. На скамье подсудимых не матёрый уголовник, а нормальный с виду человек, до задержания работавший заместителем директора средней школы по безопасности. Весьма мирная профессия, несмотря на грозное название. Правда, прошлое его скрыто в тумане таинственности. Вроде как бывший военный, но вот чем конкретно он занимался до выхода в отставку, следствию, да и вездесущим журналистам, раскопать не удалось. Сам подсудимый от пояснений отказывался, Министерство обороны заявило, что документов об этом субъекте у них нет, а спецслужбы хранили гробовое молчание: по comments. В наше время трудно сохранить те или иные сведения о конкретном человеке в полной недоступности. Где-нибудь, как-нибудь, что-нибудь да всплывёт. Даже на уровне слухов можно раскопать много интересного, отбросив всяческую шелуху. О подсудимом удалось раздобыть крохи достоверной информации: человек не старый, а уже пенсионер. И пенсия у него куда выше, чем у среднестатистического гражданина. За эту ниточку потянуть аккуратно, и нашли бы структуру, где подсудимый пенсию заработал. Дело техники и времени. Но неожиданно вмешалась генеральная прокуратура и наложила полное табу на эти сведения, отделившись отбегаемым объяснением: не представляет интереса в расследуемом деле. Но между строк читалось: «Не влезай – убьёт».

Данное обстоятельство укрепило журналистов во мнении о принадлежности подсудимого к спецслужбам, причём к самым закрытым.

Между тем судили мужчину не за мелкое хулиганство, а за особо тяжкое преступление – преднамеренное убийство, с отчётливыми, как метастазы у онкобольного, признаками террористического акта. Потому как убитый состоял на государственной службе. Не премьер-министр, но – заместитель мэра столицы, курирующий культурно-досуговые объекты. В его ведении находились стадионы, парки, театры и тому подобные заведения. Хозяйство нештучное, требующее постоянного внимания и приложения недюжинных сил. Но энергии у заммэра, только приблизившегося к шестидесятилетию, было с лихвой. В «перестройку» он вступил завлабом НИИ, изучающим непонятно что. В то время страна нуждалась в новых политических кадрах, способных оттянуть её от края пропасти. Нуждалась, как нуждается в глотке воды несчастный путник, заблудившийся в знойных песках. Иссущаемый жаждой, с отказывающимся нормально функционировать рассудком, он готов нахлебаться любой жидкости, не обращая внимания на её чистоту. И не виноват он, что на пути попала лужа, а не родник... Завлаб угадал ситуацию и уловил момент, нашёл какие-то выходы на телевидение. Крыл на чём свет стоит коммунистов, проповедовал демократические ценности и сыпал новаторскими идеями в области экономики. В экономике он, правда, ничего не смыслил, но излагал красиво и убедительно. Заметили, приблизили, доверили. И понеслось: ваучеры, приватизационные аукционы, кредиты... Позиционировал он себя чуть ли не спасителем отечества, при каждом удобном случае пел осанну президенту России и западным кукловодам. Властителю это нравилось, и стремительно растущей карьере бывшего завлаба завидовали опытные политики. Его ставили на высочайшие посты поднимать хозяйство (энергетику, к примеру), выделяли огромные деньги по первому требованию. Хозяйство неизменно разваливалось, а деньги исчезали. Он – вне подозрений. Дорос до заместителя председателя правительства. Отметился и в первой чеченской кампании, приняв активное участие в подписании позорных хасавюртовских соглашений.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.